

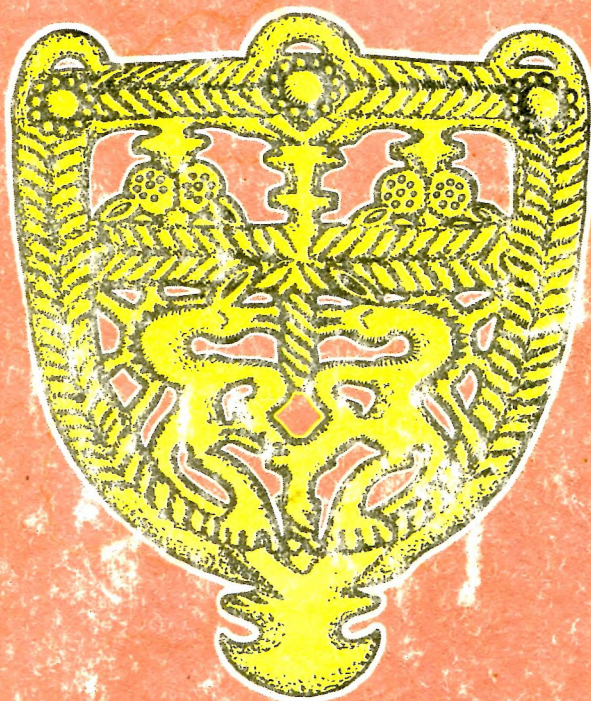
902.7 (Дар)

№ 83

С. А. ЛУГУЕВ
Д. М. МАГОМЕДОВ

БЕЖТИНЦЫ

XIX - начало XX вв.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

9027 (Дар)
183

Дагестанский научный центр РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

С. А. Лугуев, Д. М. Магомедов

БЕЖТИНЦЫ
(КАПУЧИНЦЫ, ХЪВАНАЛ)
в XIX—нач. XX вв.

Историко-этнографическое исследование

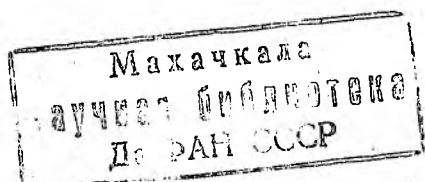
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСТОРИЯ» Махачкала 1994 г.

Книга издается на средства БЕЖТИНСКОГО участка
Республики Дагестан

Ответственный редактор —
доктор филологических наук

М. Ш. ХАЛИЛОВ

161957

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование — это одна из серии работ по историко-этнографическому изучению малых по численности народов Дагестана, проводимому сотрудниками отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Осуществление этого исследования и других, подобных ему, соответствует четко наметившейся тенденции на всестороннее и углубленное изучение истории и культуры народов России, независимо от их численности.

Работа написана на основе полевого этнографического и исторического материала, собранного авторами в районе проживания капучинцев — бежтинцев за время неоднократных экспедиционных поездок. Материал этот дополнен, а зачастую и подтвержден разнообразными письменными данными, почерпнутыми из различных источников и историко-этнографической литературы.

Русские путешественники, представители царской администрации, служащие и чиновники в своих научных работах, специальных исследованиях и путевых очерках оставили некоторые сведения об интересующем нас народе. В меньшей мере подобные сведения можно найти у современных исследователей и местных составителей. Так, о расселении бежтинцев, их соседях, общественных отношениях, политическом строе и быте этого народа сообщают нам давные, чаще всего фрагментарные, Н. Г. Бутков («Материалы для новой истории Кавказа с 1832 по 1903», СПб., 1863), И. А. Гильденштедт («Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествия акад. И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 г.г.» СПб., 1809), И. И. Норденстам («Описание Антль-Ратля. 1832» // ИГЭД), А. А. Неверовский («Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье». СПб, 1848), А. П. Берже («Материалы для описания Нагорного Дагестана» // КЖ на 1859 г. Тифлис, 1858), Н. И. Воронов («Из путешествия по Дагестану» // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868), Н. Ф. Дубровин («История войны и владычество русских на Кавказе», Т. 1, Кн. 1, Тифлис, 1871), К. Ф. Ган («Путешествие в Кахетию и Дагестан летом 1892 г.» // СМОИПК. Вып. 31, Тифлис, 1902), «Тарихи-Дербент-Наме». (Ред. Алиханов-Аварский. Тифлис, 1898), Е. И. Козубский («Дагестанский сборник». Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902), А. Бакиханов («Гюлистан-Ирам». Баку, 1926),

В. Ф. Минорский («История Ширвана и Дербенда». М., 1963) — и др. Более ранние, отрывочные сведения о бежтинцах мы можем найти у античных авторов — Страбона, Плиния, Птолемея и др. («Известия древних греческих писателей о Кавказе». Тифлис, 1884).

История Дагестана теснейшим образом связана с историей Грузии. Особенно это относится к народам, непосредственно с Грузией граничащим. Не случайно, поэтому, что дореволюционные и советские историки и ученые Грузии, касаясь различных сторон социально-экономического и культурного развития своего народа в прошлом, не могли обойти молчанием соседствующих с ним и имеющих стародавние экономические и политические связи народы Дагестана, в том числе и бежтинцев (капучинцев). Здесь назовем прежде всего «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии» А. А. Чагарели (т. 1, СПб., 1891), «Краткая история Грузии» Давида, царевича грузинского (Тифлис, 1893), «География Грузии» Вахушти (Тифлис, 1904), работы И. А. Джавахишвили («Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока» //ВДИ, 1939), Л. М. Меликсет-Бекова («Описание сопредельных с Грузией стран» //Труды, вып. 18, Тбилиси, 1941), Г. А. Меликишвили («К истории древней Грузии», Тбилиси, 1959), В. Ф. Гамрекели («Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.» Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1973), Т. Д. Бопвадзе («Северный Кавказ во внешней политике Грузии XVI — XVIII вв.» Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1973), С. Н. Джанашия («Мецниереба» Труды, вып. 6, Тбилиси, 1988) и др.

Исторические данные о политическом и социальном строе бежтинцев, их взаимоотношениях с другими народами Дагестана и Кавказа, об их участии в освободительной борьбе Дагестана и Чечни в первой — начале второй половины XIX в. во многих случаях почерпнуты из сборника документов, составленного В. Г. Гаджиевым и Х. Ж. Рамазановым «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 — 50 гг. XIX в.» (Махачкала, 1959). Используются авторами и такие фундаментальные коллективные исследования дагестанских и северокавказских ученых, как «История Дагестана» в четырех томах (Т. 1, М., 1967) и «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1988).

Интересные сведения самого разнообразного характера о бежтинцах мы находим в статьях, описаниях, заметках, очерках, переписке, отчетах, рескриптах и др., периодически публиковавшихся в таких тифлиских изданиях, как «Сборники сведений о кавказских горцах», «Сборники материалов о местностях и племенах Кавказа», «Акты Кавказской археографической комиссии», «Кавказские календари», «Кавказ» и др. Используются авторами также материалы архивных фондов ЦГА ДАССР и ЦГИА Грузинской ССР — и др.

Что касается собственно этнографии, то в основу освещения их традиционно-бытовой культуры легли, как указывалось выше, прежде всего полевые материалы, собранные в сс. Бежта, Хашархота, Тлядал и прилегающих поселениях в период полевых исследований в 1987 — 1990 гг. Для написания различных разделов этнографии, кроме того, привлечены источники и литература как дореволюционных, так и советских авторов.

Самые общие сведения о различных сторонах семейной и общественной жизни бежтинцев, их обычаях, традициях, нравах и т. д. мы находим у авторов, освещающих те или иные проблемы истории и этнографии Дагестана и попутно затрагивающих интересующий нас народ. Это и уже упомянутая работа И. Ф. Дубровина, исследование Ф. И. Леонтовича по проблемам права («Адамы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа». Т. 2. Одесса, 1883), описательно-повествовательная работа Е. Г. Данилиной («Этнографическое исследование дидоев» //РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63), Е. М. Шиллинга («Народы андо-цезской группы» //РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37), капитальные исследования Р. М. Магомедова («Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX в. в.» Махачкала, 1957) и Х.-М. О. Хашаева («Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961), посвященный культуре и быту андийцев труд М. А. Агларова («Андийцы». Махачкала, 1982. Машинопись.), работа В. Ф. Минорского («Очерки истории Кавказа» //РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 321), сборник архивных материалов, составленный Х.-М. О. Хашаевым («Феодальные отношения в Дагестане: XIX — нач. XX вв.» М., 1969) и др.

При описании материальной культуры народа широко использована коллективная монография «Материальная культура аварцев» (Махачкала, 1967), где бежтинцы так или иначе затронуты по всем разделам исследования. Кроме того, в разделе «Поселения и жилища» нами использованы статьи А. И. Исламмагомедова, помещенные в Ученых записках ИИЯЛ за разные годы и в этнографических сборниках; в разделе «Одежда» мы постоянно прибегаем к многочисленным монографиям и статьям С. Ш. Гаджиевой, статьям А. Г. Булатовой, Г. А. Сергеевой и др. Сведения о материальной культуре бежтинцев содержатся в работах П. Г. Пржецлавского («Нравы и обычаи в Дагестане» //Военный сборник, 1860, № 4), Н. Львова («Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени» //ССКГ, вып. 3. Тифлис, 1870), Е. Л. Маркова («Кавказ в его настоящем и прошлом» //Живописная Россия. СПб.-М., 1883), Н. И. Пантюхова («Аварский хлеб» //Кавказское сельское хозяйство. Тифлис, 1901), К. Ф. Гана («Путешествие в Кахетию и Дагестан летом 1891 г.» //СМОМПК, 1902. Вып. 31), З. А. Никольской («Из истории аварского жилища» //СЭ, 1947. № 2), ее же в соавторстве с Е. М. Шиллингом («Женская одежда аварцев» //КСИЭ. М., 1953, Вып. 18) и др.

Вопросы семейного быта бежтинцев затрагиваются в уже упомянутых работах Н. Ф. Дубровина и Ф. И. Леснотвича, а также в статьях З. А. Никольской («Свадебные и родильные обряды аварцев» // СЭ, 1946, № 2 и «Из истории семейно-брачных отношений аварцев в XIX в.» // КСИЭ, 1949, Вып. 8), в сборниках правовых актов народов Дагестана («Памятники обычного права Дагестана XVII — XIX вв.» М., 1965. «Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы». Махачкала, 1968), в исследовании М. А. Агларова, посвященного сельской общине Дагестана («Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — нач. XIX вв.» М., 1988), в капитальной работе С. Ш. Гаджиевой о семье и браке в Дагестане («Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX вв.» М., 1985) и др.

Лучше других освещены в литературе вопросы общественного быта бежтинцев. Монографии и статьи авторов начала, середины и конца XIX в., начала XX в., современных исследователей, хотя чаще всего и фрагментарно, захватывают отдельные стороны общественного строя бежтинцев, принципов организации вольного общества, говорят об отношениях между союзами сельских обществ и внутренними, межджамаатскими и межтухумными, дают отдельные сведения о сельском управлении в обществах, особенностях организации в них судопроизводства и судоустройства, о традиционных обычаях и институтах куначества, гостеприимства, кровной мести, о формах общественного и семейного досуга — и т. д. Здесь мы имеем ввиду работы И. А. Гильденштедта («Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809), М. А. Коцебу («Сведения о Джарских владениях». 1826 // ИГЭД), И. И. Норденштама («Описание Анты-Ратля, 1892» // ИГЭД), И. Р. Анрепа («Сведения о населении Джаро-Белоканской области и обществ Андукского и Капучинского. 1839 — 1840» // ИГЭД), А. П. Берже «Материалы для описания Нагорного Дагестана» // КК на 1859 г. Тифлис, 1958), А. В. Комарова («Адагы и судопроизводство по ним» // ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1899), Е. И. Козубского («Дагестанская область», вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902), С. М. Рейнеке («Горские народные суды Кавказского края». СПб., 1912), А. К. Сержпутовского («О поездке в Нагорный Дагестан» // Живая старина. Т. 25. Петроград, 1916), З. А. Никольской («Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в.» М., 1948), А. С. Омарова («Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ, вып. 4. Махачкала, 1966; «Судебно-правовая политика царизма в Дагестане» // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 13), М. А. Дибирова («Народные игры и спорт в Дагестане». Махачкала, 1968), Д. М. Магомедова («Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII — нач. XIX вв.» Махачкала, 1975. Машинопись канд. дисс.; «Некоторые особенности развития союзов сельских общин Западного Дагестана в

XVII — XVIII вв.» // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1981), В. Г. Гаджиева («Союзы сельских общин Дагестана: Проблемы, история изучения, перспективы» // Общественный строй союзов сельских общин...), М. А. Агларова (упомянутая выше работа) — и др.

Для написания главы «Духовная культура» нами использованы источники и литература, затрагивающие особенности идеологических воззрений, развития народного творчества, проведения массовых театрализованных представлений и праздников у исследуемого народа. Таковы названные выше работы Вахушти, И. Г. Гербера и др., а также А. И. Лилова («Очерки быта горских мусульман». // ССКГ, вып. 2. Тифлис, 1869), Г. Ф. Чурсина («Авары» // РФ. ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65), Г. А. Гаджиева («Донсламские религиозные верования и обряды народов Нагорного Дагестана (XIX — нач. XX вв.)». Махачкала, 1985 // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 216), А. Г. Булатовой («Традиционные праздники и обряды Горного Дагестана в XIX — нач. XX вв.» Л., 1988) и др.

Мы приносим глубокую благодарность М. М. Магомедову и М. Д. Раджабову из с. Бежта, любезно представивших нам свои дипломные работы, данные из которых внесены в настоящее исследование. В частности, мы воспользовались фактическим и цифровым материалом дипломной работы М. М. Магомедова «История колхозного села Бежта», касающегося первых десятилетий коллективизации у бежтинцев. Широко представлен в нашем исследовании также фольклорный материал из дипломной работы М. Д. Раджабова «Календарно-обрядовая поэзия бежтинцев». Глубокую признательность выражаем и нашим многочисленным информаторам, жителям сс. Бежта, Хашархота и Тлядал.

Главы I и II («Краткий исторический очерк о капучинцах (бежтинцах)» и «Социально-экономическое развитие» написаны ст. науч. сотрудником отдела истории дооктябрьского периода, канд. ист. наук Д. М. Магомедовым. Остальные главы, введение и заключение написаны ст. научн. сотр. отдела этнографии, канд. ист. наук С. А. Лугуевым.

В заключение считаем своим долгом выразить глубокую признательность руководству Бежтинского участка, оказавшему большую помощь в издании данной монографии. Особо хочется поблагодарить Абдулмеджидова С., благодаря усилиям которого вышла в свет настоящая работа.

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК О БЕЖТИНЦАХ (КАПУЧИНЦАХ)

Капучинцы — один из народов Дагестана, проживающий в нынешнем Цунтинском районе Дагестана. Селения их расположены в окружении аварцев Тляртинского района. С запада они граничат с дидойцами (цезами). Территория, занимаемая капучинцами, относится к высокогорной зоне. Они живут в ущелье, образуемом Главным Кавказским (Водораздельным) и Мичитлинским хребтами. Исторически они расселены в населенных пунктах Бежта, Хашархота, Тлядал (Къадал), Гарбутль, Гунзиб, Нахада.¹ Этноним «бежтинцы» исходит от названия главного аула Бежта. Согласно преданию, предки бежтинцев жили в местности «Охъечела», где и по сей день сохранились строительные остатки жилых и хозяйственных помещений. На территории современного с. Бежта находился огороженный загон для скота (беж). Со временем по решению джамаата жители «Охъечела» переместились на современную территорию с. Бежта.

В историко-этнографической науке бежтинцы известны как капучинцы и жуанал (хъванал). Поэтому при написании данной работы мы будем пользоваться и термином «капучинцы». Первый из них чаще всего встречается в литературе грузинского происхождения, откуда он был заимствован русскими исследователями. Согласно народной этимологии, данный термин происходит от *кIап* — крайняя плоть, *чи* — суффикс, означающий принадлежность человека к какой-нибудь профессии. В данном случае «КIа-

¹ Население Гарбутля, Гунзиба, Нахеды составляют отдельный народ цезской группы — гунзибцев. Им посвящено исследование М. Ш. Ризахановой («Гунзибцы: Историко-этнографическое исследование. XIX — нач. XX вв.»), рекомендованное к публикации Ученым советом Института ИАЭ Даг. научного центра РАН. Однако, гунзибцы (*hunds*) на протяжении многих веков совместно с бежтинцами составляли одно общество. Имеющиеся документы показывают, что историческое прошлое этого этноса вплоть до распада Анцухо-капучинского общества (вторая пол. XVIII в.) было тесно связано с капучинцами. Поэтому считаем целесообразным осветить их историю как одного политического объединения.

пучи» в буквальном смысле означает «человек, совершающий обряд обрезания». По другой версии (кстати, она исходит от тлядалцев) в прошлом жители сел. Бежта спускались в Кахетию на заработки. В лесах Кахетии они изготавливали деревянную посуду, в частности бочки «кап» и продавали их кахетинцам. По этой причине якобы тлядалцы и называли их «капуча».

Если верить первой версии, то термин «капуча» должен был возникнуть не ранее XVII века, т. е. в период исламизации бежтинцев. Но по сведениям средневековых письменных источников этноним «капуча» встречается задолго до их исламизации. Так, по свидетельству древней арабской географии под названием «Мальтабрун», «Дагестан или Лажжистан делится на 8 земель: Авар, Дидо, Кафучи, (Капучи и Анцух), Андфис (Анди), Гумук и др.¹ Жуанал (хъванал) их называют соседние с ним аварцы и народы андийской группы (от слова хъвани — конь, лошадь», т. е. коневоды).

Этноним «хъванал» более позднего происхождения, видимо, его надо отнести к началу XIX века, когда после установления торгово-экономической блокады капучинцы были вынуждены установить интенсивные экономические контакты с соседними обществами. Существует другая версия о происхождении этнонима «Капуча». Так, в своей диссертации М. Ш. Халилов (бежтинец) термин «капуча» выводит от грузинского *тIкъапIучи* «тулуп» — *тIкъапIучелсби* «люди, одетые в тулуп».

Можно было бы, конечно, согласиться с подобной этимологией. Но известно, что тулупы носили и другие соседи грузин. Однако последние именуют их конкретными этнонимами (дидойцы, гунзибцы, анцухцы и т. д.). Есть еще другой вариант, позволяющий этимологизировать термин «капуча». Так, в переводе с турецкого *капуч* означает меч. Действительно, в прошлом бежтинцы были известными мастерами по изготовлению мечей и других металлических изделий, что свидетельствуют находки Бежтинского мопильника.

Иногда в исторической литературе встречается название «Калаки», под которым подразумевался Тлядал. В устной традиции говорится, что до образования сел. Тлядал (Къадал) на данной территории существовали укрепленные поселения в местностях Бакъраль, Гъабуракъа, Толоса, Налъагъа, Бурдолакь². В связи с этим большой интерес представляет устная традиция, которая гласит, что в прошлом недалеко от современного аула Нахада существовал крупный укрепленный город. Рассказывают, что основателем этого города был человек по имени Гулуч (Къулуч), откуда происходит и название «Шагъар-Гулуч». Шагъар-Гулуч был разрушен иноземными завоевателями. В этих местах сохранились

¹ Тарихи Дербенд-Наме. Под редакцией Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. С. 188.

² Полевой материал. Р.Ф. ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64. С. 17.

остатки оборонительных стен с боевыми башнями, что свидетельствует о его былой мощи¹. Возможно, что город Гулучи в этом районе играл важную роль в средневековой эпохе. Конечно, трудно с достоверностью утверждать, что этноним капучи (Капучи) происходит от Гулучи (Кгулучи). Однако другого топонима, через который можно было бы объяснить этимологию «капучи», нет. В самоназваниях населения этих аулов тоже нет никакого соответствия с этнонимом «Капучи». Так, например, тлядалцы сами называют себя «гьальгоса», а «Къадал» (Тлядал) наверное берет начало от аварского слова «къарияб» — буквально «жирный», т. е. «богатые», Бектинцы Тлядал называют ЁшогалI, от ёшо — богатый и гIалI — село, аул в буквальном смысле «богатое село», (жирное село).

«Нахада» (НахIада) происходит от аварского (анджухского говора) — «нахI» — масло. Самы капучинцы и гунзибцы НахIада называют Нигъаль (Нигаталь), происходит от слова «нигъе» — шишки².

С древних времен до позднего средневековья (XV — XVI вв.) все они, как и другие народы андо-цезской группы, в основном были известны под термином «Дидо» (диди, дидуванийцы, дидои)³. Об этом свидетельствуют античные писатели, которые размещали дидойцев на границе с Албанией, за Кавказским хребтом. Так, Страбон (66 г. до н.э. — 24 г. н.э.) к северным границам Албании относил Кавказские горы. «На севере, — пишет он, Албания защищена Кавказскими горами»⁴.

Плиний (29 — 79 гг. н.э.) подтверждает сведения Страбона и сообщает, что «за границей Албании мы встречаем на передней стороне Кавказских гор варварские племена сильвов, а за ними субиенов, дидуров и содиев»⁵. Другой автор, Клавдий Птолемей (120 — 176 гг.), пишет, что «между Кавказскими и Кераунскими хребтами живут туски и дидуры»⁶. О том, что «Дидо» объединял многочисленные этнические группы Западного Дагестана, в том числе капучинцев, свидетельствуют также известия грузинских летописей и историков. В частности, Вахушти пишет, что западные границы дидойцев проходили через главный Кавказ, лежащий между Дидоэтией и кахетинской провинцией Гагма Мхори⁷. Гагма Мхори — это Заречье (Заалазанская долина), заселенная дагестанцами. По поводу заселения данной территории дагестанцами имеются различные мнения. В основном они сходятся на том,

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94. Л. 12.

² Там же. Л. 12.

³ Лугуев С. А., Магмедов Д. М. Дидойцы. Историко-этнографическое исследование. (Машинопись).

⁴ Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. С. 66—69.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904. С. 130.

что завоевание Заалазанской долины произошло в XVI — XVII вв. Однако некоторые исторические сведения дают возможность полагать, что Белоканский и Закатальский районы были заселены дагестанцами в более ранний период. Большой интерес представляет сообщение грузинского хронографа VII века Мокцевай Картлисай, который сообщает, что грузинский царь Азо для борьбы с внешними врагами пригласил войска Чартални, т. е. джарцев, локализуемых на территории Заалазанской долины. Немаловажное значение имеет также свидетельство автора XIII века Якута Хамави, который сообщает о том, что владельцу Серира принадлежала большая часть селений в Арране¹. Учитывая обстоятельство, что Серир как раннефеодальное государство существовал в хронологических рамках примерно V — XIII вв., надо полагать, что сообщение грузинского хронографа VII века имеет прямое отношение к предкам современных жителей Джаро-Белокан. Источники позднего периода сообщают, что нынешние Джары в древности были известны под именем Пилинети; здесь Кахетинским царем Леоном (1574 г.) поселены были лезгины, обязанные доставлять, в виде дани, лед с гор². Некоторые источники, относящиеся к более раннему периоду, свидетельствуют о том, что данная территория была заселена еще в XIII в. нухатцами. С. Джанашиа пишет: «Пропаганда царя Арчила VIII — нач. IX вв. (речь идет о христианизации — Д. М.) имела успех лишь у нухатцев, живших у подножья Кавказа (Заречье)»³.

Заречье («Гагма Мхори») естественно временами попадало в зависимость от грузинских царей. Мы, конечно, не претендуем на окончательное решение вопроса о заселении дагестанцами Заалазанской долины. Однако имеющиеся, хотя и фрагментарные, сведения источников позволяют удревнить хронологические рамки этого процесса. Для окончательного решения данного вопроса требуются усилия историков, археологов, этнографов и лингвистов. Немаловажен, например, тот факт, что топонимика данной территории сплошь и рядом дагестанского происхождения.

В данном случае нас интересуют древние границы расселения населения Западного Дагестана, входившего в военно-политический состав Дидоэтии. Одна из границ проходила, как было выше сказано, по Главному хребту, между Дидо и современными Белоканским и Закатальским районами Азербайджана. Следует отметить, что сами цезы, за которыми впоследствии закрепилось название «дидойцы», прежде не граничили с Азербайджаном. Соседями джарцев в прошлом были жители современного Тлярятинского района. Поэтому под термином «Дидо» древние и средневековые авторы подразумевали почти все этнические группы Западного Дагестана, в том числе и капучинцев (бектинцев).

¹ Якут Хамави. М'оджан-ал-болдан: Очерки истории Дагестана. С. 59.

² Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976. С. 137.

³ Джанашиа С. Н. Труды, VI, «Мецнцереба». Тбилиси, 1988. С. 487.

Конечно, трудно установить время заселения данной территории капучинцами. Однако можно с уверенностью сказать, что капучинцы с древних времен, во всяком случае во II-ой половине первого тысячелетия до н.э., находились на той же территории, которую они занимают и в настоящее время.

Крупный ученый-антрополог В. П. Алексеев указывает: «...Антропологические данные позволяют утверждать, что предки аварцев, андо-дунтинских народов, лакцев и собственно арчинцев были древнейшим населением Горного Дагестана, и, по-видимому, первыми освоили эту область»¹.

К аналогичному мнению приходит также исследователь по антропологии народов Дагестана А. Гаджиев².

Имеющийся в нашем распоряжении материал говорит о древнем происхождении цезской группы народности, в том числе капучинцев. Крупный кавказовед Г. А. Меликишвили в своих трудах пишет следующее: «Нельзя не отметить, что безусловно происходил постоянный процесс передвижения людских масс с Северного Кавказа. Иногда это имело форму крупных вторжений, как например в эпоху скифо-киммерийских вторжений VIII — VII вв. до н. э.»³. В связи с этими событиями здесь упоминаются местные оседлые племена, живущие в горах Кавказа. Он пишет: «В древнегрузинской традиции во всяком случае сохранилось представление, что кавкасионы Мтиулети от Дидозети до Эгреси (Сванети) являются переселенцами с севера»⁴. Заслуживают внимания и выводы, сделанные акад. И. А. Джавахишвили о происхождении народов Дагестана и Северного Кавказа. На основании анализа топонимических наименований Грузии он установил, что восточные провинции ее некогда были заселены чеченскими и дагестанскими племенами и что магистраль направления передвижения этих племен была с юга на север⁵.

Единственным свидетельством, по которому точно можно определить время заселения территории Горного Дагестана, является археологический материал. К сожалению, на территории капучинцев не были произведены стационарные археологические изыскания. Правда, в 1956 г. 2-ым горным отрядом экспедиции ИИЯЛ под руководством М. И. Пикуль были произведены разведочные работы, в результате чего удалось выявить достаточно обширный материал, позволяющий охарактеризовать материальную культуру и социальную структуру капучинцев в I тысяч. н. э. По пути из Бежты в Тлядал, в районе пилорамы, был обнаружен могильник,

получивший наименование Бежтинского¹. Предварительное исследование Бежтинского могильника дало чрезвычайно интересный материал. «Безусловно, — пишет М. И. Пикуль, — этот могильник принадлежал воинственному племени, у которого легкий тип вооружения сменился тяжелым, всадническим»². Интересно, что в женском погребении, кроме чисто женского инвентаря, были обнаружены предметы мужского вооружения. Это может говорить о том, что «женщине отводилось в войне, если не в настоящем, то в прошлом этого племени, большое значение, как неперменной участнице похода»³.

Подводя итоги историко-археологическому изучению высокогорий, Д. М. Атаев приходит к следующему выводу: «В целом данные Бежтинского могильника показывают, что такие отдаленные уголки горного Дагестана, как Дидо, жили в раннеордневековый период очень полнокровной жизнью. Население, оставившее Бежтинский могильник, было знакомо со многими новейшими достижениями тогдашней техники (сабли, усовершенствованные шлемы)»⁴.

Находки Бежтинского могильника (боевые доспехи) свидетельствуют о том, что капучинцы вместе с другими племенами еще в первой половине первого тысячелетия принимали активное участие в политических событиях Закавказья и Дагестана. Дагестанские горцы (особенно живущие по Главному хребту) в случае нападения на Грузию всегда приходили на помощь грузинскому народу. Академик Г. А. Меликишвили пишет: «В борьбе между Картли и Арменией цари Картли призвали отряды северных народностей (осетины..., леки, дурдзуки, дидойцы), вторглись вместе с ними в Армению и опустошили ее. После этого между армянами, грузинами, осетинами и др. воцарился мир и установились дружеские отношения»⁵.

Древнегреческий историк и географ Страбон свидетельствует о том, что Картли в случае внезапных нападений получал помощь со стороны своих соседей-горцев. «Горцы, — пишет он, — в случае какой-нибудь тревоги набирают десятки тысяч воинов»⁶. Они выступали не только на стороне Картли, но и оказывали огромную помощь албанцам в борьбе против иноземных завоевателей. Так, армянский историк V в. Египше рассказывает, что царь албанцев захватил Чорскую крепость и привел оттуда войско маскутов. Он заключил союз с одиннадцатью царями горцев и с боем

¹ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974. С. 203.

² Гаджиев А. Указ. соч.

³ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 125.

⁴ Там же.

⁵ Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. // ВДИ. 1939. С. 47.

¹ Пикуль М. И. Археологические памятники I тысяч. н. э. Северо-Западной части Нагорного Дагестана: Отчет об археологических разведках 2-го горного отряда экспедиции ИИЯЛ в 1956 // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3.

² Там же. С. 72.

³ Там же.

⁴ Атаев Д. М. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии. // УЗ ИИЯЛ. Т. XI, Махачкала, 1963. С. 195.

⁵ Меликишвили Г. А. Указ. соч. С. 45.

⁶ Известия древних греков...

вышел против арийского (иранского — М. Д.) войска. Иранцы прибегли к помощи гуннов. Все это произошло, по мнению С. Н. Джанашиа, до 464 г. н. э.¹ «Сообщение Египте об этих мелких политических образованиях горцев — пишет С. Н. Джанашиа, — имеет в виду, конечно, Дагестан и находит себе подтверждение в других известиях»². Так, одна древнегрузинская летопись VI в. сохранившаяся фрагментарно, сообщает, что персы захватили Картли, Эретию, Албанию, проникли к кавказским горцам и соорудили ворота в Цанаретском ущелье³.

О строительстве крепостей и ворот Хооровом Ануширваном на границе с жителями Западного Дагестана сообщает также арабский автор Ибн-ал-Факих. В частности он пишет, что Хосров Ануширван «построил в земле Арран Абваб-Дуданию»⁴.

Видимо, увидев активность со стороны дидойцев, капучинцев и др. горцев, Хосров Ануширван был вынужден укрепить свои северные границы от нападения сил конфедерации племен Дидо. О воинственности и силе этого союза говорит еще тот факт, что в 50-х годах VII века арабский полководец Хабиб-ибн-Маслама не пошел на обострение с ними и заключил мирный договор с санаритами и дуданитами с условием, чтобы они уплатили подати⁵. В последующем жители этого края перестали платить подати. По свидетельству арабского географа первой половины X века ал-Масуди они никому не подчинялись. «Оплотом царства Ширван, — сообщает он, — служит царство Лакзов, многочисленного племени, живущего на вершинах этих гор. Среди них есть кяфиры и неподчиненные власти Ширвана по имени Дуданиты. Они язычники и независимы»⁶. Очень трудно судить, входили ли народности цезской группы в состав раннефеодального государства Серир (VI—XIII вв.). В исторической литературе Дагестана говорится, что первоначально Серир занимал территорию, населенную аварцами. В X в. границы Серира заметно расширились, включив также индоевропейские элементы, западная граница примыкала к грузинским землям⁷. Собственно говоря, это мнение высказал А. Р. Шихсаидов, которому принадлежат все написанные разделы в монографических исследованиях, касающихся раннефеодальных государственных образований Дагестана. Действительно, Серир представлял из себя крупное государство, власть которого распространялась на горцев Нагорного Дагестана. Однако, нам кажется, от-

¹ Джанашиа С. А. Указ. соч. С. 479.

² Там же. С. 480.

³ Там же. С. 481.

⁴ Ибн-ал-Факих. Из книги о странах. Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Вып. 31. Тифлис, 1901. С. 15.

⁵ См.: Джанашиа С. Н. Указ. соч. С. 490.

⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI в. М., 1963. С. 192.

⁷ История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 123; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.) Махачкала, 1969. С. 40; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 126.

дельные сведения средневековых авторов противоречат этому положению. Так, в середине VII века Маслама заключает мир с дуданитами, а в 735 г. Мерван вступает в землю Серира. Автор X века Масуди дидойцев перечисляет в составе царства Лакз, но в то же время пишет, что они независимы и не подчиняются никому. В обоих случаях капучинцев упоминают отдельно от Серира. Что касается Лакза, то это скорее географическое название, нежели этническое. Поэтому кажется, что западные границы Серира следует ставить под сомнение, хотя они на протяжении существования раннефеодального государства не были стабильными. Границы Серира зависели от внутренних и внешних политических обстоятельств. Тем не менее, имеющиеся сведения как раннего, так и позднего периодов свидетельствуют, что народности цезской группы и их соседи вплоть до XIV в. оставались независимыми. Конфедерация этих народов представляет довольно внушительную силу, которая гарантировала им самостоятельность до ее распада. По сведениям Тарихи Дербенд-Наме, бежавший от ислама Баяр, сын Сураката, нашел убежище у тушинцев¹. Далее говорится, что спустя много времени его сын Амир-Султан выпросил помощь у аланов, чтобы снова получить престол своих предков. Он собрал большое число войска среди населения от границ Цунта до оконечности Аришти (чеченцы)². Здесь надо отметить, что правители Аравии были христианами и получали убежище и помощь у единовременцев.

Как видно из документов, капучинцы оставались самостоятельными и не находились в зависимости от аварских ханов: здесь четко говорится, что войска Амир-Султан собрал от границ Цунта. Надо полагать также, что конфедерация Дидо уже к этому времени распалась и образовались новые союзы по этническому принципу. Видимо войска он собрал у чеченцев и народов андийской группы. Немаловажно, что путь к тушинцам шел именно через их территории. А цезская группа (цунтинцы, капучинцы, гунзибцы, хваршинцы) сохранила свою самостоятельность.

Спустя 24 года, после восстановления Амир-Султаном христианства, правитель Кази-Кумуха Амир-Чубан снова овладел Хунзахом и обратил население в мусульманство. После этого Кумухский шамхал сделался властителем всего Дагестана³. Видимо с этими событиями связан и тот факт, что большинство обществ вынуждено было платить дань Казикумухскому шамхалу, в чьи руки перешла значительная часть зимних и летних пастбищ Дагестана. Интересно, что в перечне доходов шамхала Казикумухского цунтинцы, капучинцы, гунзибцы, анцухцы, льебелал и др. не перечислены в качестве плательщиков подати⁴. Возможно, что в этот

¹ Тарихи Дербенд-Наме. Ред. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. С. 174.

² Там же. С. 177—178.

³ Там же. С. 52.

⁴ Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 53.

период образовался новый политический союз Антль-Ратль, куда, согласно поздним источникам, входили капучинцы, гунзибцы, анцухцы, джурмутцы — т. е. все население современного Тляртинского и Цунтинского районов. В федерацию Антль-Ратль входили союзы сельских общин Джурмут (Томарал), Тлебель (Тходоколо), Бохну (Богнода), Ухнада, Анцросо, Таш, Анцух, Хуанал (Капуча и Хенада (Кехада))¹.

Приведенные выше свидетельства подтверждают наше мнение о том, что капучинцы и их соседи не входили в состав Серира.

Располагаясь на границе с Грузией, капучинцы принимали активное участие в политических событиях и были тесно связаны с грузинами. Капучинцы, как и другие горцы, стали опорой Грузии в ее борьбе против иноземных завоевателей. Они вместе с другими горцами приняли участие в борьбе против сельджуков, которую возглавил царь Давид IV Строитель (1089 — 1125). Надо отметить, что Давид объединил феодально-раздробленную Грузию, покорил себе горцев пограничных районов, в том числе дидойцев, капучинцев и др.

Видимо, в этот период (XII в.) капучинцы находились в вассальной зависимости от Грузии. Зависимость эта усилилась в период царствования Тамары (1184 — 1213). Царевич Давид пишет, что она «в первые годы царствования своего овладела Азербайджаном, частью Анатолии, городом Трапезонтом... и Кавказскими горами»². Царица Тамара заставила горцев платить подати. Недовольные этим дидойцы, в числе которых были капучинцы, гунзибцы, анцухцы и др., подняли восстание против Тамары. Выступление это было подавлено. Восставшим пришлось дать заложников, платить дань и быть верными³. В память этих событий в нынешнем Тляртинском районе вблизи сел. Укал сохранилось название «Тамар майдан» (Поляна Тамары). В устной традиции населения этого региона сохранилось много преданий и легенд, связанных с именем царицы Тамар⁴.

Монголо-татарское нашествие на Кавказ привело к ослаблению грузинского царства. Видимо, в этот период горцы вышли из-под влияния Грузии.

«Влияние грузинов на Дагестан, — пишет И. Неверовский, — было непродолжительно: вторжение войск Чингис-хана в Грузию в начале XIII столетия нарушило существующий порядок вещей, а нашествие во второй половине XIV столетия Тамерлана покорившего Персию, Грузию и Дагестан..., совершенно уничтожило труды царицы»⁵.

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. I. СПб., 1871. С. 504.

² Давид — царевич грузинский. Краткая история Грузии. Тифлис, 1893. С. 28.

³ СМОМПК. Т. XXVI. Тифлис, 1899. С. 95 — 96.

⁴ Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 489.

⁵ Неверовский И. Краткий исторический взгляд на Северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказья. СПб., 1847. С. 5.

Капучинцы вместе с гунзибцами оказали упорное сопротивление монгольским отрядам, проникшим в горы через территорию Азербайджана. Грузинские источники сообщают: «В царствовании Давида VII (1243 — 1269) предводитель монголов Ала-Темур по Белоканской дороге вступил в Гундзетию, царь гунзов преградил ему путь, но монголы победили, прошли гунзекскую сторону и пришли к монгольскому хакану»¹.

Это сообщение интересно еще тем, что впервые упоминает гунзов, гунзибцев, соседей капучинцев.

Выше мы говорили о Шагьаре Гулучи, разрушенном иноземными завоевателями. Возможно, это было связано с вышеизложенным событием.

По всей вероятности, на данной территории существовало самостоятельное феодальное владение, куда входили капучинцы, гунзибцы и некоторые общества, расположенные у истоков Самура. Это владение («царство») по своему географическому расположению первым должно было принять на себя удар монголов.

Подобные феодальные владения существовали во всех горных районах Дагестана. Резиденция владетеля находилась в укрепленном поселении городского типа или в отдельном замке.

Остатки подобных городищ и замков встречаются и в наши дни. В свое время их зафиксировал К. Ф. Ган. Он писал: «Тут (Анцух-Капуча — М. Д.) встречались развалины древних замков — весьма редкое явление в Дагестане; кто их построил, об этом никто ничего не мог сказать. Во всяком случае, эти остатки древности с теперешними постройками не имеют ничего общего»². Они были ликвидированы в результате внутренней классовой борьбы и иноземных нашествий. Впоследствии (XIV — XVI вв.) на их территории образовались союзы сельских общин и их федерации, объединенные на совершенно новых принципах.

Примерно в этот период распалось политическое объединение Дидо.

Капучинцы, гунзибцы и анцухцы образовали один союз — Анцух-Капучинский. В данном регионе этот союз был наиболее сильным. «Анцух и Хуанал, — пишет Норденстам И. И., — в прежние времена составляли одно общество под названием Анцух. Общество сие было тогда самое сильное в Антль-Ратле и славилось во всем Дагестане своим могуществом и богатством»³. «Анцух-Капуча, — писал А. Берже, — считался сердцем и блотом не только Антль-Ратль но и всего Дагестана: все доступы в него защищены целой системой каменных завалов, башен и укреплений».

¹ СМОМПК. Вып. XXII. С. 45.

² Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1892 г.) // СМОМПК. С. 89.

³ Норденстам И. И. Описание Антль-Ратля. 1832 // История, география и этнография Дагестана, XVIII — XIX вв. М., 1958. Г. 323. (Дагестан-ИГЭД).

Махачкала
Грузинская библиотека
ДагФАН СССР

ний»¹. Отдельные общества, в частности цезы, вынуждены были платить Анцухо-Капучинцам ежегодную дань. Видимо, это было связано с исламизацией этого края. Анцухцы и капучинцы под давлением Гидатля и Хунзаха ислам приняли раньше (XVI — XVII вв.), чем цезы. Затем Анцухо-Капуча становится форпостом ислама в этом крае. Согласно устной традиции, ислам в Цунта проник через Бекта. Цунтинцы рассказывают, что их исламизировали бектинцы². Вероятно, в этот период Анцухо-Капучинцы обложили данью цунтинцев. Затем между капучинцами и анцухцами разгорелись распри и несогласия, что привело к тому, что союз Анцухо-Капуча распался на Анцух и Капуча (хъванал). После распада Анцухо-Капуча в состав бектинцев входили следующие аулы: Тлядал (на пруд. Калаки), Бажута, Хашархута (на груз. Саглисубани), Нахада, Гарбутль, Худер, Хеллао, Родор, Инуха, всего 9 деревень с общим числом 720 дворов³.

Другой автор, И. Р. Анреп, управляющий Джаро-Белоканской областью и командующий Лезгинской (кордонной) линии свидетельствует о том, что в состав Капучи входили 6 деревень, 560 дворов с населением 2268 человек⁴.

В результате распада, Анцухо-Капуча, естественно, не представлял особой опасности для соседей. «...Видя несогласие между своими владельцами, — пишет Н. И. Норденстам, — дидойцы еще явно не смели отказаться от исполнения своих обязанностей и только ожидали случая чтобы совсем освободиться от дани»⁵. Возможность полностью освободиться от дани дидойцам представилась примерно в середине XVIII в. Как сообщают источники, в этот период в Капуча и Анцухе свирепствовала чума. В одной рукописи на арабском языке, любезно представленной в наше распоряжение ст. научным сотрудником Т. Айтберовым, говорится, что в 1183 (1769) году от чумы в сел. Хашархота умерло 120 чел., в Бекта — 300 чел., в Гарбутле — 100⁶. И. И. Норденстам со слов информаторов, пишет: «... 80 — 100 лет назад свирепствовала болезнь, от чего ослабело общество Анцух. Дидойцы, видя бедственное положение анцухцев и капучинцев и чувствуя себя не слабее своих владельцев, воспользовались сим случаем, отказались от платежа дани»⁷.

С этого момента распадается союз Анцухо-Капуча на Унзо, Капуча и Анцух. В имеющихся письменных источниках, относя-

щихся ко второй половине XVIII века, они упоминаются раздельно.

Академик И. А. Гильденштедт отдельно описывает дидойцев, гунзибцев и капучинцев, именуя их округами. «Лезгинский округ Унзо, — пишет он, — возле Дидо. к северо-востоку. Он не велик и получил свое название от одной большой деревни»¹. О капучинцах И. А. Гильденштедт пишет следующее: «Округ Кубач (капуча — М. Д.) граничит к югу с Кахетией и к западу с округом Дидо. Величайшие его деревни, лежащие при ручьях Самура и при их вершинах в южных сланцевых горах, суть: Тлядал (Калаки). Худшига, Бедже Хитерику, Гантла, Нетал, Инухи»².

О том, что до распада Анцухо-Капуча представлял довольно внушительную силу, говорит и тот факт, что грузинские цари опирались на них в борьбе с иноземцами. Они составляли отдельное ополчение в грузинских войсках, нанимались на службу к царям Грузии.

Так, при царе Ираклии (1744 — 1798 гг.) деревни Сабуй, Шильда, Алмаки и еще два селения платили капучинцам с каждого двора ежегодно по 5 абазов, одной курице, десять хлебов и одной тупке водки, а деревни Кварели, Гавази, Чикани и Кочетани платили подати анцухцам. Последние, в свою очередь, должны были по требованию Ираклия сформировать ополчение со своим провиантом³. «Грузинский царь Ираклий II, — пишет Неверовский, — нанимал лезгинцев для сбора дани с ханства Генджинского, Карабахского и Эриванского»⁴. Под лезгинцами в данном конкретном случае надо понимать именно горцев анцухо-капучинского участка, т. е. жителей союза союзов сельских общин Антль-Ратль. Внутренние общества в основном находились под влиянием владетелей Аварии и совместно с ними совершали военные походы в Закавказье. Пограничные же с Грузией и Азербайджаном общества находились в дружественных отношениях с первыми. Это, во-первых, было связано с тем, что капучинцы, анцухцы, дидойцы и другие с давних пор в Кахетии имели свои земли с застройками, куда зимой отгоняли свой скот. Кроме того, дружественные отношения носили не только конъюнктурный характер, но и дружественно-традиционный. Политические и экономические их отношения своими корнями уходят вглубь веков. Однако, сложившиеся издревле дружественные отношения были нарушены в XVII — XVIII вв. в связи с агрессией Ирана и Турции в Закавказье. Ирано-Турецкая экспансия привела к политическому распаду грузинского царства. «Полувековая борьба между Ираном и Турцией, — пишет Т. Боцвадзе, — завершилась заключением мира в 1555 го-

¹ Берге А. П. Материал для описания Нагорного Дагестана. // КК на 1859. Тифлис. С. 259.

² Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 489.

³ Норденстам И. И. Указ. соч. С. 322.

⁴ Анреп И. Р. Сведения о населении Джаро-Белоканской области Анцухского и Капучинского 1839/40 гг. // ИГЭД. С. 369 — 370.

⁵ Норденстам И. И. Там же.

⁶ Рукопись написана в сел. Чох, Али бинд Ганзидом.

⁷ Норденстам И. И. Указ. соч. С. 323.

¹ Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии в Кавказа. (Из путешествия акад. И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770 — 1773 гг.). СПб., 1809. С. 127.

² Там же. С. 128.

³ Норденстам И. И. Указ. соч. С. 323.

⁴ Неверовский Указ. соч. С. 33.

ду, когда обе стороны фактически поделили между собой Грузию¹. Собственно говоря, Грузия разделилась на два лагеря — сторонников и противников иноземного господства. Как сообщает А. А. Цагарели, в борьбе против османской Турции имеретинские цари кроме коренных имеретинцев свободно могли нанимать военных людей — «лезгинцев и осетинцев» — до 40000 и более². Далее он пишет: «И хотя Соломон (царь Имеретии—М. Д.) в малолетстве был, однако же никто ему не помогал, а всегда управлял и воевал с турками одним народом, присовокупив к тому лезгинцев»³. В другом документе говорится, что имеретинский царь Соломон преодолел с небольшим числом войска, «состоявшего из природных его подданных и из наемных лезгинцев великие турецкие силы...»⁴. С другой стороны, кахетинские цари всячески препятствовали дагестанцам в борьбе с турками. В записке статского советника кн. Амилахвари сообщается: «...Ираклий туркам вопомоществование делает в том, что когда лезгинцы, проходя через Кахетию и Грузию в Турецкие области, около ахалцихевской провинции, отгоняют скот и пр., и, хотя они с турками и в одном законе состоят, однако и единоверцев своих в полон таскают... Ираклий в Грузии и Кахетии на них, встречающихся с добычею, нападает, отнимает все взятое из Турецкой области, и пленных освобождает турков»⁵.

К помощи горцев Дагестана прибегали и отдельные князья, противники ирано-турецкого господства в Грузии. Так поступил и князь Шанше, призвав на помощь горцев в борьбе против кызылбашей. По этому поводу Вахушти сообщает, что Шанше не смог устоять против кызылбашей и с домочадцами убежал в Россию, но царь его не пожаловал, и он вновь вернулся в Картли и занял владения свои, призвав лезгин и разоряя земли⁶.

Услугами горцев различные владетели пользовались также во время междоусобиц. Для этой цели они нанимали лезгин и направляли на негодных для себя князей. «Они (лезгинцы — Д. М.) стали теперь выступать по призыву кахов, — пишет Вахушти — как поступил Реваз, моурави Кисики, когда послал против Мераба, моурава Элисени, лезгинское войско. Однако и Мераб поступил также с Ревазом»⁷.

Другой исторический пример: Шанше для мести арагвийским Эриставам нанял именно горцев Дагестана. Тот же Вахушти сообщает, что в период отсутствия Шанше у брата его арагвийские эриставы отобрали жену и отдали кызылбашам. В ответ на это

Шанше собрал лезгин и напал на Анаури, взял его, разорил и истребил арагвских эриставов полностью»¹. Даже крестьяне, отягощенные насилием, различными поборами и пр. стали убежать и прибывали к лезгинам, «ибо пострадав от своих владельцев и прибив туда, указывали лезгинам дорогу и нападали на села»².

В 1722 — 1723 гг. произошла междоусобная война между магометанскими царями Кахетии и Картли, что принесло, обоим царствам много бедствий. Магомед-Кули-хан, кахетинский царь, потерпел поражение и скрылся в горах у лезгин. Собрав здесь войско, он вместе с кахетинцами в 1723 г. неожиданно вторгся в Картли и внезапно напал ночью на картлинцев. Надо отметить, что для взятия Тбилиси большую услугу оказал ему католикос Грузии. «И взял он (Магомед-Кули-хан — М. Д.) у них (горцев Дагестана) на помощь 6000 лезгин, — пишет Н. Г. Бутков, — и направился в ночную пору застать городские ворота без задвижек... А для этого дела он имел себе помощника в лице католикоса Грузии, который изнутри, из города, тайным коварством должен был предать город»³. Как сообщает Вахушти, Магомед-Кули-хан обещал лезгинам много серебра, взял их с собой, и напали они на царя в Тбилиси⁴. Бесспорно, от всех этих междоусобиц страдали народные массы, несшие всю тяжесть войн и столкновений на себе. Положение Грузии в период агрессии Турции и Ирана было тяжелым. Территория ее стала ареной непрерывных военных действий, завершавшихся разорением, угоном в плен, грабежом со стороны победителей. Причиной всех бедствий была ирано-турецкая экспансия. Агрессия их нарушила политическую обстановку на Кавказе. Обострились взаимоотношения между горцами Дагестана и Грузии. Верную оценку сложившейся обстановке на Кавказе в этот период мы находим в частности в трудах Г. А. Ломтатидзе. «...Что касается последующего периода, — пишет он, — достаточно освещенного в письменных источниках, здесь яркой нитью проходит сдвиг истории наличие постоянного сотрудничества наших народов, вплоть до позднефеодальной эпохи; в силу определенных исторических условий в значительной части Кавказа установилось ирано-турецкое владычество над нашими народами, посеявшее между ними рознь и даже кровавую вражду, к счастью, не навсегда»⁵.

Отдельные исследователи основную причину т. н. «лекианоба» видят в том, что в горном Дагестане в этот период господствовал строй военной демократии, «которая явилась той средой, где за-

¹ Боцвадзе Т. Д. Северный Кавказ по внешней политике Грузии XVI — XVII вв.: Автор. канд. дисс. Тбилиси, 1973. С. 11.

² Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1, СПб., 1891. С. 30.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Вахушти. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976. С. 121.

⁷ Там же. С. 167.

¹ Там же. С. 121.

² Там же. С. 166.

³ Бутков Н. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1732 по 1803. СПб., 1863. С. 63.

⁴ Багратиони Вахушти. Указ. соч. С. 111.

⁵ Ломтатидзе Г. А. Выступление на заключительном заседании сессии 14 мая 1959. // Материалы археологии Дагестана. Махачкала, 1961. С. 294.

ложены были имманентные импульсы к набегам»¹. По мнению М. М. Блиева, главными зачинщиками «экспансии» являлись политические образования, находящиеся на стадии дофеодалного развития, занимающиеся преимущественно скотоводством². Возможно, что в этих рассуждениях есть зерно исторической истины. Но чем же тогда объяснить, что жители высокогорья — капучинцы, дидойцы и др., главным занятием которых было скотоводство, остались вне «экспансии»? Более того, надо отметить, что изгнанные из Кахетии цари находили убежище и опору со стороны капучинцев, дидойцев и др. Так было, когда кахетинский царь Давид потерпел поражение от объединенных сил царя Георги и Отабега. Кахетинцы изменили Давиду, и последний вынужден был бежать к дидойцам, которые приняли его с почетом и благожелательно³. После смерти царя Георги с помощью горцев Давид вновь воцарился на престоле. Кахетинцы были вынуждены принять царя Давида, так как его поддерживали дидойцы, капучинцы и др. горцы. Вахушти пишет, что «...вновь привели в Эр-кахи (Кахетию) Давида из Дидоэти и посадили царем более прочно, и говорят даже, что благословили его на царство в Бодбийском монастыре лета Христова 1469 г.»⁴.

Не только Давид находил убежище и опору у соседних горцев Дагестана, но и другие цари, обиженные в Грузии. Позднее царевич Александр также нашел поддержку со стороны анцухо-капучинцев. Капучинцы и др., находясь в добрых отношениях с Грузией, не только не принимали участия в военных походах в Кахетию, но и ставили в известность об опасности набега грузинских владетелей. «Омар-хан лезгинский по соединению с Сурхай-ханом Казикумухским, Магомед-ханом Дженгутавским и с кадиями Акушинским и Андийским намеревают учинить нападение на Грузию. Известие сие доставлено от пограничных Дагестана лезгин, получивших якобы формальное от Омар-хана повеление, чтобы и они к соединению с ним в таком случае приготовились»⁵. О добрососедских отношениях анцухо-капучинцев с Грузией, уходящих своими корнями в глубь веков, свидетельствуют также поздние источники. В своем письме к анцухцам ген.-л. Кнорринг от 3-го мая 1802 года пишет: «как мне известно, Анцухское общество всегда прежде к Грузии было миролюбиво, имело сюда свои торги и пасло скот свой в границах грузинских»⁶. В одном документе, датированном второй половиной XIX в. говорится: «Весь вообще народ капучинский изъявляет свое усердие. Затем докладываем,

¹ Гамрекли В. Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. док. дисс. Тбилиси, 1972. С. 23.

² Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. // История СССР. 1983. С. 74 — 75.

³ Багратиони Вахушти. Указ. соч. С. 132.

⁴ Там же.

⁵ Отношение Коваленского к ген.-л. Кноррингу от 14 августа 1800 г. За № 210 // АКАК. Т. 1. С. 136.

⁶ АКАК. Т. 2. С. 657.

что как прежде наши отцы и деды составляли одно, так и теперь мы должны быть между собой в мире и в верности...»¹ Далее капучинцы обещают провинившихся в злоумышлении против Грузии людей отправить к грузинским царям, чтобы те наказали их по своему усмотрению². Аналогичные документы, свидетельствующие о древнем характере добрососедских отношений анцухо-капучинцев с Грузией, хранятся также в ЦГИА Грузии.

Капучинцы вместе с другими горцами, живущими на пограничной с Грузией полосе, всегда стремились установить мирные отношения с жителями Закавказья. Л. М. Меликсет-Беков, в своем описании сопредельных с Грузией стран, в частности Кумуха, Хунзаха, Дидо и др., обратил внимание на тот факт, что в отличие от феодальных владетелей и многих отдельных обществ Дагестана «отдельные лезгины по некоторым причинам установили с ними (грузинами — Д. М.) мир»³. Причины здесь предельно ясны. Капучинцы экономически зависели от Кахетии, где они имели пахотные земли и летние пастбища. А. П. Берже пишет, что «Анцухи Капуча имели в прежние времена свои зимние пастбища на так называемом Бежанианском поле, вдоль реки Шорт-хеви. Некоторые же деревни посылали свои стада в ур. Картубань, а жители Тхебеля и Джурмут в Лагодехи»⁴. О давности пользования землями Заалазанской долины жителями этих обществ свидетельствует также наличие здесь достаточно крупных поселений, принадлежащих капучинцам и анцухцам, которые функционировали до 1801 г. Принадлежащие капучинцам жилые постройки (80) были расположены в местности «Сипиан», выше сел. Старый Гаваз, при речке Шорт-хеви, здесь же находились 4 водяных мельницы⁵.

Как мы видим, капучинцы во все времена поддерживали с Грузией политические связи, а также принимали активное участие в совместной борьбе против иноземных завоевателей. В связи с постоянными контактами с Грузией капучинцы, анцухцы, дидойцы и др. почти все владели грузинским языком. Возможно, что до позднего периода XVII — XVIII вв. грузинский язык был средством межэтнического общения среди вышеназванного населения. О том, что они владели грузинским языком, свидетельствуют также более поздние источники. Так, акад. Берже пишет, что в Анцухе и Капуче «сверх аварского языка разговаривают и на грузинском»⁶. Побывавший у дидойцев Н. И. Воронов подтверждает, что они знали грузинский язык — «понимается весьма многими, кроме женщин»⁷.

¹ АКАК. Т. 1. С. 65.

² Там же.

³ Меликсет-Беков Л. М. Описание сопредельных с Грузией стран // Труды. Тбилиси, 1941. Вып. XVIII. С. 131.

⁴ Берже А. П. Указ. соч. С. 260.

⁵ ЦГИА Груз. ССР. Ф. 231. Д. 208. Л. 49.

⁶ Берже А. П. Указ. соч. С. 260.

⁷ Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану. // Сборник сведений о Кавказских горцах (ССКГ), Тифлис, 1868. Т. 1. С. 22.

Таким образом, вышеприведенный материал свидетельствует, что не все горцы Дагестана принимали участие в военных походах феодальных владетелей Дагестана в Грузию. И, как нам кажется, тенденциозные оценки отдельных исследователей являются необоснованными (об этом см. ниже). На самом же деле, организаторами и непосредственными руководителями подобных походов являлись феодальные владетели. Самое главное, что военные походы не исходили от собственной инициативы горцев, а являлись результатом феодальных междоусобиц. «Трудящиеся Дагестана, — отмечает Х.-М. О. Хашаев, — никогда не ставили себе целью покорить Грузию или порабощение ее народа. С набегам, совершавшимися Нуцал-ханом, Омар-ханом, Сурхаем и Шамхалом и их междоусобицами с грузинскими князьями народы Дагестана ничего общего не имели. Напротив, как об этом свидетельствуют источники, горцы Дагестана не раз выступали в качестве союзников грузинского народа в борьбе с иноземными захватчиками, как в древний период, так и в средние века»¹.

В целом, напряженность во взаимоотношениях горцев Дагестана, в том числе капучинцев, наступала при вмешательстве других государств во внутренние дела Кавказа. Так было и при колонизаторской политике царизма. Несколько обострились отношения после присоединения Грузии (1801 г.) к России и установления торгово-экономической блокады. Блокада предусматривала ограничение или запрет горцам Дагестана спускаться в Грузию и Азербайджан по торговым делам. В этой связи в особенно трудном положении оказались капучинцы, дядойцы, анцухцы и другие горцы, которые были экономически тесно связаны с закавказскими странами. Торгово-экономическая блокада лишила горцев пастбищ в Заалазанской долине, что пагубно повлияло на их хозяйство. Эти меры царизма лишили капучинцев хлеба, привозимого из Грузии и Джаро-Белокал. Главнокомандующий на Кавказе дал распоряжение грузинскому гражданскому губернатору не допускать горцев в Грузию по торговым делам. В случае же нарушения запрета предписывалось конфисковывать товары виновного². Эти предписания давались с целью покорения горцев Дагестана. Политика эта была жестокой по отношению к капучинцам и другим горцам Дагестана, которые все жизненно необходимые товары привозили из Грузии. Поэтому капучинцам и анцухцам приходилось неоднократно обращаться к наместникам в Грузии с просьбой открыть им свободный доступ в Закавказье.

13-го июля 1802 г. Коваленский получил письмо от анцухцев, капучинцев и карахцев с изъявлением готовности «пробывать в мире и соседственной дружбе с обывателями здешними, просят они о позволении производить по-прежнему торговлю свою с Гру-

¹ Хашаев Х.-М. О. Стенограмма Объединенной сессии АН СССР и трех братских республик Закавказья. Баку, 1955.

² ЦГИА Груз. ССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2231. М., с. 9 — 14.

зией»¹. По настоянию грузинских купцов анцухцам, капучинцам и карахцам было разрешено спускаться в Грузию по торговым делам. Однако доступ этот носил временный характер. Дело в том, что феодальные владетели Аварии с целью нападения на Грузию сосредотачивали свои войска на территории Анцухо-Капуча. Хотя последние не принимали участие в этих походах, но все это давало повод наместникам царя обвинять их в измене. Царские власти требовали от капучинцев и анцухцев, чтобы те не пропускали отряды горцев через их территорию, в противном случае им запрещалось спускаться в Кахетию. В своем рапорте ген.-л. Лазарев сообщает кн. Цицианову, что «...Около анцухского селения было в собрании дагестанских войск до 12 тыс. и намеревались напасть на Кахетию, но джарские и белокалские лезгины не согласились идти зимой, отговариваясь невозможностью зимой с русскими иметь дело, но обещались на весну. Поэтому дагестанцы пошли в свои дома»². Кроме того, отреченный от престола царевич Александр нашел убежище у анцухо-капучинцев. Последние из уважения к Ираклию II и вообще к царям Грузии укрыли у себя Александра и стали склонять на его сторону других горцев и кахетинцев. Царь Георгий в письме к ген.-л. Кноррингу пишет: «Хан Александр прибегнул под покровительство дагестанцев, которые из уважения к его просьбе и унижению (он был отречен), не меньше как и по гостеприимству, должны были ему оказать помощь»³.

С этой целью они разъезжали по обществам Западного Дагестана и Грузии. «От царевича Александра, — сообщает гавазский житель, священник, — рассылаются анцухские лезгины по всем здешним селениям уговаривать жителей к его стороне, и для достоверности те посланные лезгины имеют от него на бумаге печати»⁴. Следует отметить, что политической обстановкой, сложившейся в Западном Дагестане в связи с бегством царевича, в своих корыстных целях воспользовались феодальные владетели. В частности, Омар-хан сговорился с Александром напасть на Грузию⁵. С этой целью Омар-хан неоднократно сосредотачивал свои войска в данном регионе. Его поддерживали дагестанцы из селений Онсоколо, Аракань, Балахани, Бактлудал, хиндахцы под предводительством старшины Нур-Магомеда⁶. Все эти события послужили царским наместникам поводом для запрещения гор-

¹ Донес Коваленского ген.-л. Кноррингу от 13-го июля 1802 г. За № 701 // АКАК. Т. 2. С. 660.

² Рапорт ген.-л. Лазарева кн. Цицианову от 22-го января 1803 г. № 67 // АКАК. Т. 2. С. 154.

³ Письмо царя Георгия к ген.-л. Кноррингу от 14-го августа 1800 г. // АКАК. Т. 1. С. 168.

⁴ Рапорт ген.-л. Гулякова кн. Цицианову от 20 февраля 1803 г. № 40 // АКАК. Т. II. С. 155.

⁵ Там же. С. 138.

⁶ АКАК. Т. 3. С. 372.

цам Западного Дагестана спускаться в Кахетию. В свою очередь анцухо-капучинцы неоднократно обращались к жителям Кахетии, чтобы те выступили на их стороне в защиту царевича Александра. Они написали в 1815 г. письмо (на груз. языке) к Гавазскому моураву Тамазу, к жителям грузинских и других деревень с обращением сохранить древние дружеские отношения и поддерживать их. В частности, в письме говорится: «Начиная от Шаха Аббаса поныне не было между нами и вами никакой вражды и в течение столь довольного времени расположены были мы друг к другу, как братья и друзья, ныне же мы подвержены такому делу, какого избежать не можем при нашей жизни. ...Сын Грузинского царя Александр прибыл сюда, и мы все, великие и малые, дали ему присягу, что пока мы живы и благополучны, всегда должны искать для него добра и счастья»¹. Дальше они требуют объединиться с ними в деле защиты царя и возвращения ему престола. «В противном случае, — пишут они, — что потерпите от нас вините в том самих себя, то мы уже не будем щадить вас, как противника. Дагестанцы все с нами в согласии, чего и от вас требуем, ... если вы желаете себе добра, то исполните сей наш совет»². Действительно анцухо-капучинцы договорились с обществами внутреннего Дагестана и джаробелоканцами о совместном нападении на Грузию (Кахетию). Основным пунктом обора дагестанских войск был Анцух³. Поэтому анцухо-капучинцы, сторонники царя, в 1815 г. официально были объявлены врагами России. «Анцухцы, у коих он (Александр) имеет свое пристанище, и наконец, сей народ объявлен неприятелем Российскому правительству с возвращением оному во всех отношениях сообщений с Кахетией, без чего ему существовать трудно»⁴. Следует отметить, что в начале XIX в. на этом участке крупных столкновений между царскими войсками и местным населением не произошло. Хотя царевич Александр добился определенных успехов в сплочении горцев Дагестана для борьбы против царизма, серьезных выступлений не было. Царевич смог собрать достаточное количество войска и сосредоточить их на границе с Грузией (в Анцухо-Капуча). Однако завершилось это предприятие роспуском войска, а именно более семитысячного войска лезгин, собранного для нападения на Грузию⁵.

В октябре 1815 г. предводители койсубулинских обществ Нурмамет и Александр обещали Александру и анцухо-капучинцам поддерживать их, но по непонятным нам причинам не привели своего

¹ АКАК. Т. V. С. 378.

² Там же.

³ Хотя в начале XIX в. Анцух и Капуча представляли из себя отдельные самостоятельные общества, тем не менее русские источники в большинстве своем под анцухцами подразумевали и капучинцев. Они вместе с другими обществами входили в федерацию Антль-Ратль.

⁴ АКАК. Т. II. С. 388.

⁵ ЦГИА Груз. ССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 471, Л. 94.

войска. Видимо, это объясняется тем, что после окончания русско-персидской (1804 — 1813 гг.) и русско-турецкой (1806 — 1812 г.) войн, царизм мог укрепить свои позиции на Кавказской линии. «С прибавлением войск в Кахетии, — пишет ген.-л. Сталл — рушились предприятия царевича Александра: лезгинские старшины Нурмамет и Александр отказались от присоединения к нему, анцухцы готовились вооруженною рукою ему содействовать, в надежде своей остались обманутыми»¹. Кроме того, главный организатор и руководитель военных походов, владетель Аварии Султан-Ахмед-хан, в 1803 г. принял подданство России. Это было официально зафиксировано в торжественной обстановке: «в соборании многих знаменитых подвластных» и «в присутствии капитана Мещерякова» хан дал клятву, принял и утвердил ее «собственноручным подписанием и печатью хана»². Таким образом, в данном регионе сложилась неблагоприятная обстановка для царевича Александра и его покровителей. Поэтому капучинцы и анцухцы возобновили переговоры с царским командованием. Они послали доверенных лиц с просьбой о позволении воспользоваться им пастбищными местами в Кахетии. В свою очередь ген. Сталл поставил условие выдать царевича Александра. Анцухо-капучинцы отказались и сделка не состоялась³. В 1816 г. они обратились к ген. Ермолову с письмом следующего содержания: «О высокопочтенный эмир Ермолов! Мы будем поступать так же, как поступали с эмиром Ираклий-ханом, и мы желаем, чтобы ты также сделал то, что делал Ираклий-хан, и чтобы ты подобно ему платил нам дань и пр. Остальные слова передаст вам податель поклона»⁴. Конечно, никакой подати ани от Ермолова не получили, наоборот Ермолов поставил их в тяжелейшие условия, лишив возможности пасти свой скот в Кахетии. После длительных переговоров командованию удалось уговорить капучинцев, чтобы последние приняли пристава. По их желанию приставом был назначен подпоручик К. Вачнадзе, знавший их быт, обычаи и пр.⁵. После этого им было разрешено спускаться в Кахетию по торговым делам, а также пасти скот в зимний период на принадлежащих им землях на Гавазском участке. Таким образом, в целом взаимоотношения Грузии с капучинцами и анцухцами стабилизировались, если не считать отдельных стычек с гавазцами за угодья. «...они (капучинцы) имеют ближайшие сношения с жителями Кахетии и между ними часто происходят маловажные споры и пре-

¹ Ген. Сталл ген. Ртищеву от 14 октября 1815 г. // ЦГИА Груз. ССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 471. Л. 10 — 11.

² Очерки истории Дагестана. Махацкала, 1957. Т. 1. С. 184; Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 150.

³ Ген. Сталл ген. Ртищеву... Л. 11.

⁴ АКАК. Т. V. С. 32.

⁵ Капучинскому лезгинскому обществу или так называемому Дидойскому. Февраль, 1816. // ЦГИА Груз. ССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1872. Л. 7.

тении, не требующие большой переписки или судебного разбирательства»¹.

Все же русское командование полностью не доверяло капучинцам и анцухцам. Это, видимо, было связано с тем, что в Аварии началось движение под руководством Гази-муллы. Опасаясь, что они примкнут к движению, русское командование потребовало от них аманатов.

8 мая 1830 г. ген.-м. гр. Бекович-Черкасский доносит, что по его повелению от гавазского мурава кн. Вачнадзе с письмом к почетному анцухцу Бадси-Магомеду был послан гонец для приглашения к себе старшин «сего и капучинского общества»; вследствие чего прибыли к нему 2 старшины и 7 сыновей известных старшин в Анцухском и Капучинском обществах, пользующихся уважением народа². Ген.-м. гр. Бекович-Черкасский предложил им принять покровительство российское с условием: иметь у себя муравом российского чиновника, не пропускать через свои земли неприязненных к России людей и в залог верности выдать от каждого общества, из известных ему фамилий, по два аманата³. Старшины изъявили свое согласие, правда, предварительно согласовав с обществами.

В целом, вплоть до 40-х годов XIX в. капучинцы не принимали участия в народно-освободительном движении горцев Дагестана и Чечни. Но в то же время отдельные из них стали выступать на стороне горцев, т. е. примыкали к последним в их походах на Грузию. «Общества Дидойское, Капучинское, Анцухское и Джурмутское считаются мирными, но постоянно участвуют в хищничествах в сих областях. Они состоят под заведыванием начальника Джарской области»⁴.

Кавказское командование прекрасно понимало стратегическое значение главных перевальных дорог, ведущих через Анцух, Дидо и Капуча. Поэтому в 30-х годах, когда борьба отдельных обществ начала принимать всеобщий характер, царские наместники стали укреплять Лезгинскую кордонную линию. С этой целью на линии было сосредоточено войско в количестве более 10 тыс. чел., считая милиционеров⁵. Капучинцы и пограничные с Грузией общества до середины 40-х годов не принимали активного участия в движении. Начальник лезгинского отряда ген.-м. Шварц в рапорте от 24 сентября 1844 г. пишет: «Капучинокому, Анцухскому и Джурмутскому обществам, как не принимавшим в нынешнем году никакого участия в действиях против нас, возвратив аманатов и дозволить им свободный вход в Белоканский округ и Кахе-

тию, а сверх того первым двум из упомянутых обществ разрешить в виде награды продать в Кахетию до 1000 бурок, провоз которых по сие время строго запрещен»¹. По показанию прапорщика Орбелиани, находившегося в 1842 г. в плену у Шамиля, «Дидо, Анцух, Хванал (Капуча) и прочие, лежащие на восточной покатости лезгинских гор, были нейтральными»². В конце 40-х и 50-х годах XIX в. капучинцы и в целом жители союзов сельских обществ Антль-Ратль (в источниках термин «Анкьракъ» встречается под названием «Антль-Ратль» и «Анкратль») стали принимать активное участие в освободительной борьбе горцев. В связи с активизацией этих обществ, ген.-л. Шварц принимает экстренные меры по укреплению Лезгинской оборонительной линии. Были возведены укрепления на южных отрогах Кавказского хребта, построены Кодорское укрепление на вершине Кодорского перевала, укрепление на урочище Меседил-Гох для прикрытия дороги из Закатал в Джурмут и др.³ Ген.-л. Шварц принимает решение, чтобы войска Лезгинской линии периодически совершали наступления в Анкратль и прилежащие общества с целью держать их в покорности. Оперативные меры Шварца поставили жителей Анкратль в тяжелые условия, — им категорически запрещалось спускаться в Кахетию. В Анцухо-Капуча свирепствовал голод. Для приобретения зерна многие отправлялись в Чечню.

В своем рапорте начальник левого фланга Лезгинской линии полк. Квятковский сообщает ген.-л. Шварцу следующее: «Голод как в Анкратле, так и повсеместно в Дагестане жестокий: так что из сел. Бежта 100, Анцуха 200 и прочих селений Анкратля около 1000 душ ходили в Чечню для снискания себе дневного пропитания»⁴. Многие капучинцы переселились в Кахетию. Оставшиеся в Бежта тоже просились принять их в покровительство и поселиться с семьями к капучиноким переселенцам на Бежаньянах⁵.

Кроме всего этого, наиб Адала чрезмерно обременил бежтинцев работами около своего дома, укреплял его кругом полисадом⁶. Узнав об этом, Шамиль сменил бывшего бежтинского наиба и вместо него назначил Дауда-муллу из с. Богнада. Анцухо-Капучинский пристав поруч. кн. Нашреван Чавчавадзе принял у себя 4-х бежтинцев: Шаих Нукуши, Али Дауда, Али Магомеда, Ислама Бакара, которые объявили: «Значительная часть жителей сел. Бежта желает принести покорность русскому правительству, но наибы, приставленные над ними от Шамиля, до сего их не допускают»⁷.

Действия ген.-л. Шварца в Анкратле привели к разорению и

¹ Там же. Д. 4772.

² Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 — 50 гг. XIX века. Сост. В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала, 1959 г. С. 72.

³ Там же.

⁴ Предписание бар. Розена ген.-м. Ланскому от 27 июля 1834 г. № 688.

⁵ Отношение барона Розена к графу Чернышеву от 31 июля 1832 г. // АКАК. Т. VI. С. 554.

¹ Движение горцев... С. 482.

² Там же. С. 414.

³ Там же. С. 552.

⁴ Движение горцев... С. 566.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

уничтожению аулов, посевов, хуторов и др., что еще более ухудшило их положение. В 1858 г. начальник главного штаба Кавказской армии сообщил, что около 4 тыс. горцев-капучинцев, апхуццев и дидойцев изъявили покорность.

После покорения Дагестана торгово-экономические отношения капучинцев с Грузией вновь возобновились. Приведенные выше исторические факты свидетельствуют о том, что общества высокогорного Дагестана в целом были миролюбивыми. Они, в частности капучинцы, как мы видели выше, не принимали участия в военных походах, совершаемых феодальными владетелями в XVII — XVIII вв.¹ К освободительной борьбе они присоединились только лишь в блистательную эпоху Шамиля. Поэтому концепция М. М. Блиева, утверждающая, что система «экспансий» имела свою эволюцию, в ходе которой менялись не только ее масштабы, но и направления², не выдерживает никакой критики. Ставя этот вопрос в такой плоскости, М. М. Блиев отходит от главного вопроса о причинах антифеодальной, народно-освободительной борьбы горцев. Эту борьбу автор рассматривает как следствие процессов, характерных для феодальной структуры эпохи перехода от военной демократии к феодальной формации. «Кавказская война, — пишет М. М. Блиев, — локализуется, и это признано — в пределах горного Дагестана, главным образом в его «Вольных» обществах»³. Напротив, союзы сельских общин высокогорного Дагестана включились в эту борьбу лишь потому, что царские наместники установили торгово-экономическую блокаду, изолировавшую горцев от Закавказья, от жизненно необходимой ей территории.

Таким образом, война эта, навязанная царизмом, была захватнической, разорительной для Дагестана. Она не была результатом «экспансии» отсталых скотоводческих племен, как это утверждает М. М. Блиев.

В ходе освободительной борьбы было уничтожено множество аулов, в Анкратле были разрушены хутора — хозяйственные центры капучинцев (об этом ниже).

В 1860 г. 26 апреля была упразднена Лезгинская кордонная линия с ее укреплениями, и образован новый округ — Бежтинский, подчиненный во всех отношениях военному начальнику Верхнего Дагестана⁴. В 1861 г. Бежтинский округ, уже как наместничество, вошел в состав Гунибского округа. После присоединения к России, союз союзов сельских обществ Анкратль распался как политическое объединение. Если до второй половины XIX в. гунибцы входили в состав Капуча, то после они образовали Энзевский союз сельских обществ, куда входили Родор, Дорбали, Харп, Энзев.

¹ ЦГА Груз. ССР. Ф. 16. Д. 10544.

² Блиев М. М. Указ. соч., С. 58.

³ Там же. С. 61.

⁴ Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 254.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАПУЧИНЦЕВ

§ 1. ХОЗЯЙСТВО

Естественно-географические условия сыграли огромную, если не решающую, роль в экономическом развитии капучинцев на протяжении многовековой истории. Капучинцы (бежтинцы), живя в условиях высокогорья, выработали определенные навыки и приемы в ведении хозяйства.

Большое значение для развития скотоводства имели обширные пастбища, отличающиеся исключительным разнообразием и богатством травяного покрова. «Край этот богат субальпийскими и альпийскими лугами, — пишут авторы труда «Дагестанская АССР», — которым характерно пышное развитие разнообразных, нередко красиво цветущих растений, травостой которых достигает до 70—80 см. высоты и значительной густоты»¹. Природно-климатические условия способствовали также развитию полеводства. Сухой континентальный климат, со значительным количеством осадков, выпадающих в вегетационный период, как утверждают специалисты, благоприятствовал развитию пашенного земледелия². Территория капучинцев богата также лесом. Наличие больших лесных массивов способствовало развитию издревле деревообрабатывающего промысла.

Наличие полезных ископаемых давало возможность населению заниматься металлообработкой. «Согласно геологическим данным в районах, прилегающих к Главному хребту, — пишет Л. А. Вардаянц, — имеются многочисленные рудопроявления, которые могли быть использованы в древнее и средневековое время»³. Наличие здесь железной руды свидетельствует также И. А. Гильденштедт⁴. Это подтверждает и археологический материал, представленный многочисленными металлическими изделиями.

¹ Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А. и др. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958. С. 87.

² Гюль К., Власова С. и др. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; Коростелев А. Климат Дагестана. М.-Л., 1931; Добрынин. География Даг. АССР. Дагиз, 1926.

³ Вардаянц Л. А. О местонахождении цветных металлов в Даг. АССР. // Природные ресурсы Даг. АССР. М.—Л., 1935. С. 83 — 84.

⁴ Гильденштедт И. А. «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествия акад. И. А. Гильденштедта через Россию и Кавказские горы в 1770 — 1773 гг. СПб., 1809. С. 128.

Немаловажное хозяйственное значение имели реки Хван-ор (Клудияб гор), Симбирис-хеви, Бежетинка и другие, которые использовались для сплава леса и рыболовства.

И, наконец, экономика капучинцев в рассматриваемое время целиком и полностью зависела от числа населения, занятого в трудовом процессе. Успехи в хозяйственном развитии отдельной семьи находились в прямой зависимости от количества трудоспособных ее членов.

Из-за отсутствия статистического материала невозможно установить число капучинцев в позднем средневековье. Самые ранние сведения о них содержатся у М. Клапрота. Он утверждает, что в его время у капучинцев было 1000 семейств¹. В первой половине XIX в. их насчитывалось 2880 чел.², а согласно сведениям другого автора — 2268 чел.³ А по данным, извлеченным из посемейных списков населения Кавказа в 1886 г., у капучинцев всего зарегистрировано 555 хозяйств⁴. В отчете, составленном в 1896 г., в Андухо-Капучинском наибстве зафиксировано всего 581 хозяйство с населением 2973 чел., в том числе по джамаатам; в Бежта — 304 и соответственно — 1655 чел., Глядал — 133 и 692, Хашар-хута — 62 и 308, Нахада — 53 и 270, Гарбутль — 29 и 148⁵.

Очевидно демографическому спаду способствовала политическая обстановка, сложившаяся в результате агрессии Ирана и Турции в Закавказье и народно-освободительная борьба горцев в первой половине XIX века. На демографический спад оказалась также болезнь (чума), постигшая капучинцев в 1760-х годах.

Возможно, в более ранние периоды территория эта была густонаселенной. Об этом свидетельствуют многочисленные поселения, уничтоженные и заброшенные в течение нескольких столетий. Так, согласно данным середины XVIII века, на территории Грузии с дальнего региона было переселено 4000 семейств⁶. В период освободительной борьбы многие капучинцы добровольно переселились в Грузию. Кроме того, во время походов ген. Вревского в 1857 и 1858 гг. общества Нагорного Дагестана: Цунта, Капуча, Андух были покорены, а часть жителей, около 400 душ, насильственно переселены в Кахетию⁷. На численность населения капучинцев повлияло и восстание 1877 г., вспыхнувшее в Гунибском и Андийском округах. Видимо, все эти события способствовали значительному сокращению населения этого края. И, естест-

¹ Клапрот М. Указ. соч. Л. 10.

² Норденстам И. И. Указ. соч. С. 322.

³ Анреп И. Р. Указ. соч. С. 170.

⁴ Посемейный список жителей Андухо-Капучинского наибства Гунибского округа // ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 5. Д. 75. Л. 150 — 376.

⁵ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 48. Отчет 1896. Андухо-Капучинское наибство.

⁶ Цагарели А. Новые архивные материалы для истории Грузии XVIII столетия. // Журнал Министерства просвещения. Январь, ч. ССХХУ. СПб, 1883. С. 129.

⁷ Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888 г. С. 196.

венно, это привело к упадку хозяйства капучинцев к концу XIX века. Частично были заброшены хутора, которые не успели восстановить после погромов в конце 50-х годов XIX века.

Посетивший этот край в 1860 г. Ф. И. Рупрехт с поречью пишет о состоянии земледелия после действий царских войск. «В Капуче я нашел около и между покинутых хуторов на ближайших склонах к Бежту, — сообщает он — на высоте по крайней мере до 1000 тоаз (1 тоаз=6,4 рус. фунтам, 1 фунт=0,3048 м.) одни запустелые поля». Это подтверждают и другие источники русского происхождения². Все это послужило отдельным дореволюционным и советским исследователям поводом сделать выводы об отсталости и примитивности земледелия у горцев, в частности капучинцев.

Основными занятиями капучинцев с древних времен до конца XIX века оставались земледелие и отгонное скотоводство.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Капуча относится к тем частям Дагестана, где издревле занимались полеводством. Степень развития данной отрасли и хозяйства целиком и полностью зависела от географических, климатических и исторических условий. Несмотря на рациональное использование пахотоспособных угодий и интенсивную обработку почвы, полеводство здесь было весьма ограничено. Во-первых, обрабатывались только лишь близлежащие от аула земли. Это было продиктовано историческими условиями. Располагаясь на границе с Грузией, капучинцы в прошлом часто подвергались нападению со стороны иноземных завоевателей (карательные отряды), которые сжигали и уничтожали их посевы. Во-вторых, соседствуя с плодородным краем, какой являлась Кахетия, они за свои продукты животноводства могли свободно приобрести более дешевый хлеб. Однако, капучинцы временами оказывались в тяжелых экономических условиях, когда, например, из-за экспансии Ирана, Турции и других завоевателей Грузия попадала под иго оккупантов. В такой обстановке горцы не могли спускаться в Закавказскую долину и тем самым были лишены кахетинского хлеба.

Видимо, поэтому в литературе иной раз встречаются сведения, свидетельствующие об их богатстве в зерне. Например, И. А. Гильденштедт, описывая дидойцев, гунизбцев и капучинцев, отмечает, что они покупают серу и соль за пшеницу, «коего они нарочито богаты»³. Эти высказывания послужили отдельным исследователям основанием предполагать, что в Нагорном Дагестане полеводство занимало ведущее место в экономике жителей высокогорных районов. «Даже в таких высокогорных районах Аварии,

¹ Рупрехт Ф. И. Верхний предел различных культурных растений на главном Кавказском хребте. // Оттиск из «Записок Имперской Академии наук». Т. 5. 1860 г. С. 179.

² Марков Е. Очерки Кавказа. СПб. — М., 1887 г.

³ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 128.

как Тлярата и Цунта, — утверждает С. Асиятилов, — ведущей отраслью хозяйства являлось земледелие»¹. Аналогичное мнение имеется и в «Истории Дагестана». Кстати, в предисловии не указан автор XIX в., где подчеркнута, что в Нагорном Дагестане полеводство занимало ведущее место в хозяйстве горцев с XVIII века².

Возможно обстановка в Закавказье заставляла капучинцев осваивать новые и ранее заброшенные земли, в результате чего они добивались высоких урожаев. Так было и в первой половине XIX в., когда была установлена торгово-экономическая блокада. Надо сказать, что большинство побывавших здесь историков, путешественников и других специалистов единодушно подтверждает относительно богатые урожаи капучинцев. По свидетельству Н. Воронова, в неурожайные годы для всего Дагестана урожай в данном регионе достигал до сам — 15 — 20³. Н. Дубровин пишет, что почва здесь довольно плодородная и дает сам — 15 — 20⁴. Действительно, земля капучинцев, в отличие от удобней других жителей внутреннего Дагестана, отличалась своей плодородностью. Если поля ботлихцев, каратинцев, койсубулинцев и др. нуждались в орошении, то в высокогорной зоне участки не поливались. Акад. Н. И. Вавилов отмечает: «...Неполивная культура в высокогорных районах встречается на Кавказе: в Армении, в Грузии, в Дагестане»⁵. Хотя по сравнению с другими обществами Дагестана урожайность здесь была достаточно высокой, все же выращиваемого у себя хлеба не хватало для прокормления семьи в течение года. Это было связано с тем, что капучинцы в основном обрабатывали небольшие участки. Дефицит в хлебе они восполняли за счет приобретения его в Кахетии на обмен продукции скотоводства. В связи с этим, в историко-этнографической литературе утвердилось совершенно противоположное мнение, где говорится об отсталости земледелия у капучинцев, анцужцев, дидойцев и др. Мы разделяем господствующий в литературе взгляд о ведущей роли скотоводства у капучинцев и др., но в то же время хотели бы уточнить или, вернее, внести некоторые коррективы в существующее мнение относительно отсталости земледелия.

Характерной особенностью земледелия здесь являлось то, что капучинцы не террасировали свои поля. Как известно, во внутреннем Дагестане широко практиковалось террасирование участков земли, так как оно являлось достаточно эффективным и испы-

танным средством в борьбе против эрозии почвы. Кроме того, посредством террасирования в условиях малоземелья создавалась возможность искусственного увеличения пахотоспособной земли. Террасы создавали также условия для искусственного орошения. В историко-этнографической литературе террасирование признано и приводится как образец интенсивной обработки земли. Безусловно, хотя и отсутствуют террасы, нельзя отказать капучинцам в интенсивности обработки почвы. Они ежегодно вносили удобрения, очищали поля от камней и пр., пользовались всеми традиционными приемами обработки почвы. Именно за счет интенсивности они добивались больших урожаев. Поэтому отсутствие террас не является показателем отсталости земледелия. Строительство террас исключительно зависело от географо-топографических условий и от структуры почвы. Кроме того, обилие влаги в почве, зависящей от климатических условий (снегопады, дожди), исключали здесь засуху. Вспахивали в основном земли, расположенные в долинах ущелий, выбирая более или менее ровные площади, неподдающиеся эрозии. Все эти факторы, естественно, оказали большое влияние на систему пашенного земледелия. Система безтеррасного земледелия была характерна всем жителям, проживающим по Главному Кавказскому хребту.

Культура земледелия была известна капучинцам с древнейших времен. Немногочисленные археологические раскопки, в основном Бежтинского могильника, дали достаточно богатый материал, свидетельствующий о том, что жители этой территории еще в раннем средневековье занимались пахотным земледелием. «Археологические находки (серпы из Бежтинского могильника), — пишет Д. М. Атаев, — подтверждают, что даже в высокогорных районах удельный вес земледелия был достаточно велик. Эти же данные говорят об успехах пашенного земледелия»¹. Отсутствие археологического материала более раннего периода не позволяет нам установить время перехода капучинцев к пашенному земледелию. В целом же употребление сохи и применение тягловой силы для пахоты в Дагестане археологи относят к бронзовому веку².

Основным пахотным орудием капучинцев, как и у всех горцев Кавказа, с древнейших времен является «боос» — деревянный плуг с железным лемехом (хьо), ярмо (юкьо), в которую впрягали одну пару волов (о³со) или лошадей (сойя). Конструктивно «боос» не отличался от аналогичных пахотных орудий горцев Дагестана. Боос являлся наиболее приспособленным и незаменимым пахотным орудием в условиях высокогорья.

¹ Асиятилов С. Х. Некоторые вопросы общественных отношений аварцев в свете их хозяйственной деятельности. // УЗ ИИЯЛ. Вып. 16. Махачкала, 1966. С. 326.

² История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 310.

³ Воронов Н. Из путешествия по Дагестану. // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 14.

⁴ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1971. С. 503 — 504.

⁵ Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // «Природа», № 2. 1936. С. 79.

¹ Атаев Д. М. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии // УЗ ИИЯЛ. Вып. 11, Махачкала, 1963. С. 196.

² Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969. С. 158; Котович В. П. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 153.

Этнографические исследования показали, что сохранившиеся доныне пахотные орудия аналогичны с орудиями древней эпохи.

О древности пахотного земледелия в Капуча свидетельствуют также лингвистические данные. Почти все названия, связанные с земледелием, относятся сугубо к бежтинскому языку. Так, например, наиболее распространенное в горах Дагестана пахотное орудие (плуг) на бежтинском языке называют «боос». Существуют собственные названия, имеющие непосредственное отношение к полеводству, например, молотильные доски, универсальные для всего Дагестана, здесь называют «мой».

Наиболее распространенными зерновыми культурами, которые возделывались на территории Капуча, были: рожь (ох), пшеница яровая (хъибо), голозерный ячмень (ч'е), лен (лъель), бобы (ц'юдологоло), горох (гъоло). «На Богнодальском и Андучо-Капучинском участках преобладающим хлебом является ячмень и в особенности моор (голый ячмень)»¹.

Культивирование кукурузы у капучинцев, по-видимому, началось с XVI в. в связи с проникновением ее из Закавказья (Грузии). Об этом свидетельствует само название кукурузы (симинди), сохранившее грузинское наименование.

Однако, из-за климатических условий широкое распространение она не получила. Согласно полевым исследованиям, в бежтинских селениях она не успевала созреть и потому почти не культивировалась. В горных условиях озимую пшеницу сеяли в ограниченных размерах, так как частые заморозки мешали ее вызреванию. Выращивали только яровые сорта пшеницы, а также ячмень, овес, просо, рожь.

В прошлом наиболее распространенной культурой была хенна, которую Рупрехт сравнивает с мари. «Наконец, должно еще упомянуть, — пишет он, — как об особенном культурном растении, о нашей обыкновенной мари, которую я сначала принял за сорную траву, но вскоре убедился в том, что она в этой стране играет ту же роль, как *shenopodium Qnipoa* в Кордилерах. Травя сохранилась засушенной, употребляется в пищу, известна у лезгин общества Капуча под названием «Хенна»². Все эти виды, за исключением «хенна», бытуют в Капуча и в наши дни. По образному выражению акад. П. М. Жуковского, все эти виды — осколки древней культуры, такие же реликвии древнего земледелия, как копательная палка, мотыга, «деревянная соха»³. Кавказ, в частности, Дагестан, являются одним из очагов пшеницы»⁴.

Сельскохозяйственные культуры отличались высокой урожайностью и холодоустойчивостью.

¹ Дагестанская область // КК на 1893 г., Тифлис, 1892. С. 144.

² Рупрехт Ф. И. Указ. соч. С. 190.

³ Жуковский П. М. Происхождение растений. М., 1956. С. 25.

⁴ Вавилов Н. И. Мировые очаги (центры происхождения) важнейших культурных растений // Избр. труды. Т. 2. М., 1960. С. 45.

Характеризуя развитие земледелия высокогорных районов, акад. Н. И. Вавилов пишет, что «на Кавказе — в Дагестане — зерно сортов и видов пшеницы и ячменя отличается исключительной стойкостью к прорастанию и может лежать месяцами в снопах под дождем не прорастая»¹.

Знакомство с различными сортами колосовых культур, созревающих в наиболее выгодное в хозяйственном отношении время года, говорит о довольно развитой для своего времени и условий агротехнике, заключающейся в внесении удобрений, в чередовании пропашных культур, что позволяло капучинцам получать относительно высокий урожай с богарных земель.

Сельскохозяйственные работы в Капуча начинались с наступлением весны. В отличие от других обществ внутреннего Дагестана, где работы начинались ранней весной (в начале марта), капучинцы приступали к ней в конце апреля — начале мая. «В Андучо-Капуча все однородные сельскохозяйственные работы начинаются дней на 25 и более позже, чем в плоскостной части области, и дней на 15 — 20 позже, чем в нагорной полосе»². Начало и конец всех существующих циклов сельскохозяйственных работ отмечались своеобразными ритуальными торжествами, сопровождающимися угощением участников, пением, танцами, спортивными и другими увеселительными играми. Особенно пышно обставляли праздник первой борозды. До совершения этого обряда строго запрещалась распахка.

Подготовка к полевым работам начинается в середине апреля. Начало полевых работ объявлял старшина в одну из пятниц или в четверг. «Время и порядок производства сельских работ выкрикивается по утрам с мечети сельским старшиной»³. Этот день — день первой борозды, торжественно праздновали на ближайшем поле. Здесь собирались все жители села, которые приносили с собой образцы семян. Принесенные семена сыпали в один мешок, который держал кадий или один из присутствующих почетных лиц. Начало празднования открывалось молитвой кадия. Затем распорядитель бросал семена на землю и проводил несколько прямых борозд плугом (боос), после чего быков отпрягали и угоняли. Согласно преданию, раньше в этот день все одевали лучшие одежды, устраивали бой быков, орачки и т. д. Спустя 15 — 20 дней после первой борозды приступали к пахоте, которая продолжалась 4 — 7 дней. До начала пахоты, сразу после первой борозды приступали к удобрению полей (маче). Процесс этот продолжался в течение последующих 15 дней. В основном эти работы выполнялись женщинами. Вывозили удобрение в специальных плетеных корзинах (кед). Кроме того, с целью удобрения полей, пос-

¹ Вавилов Н. И. Мировой опыт... С. 37.

² Дагестанская область // КК на 1893 г., Тифлис, 1892. С. 144.

³ Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 72.

не уборки урожая, осенью организовывали специальные стоянки овцеголовья на полях. Земля, вспаханная выделенными овцами на несколько ночей навоз, не нуждалась во внесении добавочного удобрения и давала хороший урожай¹.

Удобрение в основном находилось на хуторах (хъун), где в зимний период содержался весь скот.

После удобрения приступали к севу зерновых культур. Основным пахотным орудием у капучинцев, как мы отмечали выше, являлся плуг (боос). Использование в горах плуга и мотыги (боза) для пахоты и посева определялось не примитивным характером земледелия, а естественно-географическими условиями. В горных условиях не производили глубокой вспашки, не было необходимости в применении большого плуга, что было характерно для равнины. Легкий плуг был очень удобен для пахаря. За пахарем обычно шла женщина с мотыгой в руках. Она размельчала большие комья земли, вскапывала нераспаханные плугом места, очищала пашню от камней и пр. За пахой следовали два взаимосвязанных и почти одновременных цикла — прополка и удаление сорных трав. Прополку (дабара, осар) производили два — три раза, чтобы влага сохранялась подольше. Сорную траву, которую удаляли с полей с корнями при прополке, собирали, сушили и размельчали специальным инструментом кешито — секач. Полученную при этом смесь (бохтго тлош) считали наиболее питательным кормом для скота. Особенно ею кормили молочных коров.

В августе приступали к жатве (йикъо ёкюлцас заман) и сенокосению. Заготовкой сена занимались мужчины. Косили сено большими косами (чиникI, харачин), после чего сушили на месте, затем привозили выюками на лошадей и складывали в сеновалах (кьибе). В основном сенокосы (бох ягъогьцас маче) были расположены вблизи хуторов.

В целом же, процесс заготовки сена продолжался в течение вегетационного периода, т. е. начиная с прополки и кончая глубокой осенью.

После сенокосения приступали к уборке урожая. Косили хлеб маленькими вогнутыми серпами (ёхичI), скошенный хлеб связывали вязкой из скрученной соломы в снопы. Затем снопы складывали вокруг палки в виде стожков (гова) вверх колосьями для дальнейшей сушки. После сушки снопы возили на лошадях и на мулах и складывали перед гумном в виде стога.

После выполнения всех основных сельскохозяйственных работ приступали к молотье (йал). Обычно молотили на токе (ац). Молотье производили на своих хуторах, где в основном были расположены пахотные участки. Например, в Бежте таких ац было более ста. Прежде чем приступить к молотье за 3 — 4 дня до этого тщательно готовили ток. Молотья производилась при помо-

щи молотильных досок, приводимых в движение быками. При молотье периодически снопы переворачивали деревянными вилами, чтобы не осталось необмолоченных колосьев. После молотья зерно с мякиной собирали в один из углов гумна специальным деревянным орудием (сино) с таким расчетом, чтобы оставалось место для отделенного зерна и мякины, при этом строго учитывали направление ветра.

Зерно с мякиной подбрасывали вверх специальной деревянной лопатой (аько). Затем мякину собирали в плетеные корзины (кед) и привозили на сеновал. Мякину смешивали с сеном, и эта смесь служила зимним кормом для крупного рогатого скота. Кроме того, мякину использовали при изготовлении раствора из глины при строительстве домов.

Очищенное зерно собирали и отвозили в мешках в дом хозяина. Он в свою очередь на веранде или на кухне организовывал сушку зерна. После сушки зерно очищали от камушков и пыли, подбрасывая его деревянным подносом, в результате чего камушки и лишний мусор отделялись от зерна. Высушенное и очищенное зерно измеряли и хранили в специальных ящиках (кобор) с емкостью до 50 — 60 пудов¹.

Помол производился на водяных мельницах. Мельницы в основном находились в общественной собственности. В некоторых обществах мельницы принадлежали отдельным тухумам. Так, например, в Тлядале в прошлом было всего 4 мельницы. Каждый тухум имел свою мельницу (гьабур), и за обмолот члены тухума никому не платили. «Водяные мельницы в Тлядале, — пишет Е. Шиллинг, — не состояли в частной собственности, а принадлежали определенным тухумам»².

Природные условия не позволяли капучинцам заниматься садоводством. Огородничество было слабо развито. Огородов как таковых не было, хотя капучинцам были известны и выращивались такие огородные культуры, как фасоль (лобиё), горох (гьоло), картошка (кIартупели кIату), последняя проникла сюда из Грузии, видимо, в XIX веке.

В лесах капучинцев в изобилии было множество ягод, которые они издревле употребляли в пищу. Жители этого края в лесах собирали чернику (лъе), малину (йодо), рябину (аза), черемуху (чемух) и грибы (зокю). Из ягод изготавливали различные напитки, позже стали варить варенье³.

Таким образом, вышеприведенные материалы, многие из которых относятся к рассматриваемому времени, говорят, что капучинцы издревле занимались земледелием. Выращивали основные

¹ Полевой материал, собранный в 1989 г.

² Шиллинг Е. Народы Андо-цезской группы // РФ. ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1613. С. 32.

³ Полевой материал, собранный в 1989 г.

¹ Полевой материал, собранный в 1989 г.

злаковые культуры, среди которых наибольшее распространение получили яровая пшеница, рожь, ячмень и просо.

СКОТОВОДСТВО Важным и древним занятием капучинцев было животноводство, особенно овцеводство. Оно находилось на высоком уровне развития.

Этому способствовало наличие летних и зимних пастбищ в Кахетии, которые у них были в изобилии. Скотоводство давало им пищу, сырье для одежды и обуви. Занятие скотоводством отразилось на языке капучинцев. Терминология по животноводству отличается исключительным богатством. Имеется очень много специфических животноводческих терминов, что свидетельствует о древнем характере скотоводства.

Так, например, на капучинском языке существуют следующие названия для обозначения как крупного, так и мелкого рогатого скота: корова — «вая», теленок — «бише», телка — «йиже», бык — «о^нс», «битлезш о^нс» — некастрированный бык, бычок — «бур^а», ягненок — «л^ииле», овца — «бикь», баран — «хой», козленок — «ч^ики^ие», коза — «цан» и мн. др.

О степени развитости скотоводства можно судить по обычному праву капучинцев. Возмещение и платежи согласно адатам выражались в скоте. Так за убийство (это было, правда, редким явлением) взыскивалось 300 овец. За проникающее ранение с виновного взыскивались 32 овцы.¹

Очень трудно установить количество мелкого и крупного скота в XVIII — нач. XIX вв. Трудность заключается в отсутствии статистического материала. Правда, мы располагаем сведениями второй половины XIX века, по которым можно установить количество скота в 80-х годах XIX века. По данным, собранным Кавказским статистическим комитетом, на 560 хозяйств Капуча приходилось 3746 КРС и 29655 МРС, т. е. в среднем 6,5 голов КРС и 53 голов МРС на одно хозяйство².

Однако, внутри общества, между отдельными семьями, скот был распределен неравномерно. В наилучшем положении были жители Тлядала, где на хозяйство выходило 82 головы МРС и 5,5 КРС. Общее количество скота здесь составляло 10500 голов и 715 КРС. В селении Бежта имелось 2500 голов КРС и 14000 овец, а в других более мелких обществах: Гарбутль, Нахада и Хашар-Хута — имелось соответственно 100 и 1530, 231 и 1625, 200 и 2000³.

Чтобы иметь полную картину о численности скота во второй половине XIX в., приведем следующую таблицу:

Приведенная таблица убедительно показывает, что главным занятием у капучинцев было скотоводство. Надо сказать, что горцы, в том числе капучинцы, не всегда были откровенными при пе-

реписи скота. Видимо, они скрывали реально существующее количество скота, с целью избавиться от налога или хотя бы уменьшить налогообложение. Но все же сохранение такого количества скота в столь тревожное время (Кавказская война, восстания 60-х — 70-х годов) говорит о том, что животноводство капучинцев в более ранний период находилось на более высоком уровне развития.

По всей вероятности, поголовье скота в конце XVIII — нач. XIX вв. в обществе Капуча было более высоким, нежели во второй половине XIX в.

С/общ-ва	Кол-во дымов	МРС	КРС	Лошади	На каждый дым			
					МРС	КРС	лошади	Всего скота
Бежта	301	14000	2500	229	46,5	8	1	55
Тлядал	128	10500	715	90	82	5,5	0,7	88,2
Хашар-Хута	55	2000	200	50	38	3,8	0,9	42,7
Нахада	46	1625	231	38	35	5	0,8	40,8
Гарбутль	30	1530	100	23	51	3,3	0,8	55,1
Итого по Капуча	560	29655	3746	430	53	6,5	0,8	60,3

Отрицательно сказалась на развитие скотоводства Кавказская война, с началом которой была установлена торгово-экономическая блокада. В связи с этим капучинцам, как и другим обществам Западного Дагестана, было запрещено перегонять скот на зимние пастбища, расположенные в Кахетии. Это продолжалось почти полвека, что, естественно, сыграло отрицательную роль в развитии скотоводства. Из-за отсутствия зимних пастбищ жителям приходилось сокращать количество имеющегося овцепоголовья. Они вынуждены были содержать весь наличный скот у себя на хуторах, что, конечно, было очень трудно. Возникла необходимость в дополнительной заготовке сенажа и др. кормов. В зимний период возрос естественный падеж скота, что повлияло на количество поголовья, особенно овец.

Кроме того, большой ущерб скотоводству был нанесен в 50-х годах XIX века, когда царские войска систематически совершали карательные экспедиции в этот край. При этом уничтожали или угоняли скот, сжигали хутора, посеы и сенокосы, что несомненно привело к значительному сокращению количества скота. Такие неблагоприятные условия решающим образом препятствовали развитию горского хозяйства. По материалам, основанным на свиде-

¹ Из истории права. С. 60.

² ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 5. Д. 73: Посемейный список жителей Анцухо-Капуча. Гунибский округ. Л. 290 — 857.

³ Там же.

тельствах самих обществ, капучинцы, по их показаниям, имели прежде много скота. Но когда доступ в Кахетию был закрыт, они вынуждены были сбыть этот скот, не имея возможности обеспечить его зимними пастбищами и кормом, оставив у себя лишь то количество, которое можно было содержать¹.

До установления торгово-экономической блокады анцухо-капучинцы свободно перегоняли свой скот в Кахетию. Трудно установить время становления отгонной системы скотоводства. Но, согласно сведениям первоисточников, они начали отгонять свой скот еще задолго до рассматриваемого периода. Ад. Берже пишет, что Анцух и Капуча имели в прежние времена свои зимние пастбища на так называемом Бежанианском поле, вдоль реки Шорт-хеви. Некоторые же деревни посылали свои стада в ур. Картубань². Это подтверждает также обращение поверенных Анцухо-Капучинского общества Губернатору Дагестанской области. В этом обращении говорится о давности перегона скота в Грузию, что земли эти принадлежали предкам анцухо-капучинцев³.

В 1867 г. по просьбе анцухо-капучинцев была создана специальная комиссия для решения спорного вопроса между гавазцами и капучинцами. Комиссия от 24 марта 1867 г. признала давность пользования анцухо-капучинцами землями, расположенными на территории Грузии. В акте сказано, что лезгины Капучинского общества занимали местность выше кордонной линии, с прилегающими лесами, от реки Аванис-Хеви до реки Картуби-ор. В местности «Сипиани», выше сел. Старый Гаваз, при речке Шорт-Хеви, расположены жилые постройки капучинцев. В местности «Ареш», расположенной к востоку от «Аванис-хеви» до отрога «Хечили», у лезгин Капуча имеются 31 зимовник и жилые постройки с распашками и огороженными загонами для скота⁴. И. А. Гильденштедт пишет, что капучинцы, анцухцы и гунзибцы пасут своих овец в Кахетинской долине⁵.

Таким образом, лишение капучинцев богатых зимних пастбищ в Заалазанской долине являлось одной из главных причин сокращения поголовья их овец. Осложнилась ситуация и после покорения Дагестана. В 60-х годах земли эти были конфискованы и переданы в казну. В связи с этим капучинцам был ограничен свободный доступ в Кахетию. Они были уже вынуждены вносить в казну плату за пастбу скота. Например, в архивном документе говорится, что поверенные жителей сел. Тлядал ходатайствовали о разрешении доверителям их по-прежнему пастить скот и лошадей за установленную плату на лесных участках, отчужденных от кня-

зей Вачнадзевых в казну¹. О том, что они пользовались пастбищами еще задолго до присоединения Грузии к России, подтверждает также сигнажский лесничий. По его сведениям, действительно, с давних пор, каждую зиму, жители сел. Тлядал проживали со своими семьями в тех лесных участках, пасли здесь скот, лошадей и овец².

В обращении к Губернатору Дагестана жителей Анцухо-Капучинского общества говорится: «С покорением Дагестана несколько раз возникал вопрос о пользовании ныне отобранными у нас землями, для чего образовывались несколько раз комиссии, которые каждый раз входили в наши нужды, и, рассмотрев наши права, основанные на давностном пользовании, оставляли ее в нашем пользовании. Только с 1860 годов мы вносим в казну плату за пастбу ста штук овец сперва рубль, в настоящее время (1867 г.) — 6 руб., с коз 60 руб., крупного рогатого скота по 40 коп. за голову за целый год³. Царское правительство на Кавказе, учитывая тяжелое положение капучинцев, занимающихся в больших размерах овцеводством, шло навстречу просьбам жителей этого общества. Созданная комиссия разрешила тот вопрос в пользу капучинцев. Они стали свободно перегонять свой скот в Кахетию. Так, по данным акта комиссии «жителями Анцухо-Капуча в Гавазской даче выпасалось 19800 овец⁴. В рапорте нач. Гунибского округа Военному губернатору Дагестана сообщается, что лица и общества, как некоторые селения Тлейсерухожского, Анцухо-Капучинского и Богнодальского наибств., которые занимаются скотоводством и овцеводством в больших размерах, на зиму свой скот угоняют на плоскость: в Сигнажский и Телавский уезды⁵. В результате возвращения капучинцам зимних пастбищ заметно стало расти количество скота, и нарушенная отгонная система была восстановлена. Однако, достигнутое спокойствие, продолжавшееся всего лишь 10 лет, было прервано восстанием в 1877 г. После подавления этого восстания у них были конфискованы не только зимние, но и летние пастбища. Они были возвращены поэтапно в продолжении 10—15 лет.

Канцелярия наместника Кавказа по его приказанию объявила жителям Анцухо-Капучинского участка, что конфискованные у них горы за восстанием 1877 г. будут возвращаться им «по времени окончания контрактных сроков, заключенных казной с арендаторами этих гор, до того времени означенные горы должны считаться оброчными статьями казны, в пользу которых должны поступать доходы с них⁶. Действительно, конфискованные у капу-

¹ Полевой материал, собранный в 1989 г.

² Ад. Берже. Указ. соч. С. 251.

³ ЦГИА Ф. 231. Д. 260. Л. 131.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 127.

¹ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 11. Л. 1.

² Там же.

³ ЦГИА ГР. Ф. 231. Д. 260. Л. 15.

⁴ ЦГИВ ГР. Ф. 231. Д. 260. Л. 8.

⁵ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 25.

⁶ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 66.

чинцев и андухцев пастбищные горы были отданы в аренду, как отдельным лицам, так и сельским обществам. Однако, в документе не сообщается срок аренды, и видимо, какпучинцам пришлось достаточно долго ждать возвращения своих гор. Известно, что последние горы им были переданы в 1908 г. Управление земледелия в своем донесении в июне 1908 г. сообщает, что в присутствии представителей местной администрации и понятых, переданы в натуре казенные летние пастбищные горы Гунибского округа: Лапалкан, Кататлану, Варко, Газитала, Бакадух и Мушак в бесконечное пользование Бежтинскому, Тлядальскому, Анцросинскому и Хашар-Хотинскому сельским обществам Андухо-Капуча¹.

Кроме того, в 1907 г. решением Управления земледелия и государственных имуществ Тифлисской губернии были возвращены сельским обществам Андухо-Капуча зимние пастбища, расположенные в районе Лагодехского общества под названием «Хачалдаг», площадью 2500 десятин и «Башир-хер, Хала-хер» площадью 15000 десятин².

Таким образом, периодическое лишение какпучинцев их зимних пастбищ в продолжении XIX в. отрицательно сказалось на развитии скотоводства. Но тем не менее, в исследуемое время скотоводство являлось одной из ведущих отраслей хозяйства жителей Капуча. Поэтому наместники Кавказа шли навстречу просьбам общества этого региона. «Надлежит, — находим мы в архиве, — возратить дидойцам, какпучинцам, укратлинцам взятые у них в прошлое возмущение в казенное управление пастбищные горы, составляющие для тех обществ, занимающихся только одним скотоводством, единственное подспорье их существования»³.

Огромное значение для развития скотоводческого хозяйства имела сложившаяся здесь издревле хуторская система. Хутора (хъунна) имели весь комплекс хозяйственных помещений: сарай для скота (сиё), сеновал (кьибе), жилье (билло), а также помещение для хранения и переработки продукции животноводства. Капучинцы весь скот, не подлежащий к перегону, как то: волы, телки, лошади и др., за исключением молочных коров, в зимний период содержали на хуторах. Хутора принадлежали отдельным лицам, тухумам, были и квартальные. Так, например, в Бежта было более 30 хуторов. Они были расположены на южных склонах гор. Надо отметить, что прилегающие к хуторам сенокосы и пашни принадлежали этим же хозяевам.

На хуторах держали скот с конца сентября до конца мая. В зимний период большинство жителей переезжало на хутора для ухода за скотом. В течение всей зимы скот держали на стойловом содержании. Е. Марков, побывавший здесь во второй половине XIX в. пишет: «... Хутора эти — своеобразная особенность здеш-

¹ Там же. Л. 29.

² Там же. Ф. 2. Оп. 5. Д. 28. Л. 59.

³ ЦГИА Груз. ССР. Ф. 231. Д. 104. Л. 43.

него горского хозяйства. Они населяются только зимою, когда невозможно держать скот на пастбищах, а приходится загонять его под крышу, где уже заранее собрано сено, рубленая солома и всякое зерно. В хуторах обширные двухярусные и трехярусные сакли¹. Годовой цикл отгонной системы начинался весной, в конце мая, когда скот перегоняли с зимних пастбищ.

В мае, после завершения пахоты, скот, содержащийся на хуторах, возвращали в селение. К этому времени с зимних пастбищ перегоняли и овец. В селении скот держали недолго. Крупный рогатый скот и овец перегоняли на близлежащие пастбищные горы (бизо). Время это у бежтинцев называют «марко». Период марко продолжался один месяц (июнь), после чего скот возвращали в село, где приступали к комплектованию отары и стада для перегона на летние пастбища. При комплектовании отар бежтинцы строго соблюдали тухумный принцип. По сообщению информаторов в сел. Бежта существовало 5 тухумов и соответственно 5 отар. Чабанов обычно нанимали. При найме строго учитывались его опыт, умение своевременно оказать помощь при переломах, вывихах и во время окота. Эти традиционные знания были критериями при найме чабанов.

Предпочтение всегда отдавали чабанам — представителям тухума. Количество чабанов зависело от количества овцепоголовья. Бежтинцы нанимали 6 чабанов для одной отары. Платили наемным чабанам натурой. Плата зависела от количества овец. Так, например, бежтинцами была установлена следующая плата: за пастьбу 20 овец в течение месяца чабан получал 1 овцу (бикъ), т. е. в течение сезона он получал 3 — 4 овец за пастьбу 20 овец. Надо отметить, что бежтинские отары были крупными — число овец доходило до 3000.

Кроме того, хозяйева овец обеспечивали чабанов на весь сезон одеждой, которая изготовлялась из грубого сукна. В селение Тлядал представитель тухума Чахъал обеспечил своего чабана к сезону одеждой из тонкого сукна, за что он подвергся осуждению обществом за нарушение обычая. Крупные барановоды нарушали традиции, у них всегда чабанили изысканные опытные наемники. Они заключали долгосрочные договора (конечно, устные), и чабаны, естественно, ставили условия хозяину.

Перегон овец в субальпийские и альпийские луга не представлял особых трудностей. Пастбища были расположены на собственной территории, и корм скоту обеспечивался в достаточном количестве. Согласно устной традиции, пастбища у какпучинцев распределялись по жребью между родственными группами или кварталами. Оставшиеся свободными пастбищные горы они отдавали в аренду другим обществам или лицам за определенную плату. Поэтому между жителями Капуча не возникали споры за пользование

¹ Марков Е. Указ. соч. С. 535.

пастбищами. Они с большим умением использовали пастбища. Под весенние пастбища выделяли дальние покосы, когда субальпийские и альпийские луга находились еще под снегом. По мере освобождения пастбищных гор от снега, скот последовательно перемещался в субальпийские луга. Такая последовательность перемещения скота была обусловлена, во-первых, необходимостью более рационального использования пастбищных ресурсов. Во-вторых, в результате постоянного перемещения с присельских выгонов в высокогорные пастбища происходил процесс акклиматизации скота, что, естественно, избавляло от лишних потерь и болезней. На альпийских пастбищах скот оставался до наступления холодов. «Летом, — говорится в аятах, — скот пасется на верхних пастбищах (альпийских — М. Д.) и по мере падения жары спускается на нижние»¹. В этом плане (наличия пастбищ) капучинцы находились в наилучших условиях. «Овцеводство, издавна существовавшее в крае, достигло теперь крайних пределов развития. Сравнительно в лучших условиях находятся овцеводы Анцухо-Капучинского наместства»².

В сентябре, с наступлением холодов, овец спускали на низину для подготовки к перегону на зимние пастбища. Перед перегоном производилась стрижка овец. Отделяли от отары более слабых овец, не подлежащих к отгону. При перегоне капучинцы не испытывали особых трудностей, так как тракт проходил не через населенные пункты и чужие пастбищные горы, за что необходимо было платить определенное количество овец, а, наоборот, через свои пастбищные горы. Во время перегона джамаат специально назначал людей для сопровождения их до зимних пастбищ, расположенных в Кахетии. Скотопрогонная трасса проходила через перевалы Главного Кавказского хребта, ведущего в Телавский и Сигнахский уезды. «Анцухо-Капучинский, частью Тлейсерухский участки, — пишет М. С. Шапсович, — спускаются со своими стадами в Телавский и Сигнахский уезды, а также Закатальский округ. Летом весь скот и овцы пасутся в пределах округа на обширных летних пастбищах, на склонах Главного Кавказского хребта»³.

На зимние пастбища перегоняли также рабочий скот (волы, лошади и др.). Здесь строились кошары, загоны, жилые помещения для персонала и различного рода стоянки, которые носили постоянный характер. Следует отметить, что капучинцы на зимних пастбищах заготавливали достаточное количество сена и обрабатывали пахотоспособные земли. Для этого они в сезонный период отправляли в Кахетию представителей тухумов, обществ на сенокосение. В общем, здесь в течение года находился определенный контингент людей, которые занимались хозяйством. В связи с этим в Кахетии и образовались целые поселения. «Жилые постройки анцухо-

капучинцев и загоны для скота находятся только в низменной части. Они разбросаны отдельными группами и в большинстве случаев устроены из дерева или из камня на сухой кладке. Кроме пастбы скота на отведенном им пространстве лезгины в последние годы стали производить в ограниченном размере распахки и сенокосения»¹.

На зимних пастбищах скот находился с конца сентября по май месяц. Здесь же производился окот овец².

Весной, в мае, после 6 — 7 месячной зимовки скот перегоняли обратно на свои летние горные пастбища. При обратном перегоне капучинцы сталкивались с некоторыми трудностями, связанными с молодым скотом. Кроме того, в горах зима более продолжительна, снегу выпадало больше, а оттаивал он медленно, бывали случаи снежных обвалов, что немало затрудняло процесс перегона скота. В связи с этим, при перегоне скота по пути происходили потери и падеж его, особенно молодняка (лиле). Поэтому жители сельских обществ шли навстречу скоту и принимали все меры, чтобы уменьшить количество потерь.

По сложившимся традициям уходом за мелким рогатым скотом занимались мужчины. На них возлагались функции доения и стрижки. Стрижка, по сообщению информаторов, производилась два раза в год — осенью, перед отгоном на зимние пастбища, и весной, по прибытию их в альпийские луга. Стрижка производилась весной, а осенью в основном выщипывали шерсть. Объяснялось это прежде всего суровостью климата. При выщипывании на овцах и козах сохранялось некоторое количество шерсти, и они прекрасно выносили зимние холода. Кроме того, преимущество выщипывания заключалось в том, что в отличие от стриженных овец, ошипанные сохраняли большую упитанность.

Выщипанная шерсть превосходила по своему качеству стриженную. Овечья и козья шерсть (лзу) являлась главным сырьем для изготовления паласов, сукон, войлоков, обуви, одежды и др.

Широкое распространение имела дойка овец, которая производилась в период «марко», в июне месяце. Во время дойки все владельцы овец переселялись в горы. В период доения молодняк отделяли от маток. За молодым скотом во время доения ухаживали дети.

Овец доили в специальный деревянный сосуд (класри) емкостью 10 литров. Из овечьего молока (гьи) изготавливали сыр (боцилас кима), который отличался по вкусовым качествам от других сыров. Для изготовления сыра использовали закваску (бнл — желудок молочного ягненка или теленка).

Белл в течение суток держали в воде в керамической посуде (ктем), после чего использовали для закваски. С этой целью в 10

¹ Из истории права... С. 72.

² Дагестанская область. С. 151.

³ Весь Кавказ; Редакция и изд. М. С. Шапсович, Баку, 1914. С. 310.

¹ ЦГИА Груз. ССР. Ф. 231. Д. 260. Л. 13.

² Полевой материал, собранный в 1989 г.

литров еще неостывшего молока добавляли одну кружку отстоявшейся жидкости, где был помещен бел. Полученную после кипячения массу солили, иногда добавляли пряные травы, затем клали в специальные бурдюки. Сыр высушивали и хранили в этих бурдюках, где вкусовые качества его сохранялись 1 — 2 года. Овечий сыр являлся одним из основных продуктов в рационе пицци капучинцев. Кроме того, он шел на продажу, высоко ценился на закавказских рынках. Доеение овец не ограничивалось периодом «марко», в последующем им занимались чабаны. При этом сыр оставался чабанам. В пищу использовали также сыворотку «ниа».

Крупный рогатый скот (хайван) капучинцев в рассматриваемое время составлял меньшую часть их стад, значительно уступая мелкому рогатому скоту (боци). Коровы (вая) и бычки (очс) капучинцев, как и у других горцев Кавказа, были сравнительно небольших размеров. Но зато крупный рогатый скот был хорошо приспособлен к горным условиям и отличался неприхотливостью к пище и выносливостью.

В конце сентября, после сбора урожая и заготовки сена, к концу мая крупный рогатый скот содержали на хуторах. Оставшийся на хуторах скот в течение зимы в основном держали на стойловом содержании, при благоприятных климатических условиях использовали также подножный корм. В селениях капучинцы держали только лишь молочных коров.

С наступлением весны, после завершения пахоты, рабочий скот (волы) объединяли в одно стадо. На протяжении 4-х месяцев рабочий скот вместе с бычками пасли на общественных пастбищах. Для них джамаат выделял отдельные, часто близлежащие, горы (бизо). Так, например, бежтинцы рабочий скот держали в местности «Цяль», тлядапцы пасли его на специальной пастбищной горе «Хитнод». Их возвращали домой только лишь в период разгара сельхозработ.

Для пастбы бычков джамаат нанимал пастухов. Обычно нанимали двух пастухов, которые получали хороший доход натурой.

Стада коров и телят пасли в ущельях рек Хазан-Эхе (Бежтинка), Хьван-ор, Симбирис-Хеви. Коров и телят рано утром выгоняли на общественные пастбища и к вечеру пригоняли обратно в село. Была и другая форма содержания коров и телят — пастба по очереди (ирга). Каждый владелец скота должен был выходить на пастбу столько дней, сколько у него было голов в общественном стаде¹. Интересные сведения о найме пастуха имеются в бежтинских адатах. Согласно обычному праву, пастуха нанимали за деньги и провизию. Но существовали и другие условия, например: пастух получал право пользования молочными продуктами от всего стада; половина приплода от одной десятой поголовья отделялось пастуху, другая половина — хозяину и др. Пастух мог иметь собст-

венное стадо, численностью равное поголовью того, чье стадо он договорился пасти сроком на три года, после чего все поголовье делая пополам, молочные продукты и шерсть также пополам. Сыр принадлежал тому, кто доил коров¹. Видимо здесь речь идет не об общественном стаде, а об условиях, заключаемых между отдельными лицами, имеющим достаточное количество КРС, и пастухом, крупным собственником скота.

Для пастбы общественного стада (коров), как было выше сказано, нанимали двух пастухов (ваягъако).

Доили коров два раза в день — утром и вечером. Из коровьего молока сбивали масло (йель релъ), получали сыворотку (ниа), творог (магаш), сметану (тото), кислое молоко (клатих), изготовляли сыр (кима), брынзу (кима)².

В целом крупный рогатый скот играл важную роль в экономической жизни капучинцев, обеспечивал их мясо-молочными продуктами, тягловой силой, сырьем для шитья одежды, обуви и другими предметами, необходимыми в хозяйстве. Следует сказать, что по сравнению с другими обществами капучинцы имели больше крупного рогатого скота. Уже к концу XIX века отдельные лица содержали по 80 — 100 КРС. Но при этом мало держали МРС³.

Важную роль в хозяйстве капучинцев играло коневодство. У капучинцев лошадь как верховое и вьючное животное служила хозяину для перегона овец и при выпасе скота. В земледельческом хозяйстве ее использовали для перевозки дров, урожая, для молотбы, доставки продуктов на базар, т. е. лошадь выполняла все тяжелые хозяйственные работы.

Коневодство являлось одним из древних видов животноводства. Об этом свидетельствуют археологические находки на территории Капуча. «Предварительное исследование Бежтинского могильника, — пишет М. И. Пикуль, — дало чрезвычайно интересный материал. Безусловно, этот могильник принадлежит воинственному племени, у которого легкий тип вооружения уже сменялся тяжелым, всадническим»⁴. Наличие в местном языке не только общеаварских, но и собственно капучинских названий пород, видов и мастей лошадей говорит также о древнем характере коневодства. На языке бежтинцев коня называют сойяа, кобылу — шуго, жеребенка — ичей, жеребца — барги, мула — хойцон и т. д.

Лошади являлись почти единственным средством передвижения и перевозки тяжестей в условиях Капуча. Капучинцы ослов (а^ун) вообще не разводили, хотя они в горных условиях были незамени-

¹ Из истории права. С. 73.

² Полевой материал, собранный в 1989 г.

³ Там же.

⁴ Пикуль М. И. Археологические памятники I тысяч. н. э. Северо-Западной части Нагорного Дагестана // Отчет об археологических разведках 2-го горного отряда экспедиции ИИЯЛ Даг. ФАН СССР в 1956 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. С. 72.

¹ Полевой материал, собранный в 1989 г.

мым транспортным средством и отличались неприхотливостью к пище. Видимо, это объясняется тем, что капучинцы были богаты пастбищами и сенокосами. Кроме того, жители этого края экономически были связаны с Кахетией. Перевозить тяжелые грузы через перевальные дорожки способны были главным образом лошади и мулы. Здесь важную роль играла также скорость передвижения. Капучинец на лошадах за полдня спускался в Кахетию, тогда как этот же путь с ослами мог занять целый день. Да и при наличии больших запасов кормов держать коней было намного рентабельнее, чем ослов. В связи с этим коневодство получило широкое развитие. Согласно устной традиции, в прошлом наиболее зажиточные капучинцы имели по 3 — 5 коней¹. Характеризуя хозяйство андухо-капучинцев А. П. Берже пишет, что «самая достойная семья имеет 3 — 4 лошадей»². В 80-х годах XIX века согласно данным, извлеченным из посемейных списков, в пяти аулах Капучинского союза имелось всего 229 лошадей³. Конечно, цифры эти слишком занижены и не отражают реальной картины состояния коневодства в Капуча в рассматриваемое время. Вероятно они окрыляли от переписчиков имеющееся количество лошадей. А на самом деле капучинцы славились своим традиционным коневодством. Не случайно соседние с ним «народы андийской группы и аварцы называют их хьванал (букв.: коневоды). Этот термин навсегда закрепился за ними и вошел в историческую литературу как синоним названий «капучинцы» и «бежтинцы».

Лошади, выполняя самые тяжелые работы в хозяйстве, играли огромную роль в экономической жизни капучинцев на протяжении многих веков.

В XVIII — XIX вв. немаловажное хозяйственное значение для капучинцев имела также охота, которая издревле была распространена в Капуча. В местных труднодоступных горах и лесах было много зверей (особенно туров, диких козлов, медведей, оленей, зайцев и т. д.). На древнейшие и распространенные традиции охоты в Капуча указывают многие сохранившиеся до наших дней легенды и предания, различные сказы о легендарных охотниках. Так, например, в сел. Тлядала сохранилось предание о прославленном охотнике Баларахъ, известном во всем Дагестане. Баларахъ в буквальном смысле означает охотник (бала — дичь).

Видимо охота у капучинцев была довольно распространенным занятием, о чем свидетельствуют их адаты. Так, в обычном праве зафиксировано даже условие дележа дичи и приоритетное положение охотника (билъохъан), убившего зверя. «Охотнику, убившему зверя, — говорится в адатах, — кроме шкуры, принадлежит лучшая часть (фунта 2), годная на шашлык. Зверя тащат до селения

все охотники, кроме убившего зверя»¹. Кожки зверей капучинцы использовали для одежды и в декоративных щелях, а обработанные шкуры стелили на полу. В исследуемое время более ценные меха реализовывали на рынках Грузии.

В целом охота приносила капучинцам дополнительный доход. Кроме всего этого, бежтинцы в свободное от сельскохозяйственных работ время занимались рыбной ловлей. В реках и речках, протекаемых на их территории, во множестве водилась форель (биса). Главные речки, где водилась форель, протекали мимо их селений. Хазан-э"хе (Бежтинка) протекала через сел. Бежта, а недалеко от Тлядала и Бежты — Симбирис-Хеви, и, наконец, Хван-ор, где ловили рыбу все жители Капучинского союза сельских общин.

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

Развитие земледелия и скотоводства, адаптация к экологическим условиям гор, адаптация к экологическим условиям гор, необходимостью производить такие орудия труда, одежду, домашнюю утварь и др., которые наилучшим образом отвечали бы потребностям его развития. В этой связи капучинцы с древних времен, вырабатывая и совершенствуя мастерство и технологию производства, занимались обработкой металла, дерева, кожи, глины и камня. Все эти формы домашней промышленности были атрибутами натурального хозяйства, но в условиях роста обмена и торговли они приобретали форму ремесла, которое постепенно отделялось от земледелия, становилось самостоятельной отраслью производства предметов потребления на рынок или на заказ. В кустарной промышленности на первом месте стояло шерстяное производство. Развитое скотоводческое хозяйство обеспечивало капучинцев богатой сырьевой базой, которая, в свою очередь, способствовала развитию ремесленного производства. Кустарные изделия не только обеспечивали нужды горцев в одежде, обуви, предметах домашнего пользования, сельскохозяйственном инвентаре, украшениях, ювелирных изделиях и др., но и приносили дополнительный доход хозяйству.

Хотя торговля и обмен изделиями домашней промышленности происходили и в более ранний период, широкий размах этот процесс принял в XVI — XIX вв. Это было результатом развития скотоводческого хозяйства. Большинство исследователей, писавших о промыслах народов Дагестана, причину их становления и развития видели в суровости природы, бедности края, недостатке пахотных земель, отсюда выводили и необеспеченность продуктами земледелия и животноводства². Нам же кажется, что происхождение и развитие домашней промышленности связано именно

¹ Из истории права... С. 73.

² Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; С. 66. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 42.; Агаширинова С. С. Очерки материальной культуры леагин // УЗ ИИЯЛ. Т. 17. С. 293.

¹ Полевой материал, собранный в 1989 г.

² Берже А. П. Указ. соч. С. 260.

³ ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 5. Д. 73. Л. 301 — 580. Посемейный список жителей Андухо-Капучинского наместства.

с достаточно высоким уровнем развития земледельческо-скотоводческого хозяйства. Наибольшее развитие получили те отрасли, которые были связаны с имеющейся сырьевой базой.

Из кустарных промыслов наибольшее распространение и значение в Капуча имела обработка продукции животноводства, в частности обработка шерсти. Это было повседневным занятием женщин, от мала до велика, в свободное от сельскохозяйственных работ время. Не было в Капуча такого сельского общества, где бы не занимались обработкой шерсти, сукноделанием, ковроткачеством, производством войлока, паласов и других изделий. А. Берже пишет, что анцухцы и капучинцы из шерсти делают грубое сукно, войлок и ковры¹.

Многие путешественники и исследователи прошлого столетия восхищались искусством изготовления ковров, паласов, сукон, обуви и др. у народов Западного Дагестана. К. Ф. Ган в свое время обратил внимание на ковровые изделия анцухо-капучинцев и писал: «...При всем том нельзя отказать жителям в некотором вкусе и искусстве: ковры и вытканые ковровым узором чулки имеют весьма красивые рисунки и приятное сочетание красок»².

Широко было распространено изготовление из сукна одежды. Надо сказать, что в каждом обществе одежда отличалась своеобразием. Даже при общем сходстве обуви и носки у капучинцев, анцухцев, тлебелъцев и дидойцев очень резко отличались друг от друга. Наиболее изящной и ходовой считалась и считается обувь у капучинцев³.

Почти каждая семья капучинцев занималась обработкой шерсти. Предназначенная для пряжи шерсть (лъу^н) предварительно перебиралась, затем тщательно промывалась в холодной воде у речки. Очищали ее от грязи и жира. После сушки лъу^н трепали руками. Обычно эту процедуру выполняли на ночных посиделках (гагъи). Затем шерсть расчесывали на специально изготовленной для этой цели чесалке (гьелю). Конструктивно гьелю не отличалась от подобных шерсточесалок, распространенных в горах Дагестана. Гьелю состояла из двух рядов стальных игл, напизанных на деревянную основу.

Полученная таким образом шерсть прялась веретеном (а^нкъ). Это специальное веретено с пряслицем для прядения тонкой нити (йохош). Йохош пускали на изготовление тонких сукон, которые шли на шитье рубашек (кунта) и другой женской одежды. Кроме того, из тонкой нити вязали свитера (кьушен).

Толстая нитка (юкьеожош) шла на изготовление носок (ц^иинда), обуви (гвакла). Из грубой шерсти, полученной после чесания, пряли специальные нити для изготовления подошвы (кьейа-

кьейо). Из толстых ниток ткали также паласы, грубые сукна, ковры (бекле). Для тканья употреблялся специальный станок, который назывался у капучинцев «макьо». В основном для изготовления тонкого сукна, шедшего на одежду, пользовались выщипанной шерстью. Козлиная шерсть шла в основном для изготовления толстых веревок, которые отличались прочностью. Использовали их при навьючивании лошадей.

Ткачеством занимались в зимний период, а вязанием в любое свободное время.

У жителей Анцухо-Капуча лучшая часть пряжи шла на изготовление одежды, носок, обуви, тогда как у каратинцев, багулал, чамалал — на сукноделие и ковроткачество. Этим видимо и объясняется грубость сукна, изготавливаемого в Капуча, Анцухе и Дидо.

Повсеместно в горах, в том числе и Капуча, широкое распространение получило производство войлока. Технология изготовления войлока у всех горцев была одинаковой¹. Войлок использовали как постельную принадлежность, им застилали полы дома, он служил также мягкой попоной для ездовых лошадей и вычужных животных. Из него изготавливали верхнюю одежду с рукавами и без рукавов². Капучинцы войлок использовали для шитья кьони (верхняя одежда с рукавами), предназначенной чабанам. Кьони изготавливали из грубой шерсти. Делали также более тонкий войлок из белой шерсти с узорами — киз, который широко применяли в быту, имел спрос и на рынке. Киз занимал большое место в интерьере капучинцев. Изготовлением войлока занимались женщины (2 — 3 чел.):

Традиционным промыслом капучинцев в рассматриваемое время оставалась обработка овчины и кожи.

Из обработанной овчины (сизкиегъаше) шили шубы (кьай) разных видов: тулуп без рукавов — к^иач; тулуп с длинными кожаными рукавами, шубу с длинными рукавами (повседневную) — мака, телогрейку — мака. Обработка овчины производилась обычным способом, известным горцам Дагестана. Снятую с барабана шкуру, в зависимости от температуры воздуха, солили с гладкой стороны и сушили. После сушки необходимо было обезжирить овчину. Для этого соль смешивали с отрубями ячменя, часто пользовались и речным песком, шкуру сворачивали и оставляли на несколько дней, затем ее просушивали, обезжиренную шкуру обмывали и сушили. Для окончательной обработки хозяин готовил специальную жидкую массу из соли, толкна и сыворотки. Массу эту наносили на гладкую сторону шкуры и оставляли дней на 5 —

¹ Берже А. Указ. соч. С. 260.

² Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом, 1898, г.) // СМОМПК. Вып. 31. С. 92.

³ Полевой материал, собранный в 1989 г.

¹ См.: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Папашева А. Г. Указ соч., Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971.

² Сержпутовский А. К. О поездке в Нагорный Дагестан. // Живая старина. Т. 25. Петроград. 1916. С. 284.

7, после чего ее мыли, сушили, очищали от остатков жира. Затем шкуры мяли фруками до окончательного смягчения, обобляли специальными железными или деревянными чесалками (гъаше), что способствовало отбеливанию овчины. Когда овчина становилась белой, ее считали готовой. Процесс обработки овчины был достаточно долгим и сложным. Готовую овчину не красили, носили белые шубы. Обработкой в основном занимались мужчины.

Обработка шкур крупного рогатого скота (волов, коров, телят и др.) также была широко распространена среди жителей Капуча, им была известна лишь сыромятная выделка кожи. Сыромятная кожа из шкур крупного рогатого скота шла на изготовление обуви, а также разными способами из нее готовили ремни, шедшие на конскую оброну, пояса, перевязи для оружия, охотничьи принадлежности и пр. Распространенной в Бежта, Тлядале, Хашархоте была обувь, ошитая из кожи КРС — калмали. Калмаши, набитые соломой или мякиной, в основном носили чабаны и пастухи. Ими пользовались в зимний период также те, кто находился на хуторах.

Изделия из кожи КРС были рассчитаны только на удовлетворение внутренних потребностей населения. Кроме того, из сыромятной кожи овец и коз делали бурдюки (сик) для жидких и сыпучих продуктов, которыми широко пользовались капучинцы.

Среди прочих промыслов у капучинцев была развита деревообработка. Наличие здесь значительных лесных массивов, традиция применения деревянных конструкций в домостроительстве, широкое употребление деревянных хозяйственно-бытовых вещей и др. свидетельствуют о достаточно высоком развитии деревообрабатывающего промысла. Он в числе других многочисленных промыслов являлся одним из древних, развитых и самобытных.

Достаточно сказать, что капучинцы издавна покрывали крыши своих домов по-мастерски изготовленными небольшими размеров бужковыми дощечками. Они строили трехэтажные дома с двухскатными кровлями. Особенно такое строительство было развито в сельском обществе Тлядал, за что грузины называли его Калахи — город.

Выступы на верандах и балкончиках капучинцы покрывали довольно затейливой резьбой. Искусство резать по дереву у них было сильно развито. Из дерева они изготавливали домашнюю утварь, сельскохозяйственный инвентарь. Согласно устной традиции, в каждом ауле были мастера по изготовлению плугов (боос), ярма (юкья), молотильных досок (мойшмур), мотыг (тохьи), грабель (лахмади) и др. Изготавливались также ткацкие станки, меры сыпучих тел, лари для хранения зерна и муки, седла.

Во время экспедиционных поездок в Капуча нам нередко попадались старинные вещи капучинских мастеров: деревянные такты с орнаментированными спинками, низкие круглые столики на трех ножках, деревянные чашки и ложки, шерсточесалки для рас-

чесывания шерсти и др. В целом, до проникновения фабричных изделий, у капучинцев в быту преобладающими предметами домашнего обихода и утвари были деревянные.

Капучинцы, как мастера деревянных дел, были известны и в Грузии. После завершения сельскохозяйственных работ они спускались в Кахетию, где занимались выделыванием деревянной посуды, пользовавшейся у кахетинцев большим спросом. Капучинцы изготавляли из дерева (литы) корыта, улья, бочки, домашнюю утварь и продавали жителям Кахетии¹. Кроме того, капучинцы считались хорошими каменщиками, поэтому их нанимали кахетинцы и азербайджанцы для строительства домов. По рассказам сторожилов в Капуча специально приезжали из Грузии и Азербайджана для найма рабочих-строителей. Оплата производилась натурой².

Важное место в ремесленном производстве капучинцев занимало изготовление различных предметов украшения, орудий труда, оружия и пр. Металлообработкой капучинцы занимались еще с древних времен. Об этом свидетельствуют находки Бежтинского могильника. Здесь наряду с украшениями было обнаружено оружие, предметы быта, принадлежности туалета местного происхождения. «Характерным оружием, — пишет М. И. Пикуль, — был длинный меч с прямым перекрестьем и сравнительно утолщенным лезвием, большой лук, позволявший пользоваться тяжелыми, крупными по размеру, железными черенковыми наконечниками стрел, массивное копьё и кинжал»³.

Д. М. Атаев особо подчеркивает роль и значение находок Бежтинского могильника для характеристики уровня развития металлообработки в высокогорных районах Дагестана, в частности в Капуча. Из всех раскопанных средневековых памятников Аварии наибольшее количество металлических предметов дает Бежтинский могильник. В нем встречаются сабли, мечи, палаши, наконечники, мотыги, дротики и стрелы, шлемы, копья, браслеты, серьги, разнообразные подвески и бляхи, зеркала, головные булавки, фибулы и т. д.

Данные находки свидетельствуют о довольно значительном прогрессе и развитии ремесленного производства этого региона еще в середине 1 тыс. н. э. Кроме того, этот материал говорит о высоком уровне развития мастерства в изготовлении металлических предметов. Разнообразны были технологические приемы их изготовления. «В литейном деле применялись разнообразные методы, — пишет Д. М. Атаев, — часть бронзовых предметов исполнена путем отливки в открытых или двухстворчатых литейных

¹ Полевой материал, собранный в 1987 — 1989 гг.

² Там же.

³ Пикуль М. И. Указ. соч. С. 72.

⁴ Атаев Д. М. Археологические исследования Дидо // СА. № 1. 1961. С. 287 — 288.

формах, другие отлиты по восковым моделям. Металлообработка представлена ковкой, штамповкой и тиснением.»¹ Надо отметить, что Д. М. Атаев не обнаружил литейных форм, но однако пришел к правильным выводам, которые позже подтвердились новыми находками из сел. Хашархота.

Большой интерес представляют последние находки на территории Капуча. В сел. Хашархота во время строительных работ были найдены искусно изготовленные бронзовые браслеты, бляхи и другие украшения². Среди находок была обнаружена оригинальная литейная форма. Литейная форма говорит уже о высоком мастерстве и массовости производства декоративных изделий. В этой связи Д. М. Атаев пишет, что «характерным для этого производства является изготовление большинства металлических предметов такими методами, при которых обуславливалась массовость продукции и ее дешевизна. Широкое применение получают штамп, а также литье по устойчивым моделям. Все это говорит о значительных успехах ремесла, о большом производственном опыте местных мастеров.»³ Обнаруженные нами находки свидетельствуют о местном самобытном характере художественного промысла жителей этого края в средневековую эпоху.

Вышеуказанные украшения в целом находят достаточно убедительные аналогии в материалах художественного ремесла из ранне-средневековых могильников Западного Дагестана. В частности, такие же браслеты, бляхи, фибулы хорошо представлены в известных материалах Бежтинского, Ботлихского, Ортаколинского и других могильников⁴.

Особый интерес представляет каменная литейная форма, найденная вместе с описанными выше изделиями. Камень представляет собой мягкий, мелкозернистый песчаник. Форма сохранилась не полностью; отломилась правая часть и нижний левый угол. На лицевой стороне находятся шесть ячеек, расположенных в два ряда. В верхнем ряду в левой ячейке отливалась, по всей вероятности, зернь, а в двух других — серьги малых и чуть больших размеров с псевдозернью. В нижних ячейках также отливались серьги мелкого размера и зернь. На обратной стороне формы была еще одна ячейка для отливки каких-то украшений, но она сильно повреждена и сохранилась частично.

Находки литейных форм — довольно редкое явление. Обнаружение их в высокогорном Дагестане — еще одно убедительное

¹ Атаев Д. М. Археологические исследования у Главного Кавказского хребта // УЗ ИИЯЛ. Т. 7. Махачкала, 1959. С. 202.

² Находки эти были переданы нам ст-кой 4 курса ист. фак-та ДГУ Гасановой П. Д. из сел. Бежта.

³ Атаев Д. М. Указ. соч. С. 202.

⁴ Атаев Д. М. Там же. С. 185 — 203; его же. Археологические исследования. Дно // СА. 1901. № 1. С. 282 — 288; его же. Поясные пряжки из Нагорного Дагестана // СА, 1962. № 2. С. 149.

доказательство, подтверждающее наличие местного металлообрабатывающего ремесла, в частности ювелирного дела.

С другой стороны — эта находка показывает, что производство различных женских украшений было поставлено на широкую основу, на массовый выпуск для удовлетворения широкого спроса населения. Мастера ювелирных дел работали, очевидно, не только на заказ, но и на рынок. Встает вопрос о датировке. Найденные с литейной формой находки — бляхи, браслеты и др. — исследователи датируют VIII — X вв.¹ Что же касается литейной формы, то ее датируют более поздним периодом. Относительно этого М. М. Маммаев пишет, что вопрос о датировке формы вызывает определенные затруднения, поскольку она происходит из случайных находок, а изделия, отливаемое в формах, не имеют сравнительно точной даты и не исследованы². Однако он прав, когда утверждает, что в археологических находках Дагестана, аналогичные серьги, т. е. серьги тех типов, которые отливались в рассматриваемой литейной форме, не обнаружены. Далее М. М. Маммаев пишет, что «учитывая довольно развитую форму серег (ввиду тонкости их декоративного убранства можно полагать, что они отливались в серебре), можно предположить также, что литейная форма относится к несколько более позднему времени, чем найденные с ней изделия»³. Относящиеся к этому времени жесткие литейные формы в Дагестане не выявлены. Поэтому для характеристики местного металлообрабатывающего ремесла данная форма приобретает особую ценность.

Правда, находки из Капуча исследователи относят к VIII — X вв. Мы предполагаем, что художественное ремесло продолжало развиваться и в последующую историческую эпоху на более высоком уровне. «Находки, разновременных на первый взгляд предметов, — пишет Д. М. Атаев, — на одном горизонте и в постоянно повторяющихся комплексах говорят о сосуществовании этих форм. Эти разнородные предметы свидетельствуют об устойчивости древних форм материальной культуры и в более позднее время. Материалы Бежтинского могильника, — продолжает он, — также свидетельствуют о том, что в районах Аварии, расположенных у Главного Кавказского хребта, древний очаг металлообработки функционировал и в более позднее время.»⁴

Основные формы украшения и традиции их литья, как считают исследователи, сложились у народов Дагестана к VI — XII вв. н. э.⁵

¹ Атаев Д. М. Археологические исследования у Главного Кавказского хребта. С. 200.

² Магомедов Д. М., Маммаев М. М. Новые находки изделий средневекового прикладного искусства из Бежта (Капуча).

³ Там же.

⁴ Атаев Д. М. Там же. С. 202.

⁵ Кильчевская Э. В., Иванова А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 51.

Женские украшения (бронзовые кольца, серьги, браслеты, височные подвески, бусы и пр.) встречаются во многих средневековых памятниках, в частности в Бежтинском могильнике. Некоторые образцы их повторяются (своим ассортиментом, способами и техникой изготовления, орнаментом) и в более поздние периоды. Во второй половине XIX — нач. XX в. женские металлические украшения, главным образом были серебряные. Они отличались богатством форм и разнообразием способов ношения, совершенством художественных и технических приемов. Видимо, в исследуемое время художественные изделия (серьги, браслеты, пр.) изготавливались из серебра. Серебряные изделия покрывали чернью и гравировкой, особенно подвески, перстни, серьги. Чернью и накладной филигранью отделяли браслеты, пряжки поясов. Для украшения использовались и полудрагоценные камни (чаще всего сердолик) и цветное стекло¹. В орнаменте встречались геометрические и растительные элементы, изображения солярных знаков. «Знаки женского височного серебра в этой части Дагестана, — сообщает Шиллинг Е. М., — устойчиво воспроизводящие форму диска или круга, являются приблизительно такими же по своему смыслу образом, как и солярные знаки»².

Зарождению и дальнейшему развитию местной металлообработки в этом крае способствовало наличие на данной территории сырьевой базы. «В обоих округах (Дидо, Унзо), — сообщает И. А. Гильденштедт, — находятся железные руды.»³ «Дидо или Дидонли, — находим мы у другого автора, — близ истока Самури. Оный изобилует рудниками.»⁴

«Местный характер металлообработки подтверждается, — пишет Д. М. Атаев, — помимо оригинальности и массовости форм материальной культуры, и нахождением вблизи от места раскопок большой медной болванки, вынутой из горна и еще не переплавленной на более мелкие предметы.»⁵

Наличие местной руды способствовало также развитию другого вида ремесла — кузнечества. В каждом селении были свои кузнецы, которые выполняли заказы потребителей. Они в основном занимались изготовлением сельскохозяйственных орудий. Местные кузнецы производили серпы женские (ѣхичІ, рохричІ), косы (џиникІ, харачин), лемехи (хъоь), лопаты (аькоь), кирки (боза), топоры (о^нг), ножи (џитІ), кинжалы (балъай) и др.⁶ Согласно данным, извлеченным из посемейных списков Анцухо-Ка-

¹ Сергеева Г. А. Женские украшения народов Аварской группы Дагестана II-пол. XIX — нач. XX вв. // КЭС. УП. М., 1980. С. 98.

² Шиллинг Е. М. Искусство народов Горного Дагестана // Доклады и сообщения историч. ф-та МГУ. 1950. Кн. 9. С. 53.

³ Гильденштедт И. А. Указ. соч., С. 128.

⁴ Исторические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. СПб., 1810. С. 36. (Пер. с франц. Шишкевича).

⁵ Атаев Д. М. Указ. соч. С. 202.

⁶ Полевой материал, собранный в 1989 г.

пучинского наибства, в 80-х годах XIX в. в селении Бежта было шесть именитых кузнецов,¹ в Тлядале — 4², в менее крупных селениях как Хашар-Хута — 1³, Гарбутль — 1⁴. Свои изделия кузнецы реализовывали в собственных и соседних селениях. Оплата осуществлялась натурой.

Таким образом, из вышеприведенных сведений источников, полевых исследований, а также археологических находок можно суммировать, что в союзе сельских обществ Капуча достаточно хорошо были развиты домашние промыслы и ремесленное производство. В исследуемое время часть изделий капучинской промышленности и ремесла стала поступать на рынок. Особенно большим спросом пользовались шерстяные изделия: сукно, носки, войлоки с узорами (киз), женские свитера (кьушен) и др. Больших успехов они достигли также в производстве различных украшений, отличающихся своеобразным декором. Наличие штамповки говорит о массовом характере их изготовления, продукция реализовывалась на рынках Дагестана и Закавказья. В целом, домашние промыслы и ремесленное производство играли важную роль в хозяйстве капучинцев.

ТОРГОВЛЯ

В жизни капучинцев, как и жителей высокогорных районов Дагестана вообще, торговля приобретала все большее значение. Бесспорно, что скотоводство, земледелие, домашние промыслы и ремесло не могли развиваться в отрыве от внешнего мира, вне связей с соседними народами. К сожалению, отсутствие письменных памятников затрудняет освещение вековых контактов капучинцев с народами Дагестана и Закавказья даже в начале рассматриваемого нами периода.

Однако, необходимо отметить, что капучинцы, располагаясь на границе с более экономически развитыми закавказскими странами, еще с глубокой древности вступили в торговые связи с последними. Выгодное географическое положение способствовало развитию торговли также с соседями Дагестана. Через их территории проходили торговые пути, откуда возили свою продукцию домашней промышленности андийцы, каратинцы, ботлихцы и др. народы Дагестана. Эти связи позволяли капучинцам также заниматься посреднической торговлей, т. е. они приобретали товары посредством обмена у андийской группы народностей и реализовывали их в Грузии.

По археологическим данным, из-за слабой изученности этого края, трудно проследить торговые взаимоотношения капучинцев с другими народами в ранний период их истории. Единичные на-

¹ Посемейный список жителей Анцухо-Капучинского наибства // ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 5. Д. 73. Л. 150.

² Там же. Л. 435.

³ Там же. Л. 856.

⁴ Там же. Л. 292.

ходки и ювелирные изделия говорят о том, что бежтинцы вели оживленную торговлю и в Капуча, которая являясь перевалочным пунктом, сыграла огромную роль в развитии межплеменных торговых связей еще в раннем средневековье. «Об оживленных торговых связях, — пишет Д. М. Атаев, — свидетельствует также археологический материал. Было обнаружено небольшое количество бус ложного происхождения, в частности с металлической прокладкой. Они были обнаружены в могильниках, расположенных у важнейших перевалочных путей, ведущих в Закавказье (Дидо и Бежта).»¹

Торговля, возникшая еще в древности на основе продуктообмена, широкое развитие получила в последующую историческую эпоху. Продуктообмен между различными обществами Дагестана и Грузии был обусловлен спецификой хозяйственного развития отдельных регионов. Так, например, капучинцы, занимавшиеся скотоводством и земледелием, нуждались в продуктах производимых во внутреннем Дагестане и Грузии (овощи, фрукты, соль и др.). В свою очередь, последние путем обмена приобретали продукцию животноводства. К. Маркс указывает: «...Различные общины находят различные средства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а, следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары.»²

Действительно, уровень развития товарообмена зависел от степени развития той или иной отрасли хозяйства. Так, например, хотя дидойцы, капучинцы, анцухцы, тлебелы на протяжении всей истории жили в соседстве, но торговые связи между ними не сложились. Это объясняется тем, что производимая ими продукция животноводства, домашней промышленности и ремесла ничем не отличалась друг от друга. Поэтому капучинцы не находили необходимых продуктов у своих ближайших соседей. Видимо этим объясняется и то обстоятельство, что в данном регионе не сложились местные узловы базары, настолько характерные для внутреннего Дагестана.

В исследуемое время внутренняя торговля у капучинцев была развита крайне слабо. Это объяснялось прежде всего сравнительно невысоким уровнем общественного разделения труда, который является основой для развития товарного хозяйства.

Незначительную роль во внутренней торговле капучинцев играли кузнечное дело и ювелирное производство. Данным ремеслом занимались немногие мастера, которые выполняли заказ ме-

стного населения. Они изготавливали различные предметы украшения и сельхозинвентарь, и реализовывали их внутри общины. Однако эти виды ремесла, будучи распространенными во всех селениях Капучинского общества, не оторвались от сельского хозяйства. Ремесло их послужило дополнением крестьянского хозяйства и поэтому, как и домашние промыслы, не привело к развитию внутренней торговли. Кроме того, в капучинском, да и в соседних обществах, как это было в других частях Дагестана, не было какого-нибудь общества или отдельного селения, специализировавшегося на производстве определенных видов изделий домашней промышленности. Как было сказано выше, в каждом селении все женское население занималось обработкой шерсти, прядением, ткачеством, а мужское — обработкой кожи и пр. Каждая сельская община имела своих мастеров по кузнечному делу. В целом, однородный характер хозяйства членов общин и целых обществ этого региона тормозил развитие здесь товарообмена и, естественно, сложение внутреннего рынка. Конечно, нельзя полностью отрицать наличие у капучинцев внутренней торговли в XVIII — XIX вв. В этот период здесь достаточно был развит товарообмен, купля-продажа скота, земли и др. Об этом свидетельствуют специальные меры веса и длины, которыми они пользовались при купле-продаже. Меры веса сыпучих тел в Капуча были разнообразными, отличающимися по емкости. Для продажи или обмена зерна или муки обычно пользовались мерой «биллер» (пуд), вместимость которого равнялась 12 кг. Меньшей по емкости после «биллера» мерой был «сах1», который равнялся 2,5 кг. Затем идет «шигат» — мера веса равная 1 кг. 500 гр. Мерой веса при продаже мяса, сыра, масла, наиболее распространенной была «геловка», равная 400 гр. и «ратгал» соответственно 2 кг. 400 гр. Для взвешивания существовали специальные деревянные весы «хайклан»¹.

При измерении длины капучинцы больше всего пользовались мерой «йюк», широко распространенных у дагестанских народов под термином «нак» (у лакцев), «дик1» (у даргинцев), «рельу» (у каратинцев) и т. д., равнозначной русскому «локтю», равному 50 см. Существовали более мелкие измерения — «тимо», равное расстоянию между растянутыми большим пальцем и мизинцем и «ат1имо» — соответственно между большим и указательным пальцами. При продаже пахотной земли и сенкоса употребляли более крупную меру измерения длины — «шажан», равную 2 метрам. Сено обычно продавали выюками.

В XVIII — XIX вв. наибольшее развитие у капучинцев получила внешняя торговля. Они больше тяготели к закавказским рынкам, которые отличались богатым ассортиментом товара и дешевой. Кроме того, товары капучинцев здесь пользовались боль-

¹ Атаев Д. М. Основные итоги историко-археологического изучения средневековой Аварии // УЗ ИИЯЛ. Т. XI. Махачкала, 1963. С. 197.

² Маркс К. Капитал. Т. I. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 364.

¹ Полевой материал, собранный в 1989 г.

шим спросом, особенно мясо-молочные продукты и шерстяные изделия. Из Грузии и Азербайджана они ввозили необходимые товары: зерно, соль, керосин и различные фабричные изделия. А. Берже пишет, что «излишки своей продукции они (анцухо-капучинцы — М. Д.) выменивали в прежние времена в Кахетии и Джарской области на разные товары.»¹

В своем письме к Цицианову Кнорринг еще в 1802 г. писал, что капучинцы, анцухцы и др. торгуют в Грузии сукном, бурками и прочими предметами домашних промыслов². Об оживленных торговых сношениях капучинцев с грузинами, сложившимися еще с глубокой древности, свидетельствуют многочисленные обращения анцухо-капучинцев к наместникам Кавказа с просьбой о разрешении торговать в Грузии. Так, в начале XIX в., в период установления торгово-экономической блокады, анцухцы, капучинцы, каратинцы обратились с просьбой о позволении им производить торговлю с Грузией³. О том, какое огромное значение имела для горцев торговля с Грузией и Азербайджаном, говорит тот факт, что князь Орбелиани предложил как меру борьбы с горцами запретить им торговлю и продажу им хлеба⁴. Естественно, подобными мерами приносили большой ущерб хозяйству горцев. С введением торгово-экономической блокады были нарушены торговые отношения между горцами и Грузией, имевшие вековые традиции. Правда, временами анцухцам, капучинцам и дидойцам разрешали спускаться в Кахетию по торговым делам.

В 1818 г. Ермолов самочинно отменил данное анцухцам и капучинцам разрешение производить торг в пределах Грузии за то, что они оказали поддержку грузинскому царевичу Александру⁵.

Даже Закавказское купечество и ремесленники, которые прежде торговали с «лезгинами», также просили позволить последним производить торговлю по-прежнему в Грузии⁶.

О торговых связях горцев Дагестана, в том числе капучинцев, с Грузией свидетельствуют также материалы таможенных оборотов. Так царица Кетеван 6 июня 1802 года, описывая государственные и царские доходы Грузии, показала, что в Кахетии «из привозимых лезгинами товаров лютая часть подносилась царю, из коей 10-ю долю брали мы.»⁷ Огромный интерес представляет и другой документ, говорящий о древности торговой связи, где написано, что «древним обычаем кабардинцы, лезгины и осетинцы освобожжены издревле от пошлины.»⁸ Видимо, это было связано с

¹ Берже А. Указ. соч. С. 260.

² Письмо ген. Кнорринга к князю П. Д. Цицианову от 4 декабря 1802 г. № 361 // АКАК. Т. I. С. 411.

³ АКАК. Т. I. С. 757.

⁴ Там же. Т. III. С. 370.

⁵ Там же. Т. VI. С. 30.

⁶ АКАК. Т. I. С. 660.

⁷ АКАК. Т. I. С. 210.

⁸ Там же. С. 481.

тем, что «лезгины» (жители Западного Дагестана) принимали активное участие в политических событиях Грузии, выступали вместе с ними против иноземных завоевателей, охраняли северные границы Грузии от возможных нападений. Возможно также, что их товар, особенно сукна, ковры, войлоки, бурки и вязаная продукция пользовались большим спросом в Грузии. Таким образом, вышеприведенный незначительный материал говорит о том, что сложившиеся еще исстари торговые связи капучинцев с народами Закавказья продолжались и развивались до начала XIX века.

О развитости торговых отношений и о той роли, которую в этом играли капучинцы, свидетельствует и тот факт, что даже в условиях блокады, когда строго было запрещено спускаться в Кахетию, через территорию капучинцев и с их участием беспрестанно следовали торговые караваны. В документе от 4 декабря 1801 г., выявленном в ЦГИА Грузии, говорится, что «были убиты в Гавазе 10 чел. лезгин, с ними было 17 лошадей, бурок — 343, шароваров суконных — 364, шалей — 40, пороха — 5, денег — 60 руб. Весь товар был конфискован¹. Иногда по просьбе жителей этих обществ, наместники царя шли навстречу и выдавали им билеты, разрешающие торговлю в Грузии. Так, например, ген. М. Ивелич выдавал билеты анцухцам, капучинцам, андийцам и др. для проезда по торговым делам в Тифлис².

С середины 30-х годов XIX века жителям Анцухо-Капуча уже категорически было запрещено спускаться в Кахетию по торговым делам. В этих условиях торговые отношения они установили с обществами Дагестана. Согласно устной традиции, свою продукцию капучинцы выменивали в крупных торговых центрах Дагестана на пшеницу, соль, оружие, керосин и др. продукты. А. Берже сообщает, что капучинцы вывозили свои изделия в большом количестве в Аварию и Казикумух и выменивали на пшеницу, соль, бурки, оружие и пр.³

В свою очередь торговые люди из других обществ приезжали в Бежта для реализации своей продукции сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности. Так, например, согласно преданию, сюда, приезжали балхарские мастера, которые выменивали керамические изделия на продукты питания. Поэтому не случайно у бежтинцев сохранился этноним бархъал, видимо, связанный с балхарцами. В настоящее время он закрепился за аварцами, т. е. бежтинцы аварцев называют бархъал. Из Кванхидатля и Нинхело привозили соль.

С окончанием военных действий и умиротворением края с 60-х гг. XIX в. оживились торговые отношения капучинцев с народами Закавказья. Горцам был открыт свободный доступ в Кахетию, где они по-прежнему пасли свой скот и занимались торговлей.

¹ ЦГИА Груз. ССР. Ф. 16. Д. 170. Л. 26.

² АКАК. Т. IV. С. 601.

³ Берже А. Указ. соч. С. 260.

После присоединения к России торговые отношения капучинцев основывались на меновой торговле. Здесь еще не были разрушены основы натурального хозяйства, хотя создавались предпосылки для более быстрого их вовлечения во всероссийский рынок, перехода от меновой торговли к товарно-денежным отношениям.

Нельзя сказать, что в Капуча не были распространены деньги. Как и везде в Дагестане, среди капучинцев в качестве эквивалента применялись (вторая пол. XIX в.) царские серебряные монеты. Об этом говорит тот факт, что, согласно адатам капучинцев, с виновных за убийство, кражу и противоправные действия взыскивали дият и штрафы деньгами. Так за убийство взыскивали 300 руб. серебром; за кражу — 3 руб. серебром и вдвое за украденное — его хозяину. Такие же меры наказания применялись в случае ранения, увечья и др. Но в то же время надо отметить, что деньги среди капучинцев не получили широкого хождения. Это объясняется тем, что серебряные монеты в большинстве своем шли на украшение женской одежды. Это подтверждает посетивший капучинцев в конце XIX века К. Ф. Ган. «Они (женщины Андучо-Капуча — М. Д.) носят широкое суконное платье вроде монашеской рясы ... платком они покрывают себе голову; на лбу красуются блестящие монеты, висящие на шкуре, такие же монеты блестят на груди.»¹

В целом же, как правильно отмечает Х. О. Хашаев, во второй половине XIX в. в горной части Дагестана ускоряются процессы общественного разделения труда и возникновения товарного производства, которые привели к денежной торговле, к усилению торговых связей как внутри области, так и с соседями.²

Ускорению этого процесса способствовало также развернувшееся во второй половине XIX в. дорожное строительство. Царское правительство в стратегических целях начало расширять пути, связывающие Нагорный Дагестан с Грузией, перевальные тропы. «Правительству нужно теперь же, — говорится в архивном документе, — позаботиться об устройстве дороги, которая бы связывала Дагестан с Тифлисскою губерниею. Путь это имеет помимо экономического, важное стратегическое значение.»³

В результате принятых мер, при помощи солдат и местного населения были расширены древние дороги, ведущие в Грузию через Кодорский перевал. Кроме того, было осуществлено строительство Аваро-Кохетинской колесной дороги. Она связывала анцухцев, капучинцев и др. не только с Грузией и Азербайджаном, но давала возможность установления более тесных торговых связей с крупными торговыми центрами Дагестана, куда уже интенсивно поступали российские фабричные изделия. Проникновение русского капитала вглубь гор ускорило процесс развития товарно-де-

¹ Ган К. Ф. Указ. соч. С. 91.

² Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, С. 124.

³ ЦГИА Груз. ССР. Ф. 229. Оп. 1, Д. 194. Л. 9.

нежных отношений капучинцев, что привело к дальнейшей имущественной и социальной дифференциации общества.

§ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

До сих пор еще идут споры вокруг вопроса об уровне социального развития союзов сельских общин Дагестана, расположенных, в частности, в высокогорной его части. При характеристике социальной структуры во внимание бралось наличие общинной и тухумной собственности.

Все те, кто целенаправленно стремились к архаизации общественного строя горцев Дагестана в XVIII — XIX вв., минимум внимания уделяли такому важному вопросу, каким является вопрос о частной собственности на землю. Между тем, данная форма собственности являлась главной в социальном развитии общества. На протяжении всей человеческой истории она выступала катализатором развития общества, производственных отношений, его структурообразующим фактором.

В трудах историков и этнографов показаны те обычаи и институты, которые сохранились в общественном быте горцев с древнейших исторических времен в виде пережитков. Однако, концентрация внимания на этих пережиточных явлениях и крайнее преувеличение их роли привели некоторых исследователей к явной архаизации социального строя этих народов. Основанные на этнографических данных некоторые выводы, суждения об общественном строе горцев, создают такое впечатление, будто развитие их не выходило за рамки патриархально-общинного строя. Эта теория о «первобытности» в XVIII — XIX вв., а также о преобладании форм дофеодального общественного строя и общественных отношений, опровергается сохранившимися памятниками материальной культуры средних веков, а также фактом наличия в этот период формы собственности. Конечно, мы ни в коем случае не умаляем также роли собственности на движимое имущество (скот, например), которая в исследуемое время была ведущей.

В предыдущем разделе мы на основе конкретного материала показали сравнительно высокую культуру земледелия и скотоводства, а также развития домашних промыслов и ремесла у капучинцев.

Здесь же мы постараемся дать анализ всех форм земельной собственности, на основе которого можно характеризовать общественный строй капучинцев в XVIII — XIX вв.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

В исследуемое время у капучинцев существовали различные формы земельной собственности. Естественно, трудно установить время становления частной собственности. Видимо, этот процесс в высокогорной части Дагестана произошел в более ранний период. Ф. Энгельс указывал, что во всех альпийских долинах с суровыми горными условиями, «где к тому, так сказать,

вынуждал характер местности, родовое пользование земель очень рано сменяется владением ее отдельным двором, а в распоряжении общин остаются только невозделанные земли.¹ К тому же, оседлые племена, по сравнению с кочевниками рано переходят к парцеллярной обработке земли отдельными семьями². Известно, что частная собственность на пахотную землю складывалась еще в недрах родового строя. Переход от общественной собственности на пахотную землю к индивидуальной был вызван дальнейшим развитием производительных сил, когда каждая малая семья была в состоянии обрабатывать землю и самостоятельно вести свое хозяйство. С развитием производительных сил, с появлением железа, «пахотная земля представляется в пользование отдельным семьям — сперва на время, потом раз и навсегда.»³

Дагестанскими археологами установлено, что переход к пашенному земледелию с использованием сохи и тягловой силы в Дагестане осуществился в эпоху бронзы.

Мы не претендуем на исчерпывающее решение вопроса об установлении частной собственности на пашни у капучинцев еще в бронзовом веке. Но археологические находки (серп, мотыга и др.)⁴ на территории Капуца говорят о раннем становлении частной собственности на землю.

В XVIII — XIX вв. вся пахотная земля находилась в частной отчуждаемой собственности общинника. В Капуца наиболее распространенным термином, как и у других горцев Дагестана, для обозначения частной собственности был «милк». В тлядальском обществе применялся также термин «мирасас маче». Частные пахотные земли («жонижецас маче») у них были расположены в окрестностях селения и на хуторах.

Согласно данным посемейных списков жителей Анцухо-Капучинского нанбетва, в 80-х годах XIX века в селении Бижта в индивидуальной собственности находилось пахотной земли на 4200 саб⁵ засева. В среднем на одно хозяйство приходилось 13,9 саб засева; в Тлядале соответственно — 2000 и 25,6; в Хашар-хута — 600⁴ и 10,9; Гарбутле — 300 и 20; и Нахада — 600 и 13⁶. В целом в Капуца на один дым приходилось пахотной земли на 13,8 саб посева.

Кроме пахотных земель в частной собственности находились и сенокосные участки (бох ягъогъцас маче). В сел. Бижта в собственности отдельных семей находились сенокосы на 4600 саб посева, в Хашар-хута — на 4000, Тлядале — 1000⁷. «Современные

порядки, — говорится в Бежтинских адатах, — состоят в признании права собственности отдельных дымов на пахоту и сенокосы»¹. Согласно устной традиции, каждая семья капучинцев имела свои покосы с точно установленными границами, не подлежащие переделу и переходящие по наследству.

Отдельные семьи в частной собственности имели также хутора с прилегающими к ним пахотными и сенокосными участками. По сообщению информатора Арадахъ Абдулмуслима (82 г.) некоторые состоятельные семьи имели иногда по 2 — 3 хутора. Существование в прошлом наряду с тухумными и частными хуторами подтвердил и информатор из сел. Тлядал Дибиров Дибирмухамед (86 л.).

В рассматриваемое время продолжался также процесс превращения общинных земель в частную собственность ее членов путем трудовой займки. В этом регионе в достаточном количестве были пустующие земли. В связи с этим, широкое распространение получил институт трудовой займки. Согласно устной традиции, хутора возникли именно в результате трудовой (свободной) займки. Возникшие еще примерно в XIV — XV вв. как собственность отдельных родственных групп (тухумов), хутора постепенно стали переходить во владение индивидуальных семей. Безусловно, более состоятельные тухумы, используя свои возможности, стали осваивать свободные земли и превращать их в животноводческие хутора. Уже к исследуемому времени хутора в большинстве своем перешли в собственность отдельных малых семей.

Становление частной собственности не было единовременным процессом, оно завершилось еще в глубокой древности. Приватизация общественной собственности продолжалась и в исследуемое время. По мере возрастания семей от них отделялись молодые семьи. Сегментация сопровождалась очередным присвоением джамаатской земли (строго по санкции джамаата). Кроме того, многодетным семьям дополнительно выделяли из общественного фонда участки, пригодные под пахоту. Согласно бежтинскому адату, семье, имевшей семь сыновей, по решению джамаата выделяли участок, равный по стоимости семи быкам. Пахотными землями обеспечивали также пришельцев из других обществ. Для подобного обеспечения, а также для удовлетворения возрастающей потребности в пашнях, джамаат имел свой фонд пригодных к пахоте земель. В сел. Бижта такие земли были расположены в 1,5 км от аула, в местностях «Ляхъача» и «Балакуваъ». Эти земли находились под строгим контролем джамаата и выделялись только лишь остро нуждающимся членам общины безвозмездно. Выделенные участки расчищали от кустарников, колючек, камней и пр., после чего земля становилась полной собственностью хозяина. Таким образом джамаат как-то контролировал частную

¹ Из истории права... С. 73.

¹ Энгельс Ф., Маркс К. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 332 — 333.

² Там же. С. 231.

³ Там же.

⁴ Агаев Д. М. Указ. соч.

⁵ Саб — мера веса. В Бижта и Хашар-хута 1 саб равнялся 36 фунтам; в Тлядале — 34 ф., в Нахада и Гарбутле — 30 ф.; 1 фунт равняется 409 гр.

⁶ ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 5. Д. 79. Л. 301 — 580: Посемейный список жителей Анцухо-Капучинского нанбетва.

⁷ Там же.

собственность общинников, ни одна семья не оставалась без пахотной земли. В других случаях, если кто-либо хотел расширить свои распахки, он должен был приобрести их покупкой. Как известно, в условиях высокогорья этот путь приобретения пахотных угодий был не из легких.

Поскольку частновладельческие земли находились в полной и неограниченной собственности его владельца, то он имел полное право продать участок, передать его по наследству, завещать мечети, отдать в аренду (льольил) и т. д.

Хотя купля-продажа, выдача в аренду пахотных земель, находившихся в частной собственности, были узаконены в обычном праве капучинцев¹, но все же институт предпочтительной покупки — выкупа в какой-то мере ограничивал права собственника. «Хотя шариат и дозволяет продажу индивидуального имущества посторонним, — говорится в адатах бежтинцев, — по адату, которого придерживается Капуча, продажа недвижимого имущества постороннему возможна только в том случае, если родственник по отцу не воспользуется правом предпочтительной покупки.»² Собственно говоря, в условиях высокогорья, согласно традиции, продажа пахотной земли обществом не одобрялась. Если возникала необходимость в продаже земли, то владелец собственности обязан был спросить разрешения у своих родственников или предложить в первую очередь им продаваемый участок, и только потом можно было его продать другим. Благодаря этому обычаю, пахотные и сенокосные участки оставались в рамках одного и того же тухума, но при этом менялись хозяева этой собственности в рамках одной родственной группы. В случае же, если хозяин продает землю в другую общину, то здесь обязательно вмешивался джамаат.

Запрет и ограничение общинника в праве свободно распоряжаться принадлежащей ему землей, естественно, тормозил развитие института частной собственности. В то же время он свидетельствует о том, что хотя общинник ведет парцеллярное хозяйство как собственник земли, все же он и его земля находились под контролем общины. Джамаат подобными запретами боролся за сохранение в рамках общины имеющегося земельного фонда в интересах общества и его членов. С другой стороны, ограничение прав общинника даже в пользовании главным средством производства — землей, ставил его в жесткие условия и зависимое положение. Собственник, согласно адатам, поставлен в такие условия, что не может свободно распоряжаться своей землей. В целом же, отчуждение пахотных земель было редким явлением, ибо земельные угодья в силу их малочисленности ценились очень высоко. По этой причине в Капуча отдельные семьи не могли сосредоточить у себя большие пахотные земли. Размеры пахотной земли

находились в прямой зависимости от количества трудоспособных (мужчин) членов семьи. Мы не располагаем точными данными о количестве земли, принадлежащей отдельным семьям общины. Согласно устной традиции, наиболее состоятельные семьи имели земли на 15—20 пудов засева¹. Это составляло приблизительно 0,6—0,8 га земли.

Отдельные землевладельцы на время отдавали свои земли в аренду. В основном это были те земельные собственники, которые на длительное время уходили на отхожие промыслы. Отходничество в Капуча было очень развито. Многие уходили на заработки в Грузию и Азербайджан, где занимались на работу в качестве каменщиков, плотников и др. За это время те владельцы, у которых некому было обрабатывать землю, отдавали ее в аренду любому представителю общины на определенных условиях. В адатах капучинцев зафиксированы следующие условия аренды: наниматель получает обратно семена, затраченные на посев. Урожай пополам. Мякина — нанимателю².

Принятие ислама оказало значительное влияние не только на духовную и общинную жизни капучинцев, но и на земельно-правовые отношения. С принятием ислама возникла другая форма земельной собственности — вакуф. Основными и первоначальными источниками становления мечетской собственности в ооюзе сельских обществ Капуча являлись общинные земли³. Позднее она пополнялась за счет завещаний частными лицами. Естественно, дарение и завещание возможно было только лишь в условиях наличия свободно отчуждаемой собственности. Следует отметить, что количество вакуфных земель было небольшим, особенно в сельских обществах Гарбутль, Нахада, Хашархота. Это объяснялось малочисленностью джамаата и отсутствием мечетей.

В наиболее крупных населенных пунктах — Глядал и Бежта — существовало по 2 мечети, и при них функционировали медресе — достаточно известные не только в Капуча, но и за ее пределами. Естественно мечетская собственность в этих аулах была намного больше, чем в менее крупных населенных пунктах. Согласно историко-этнографическому материалу, в сел. Глядал в прошлом действовали две мечети. В собственности этих мечетей находилась пахотная земля в местности «Гьолалъ» на 20 пудов засева.

К концу XIX века, согласно архивным данным, в Анцухо-Капучинском наместве всего в собственности мечетей находилось 150 десятин земли. Здесь, конечно, трудно установить, какая доля из 150 десятин приходилась на Капуча.

¹ Полевой материал, собранный в 1989 г. По сообщению информаторов на 4-х сотках засевали один пуд зерна.

² ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 58: Ведомость о сельскохозяйственном распределении земель в Гунибском округе.

³ Из истории права... С. 73.

¹ Из истории права ... С. 73.

² Там же. С. 72.

В отдельных сельских обществах в мечетской собственности находились также лесные участки. Так, например, в сел. Тлядал лес (ван), расположенный позади селения, принадлежал мечети, назывался он «Каклилюб бизоль».¹ Лес использовался для нужд мечети, строительства дорог и мостов. Мечетская земля обрабатывалась общинниками по желанию на условиях половинной урожай и содомы. Оставшаяся часть шла в мечеть. Мечеть имела также собственный скот и сенокосы. Мечетские сенокосы в сел. Тлядал были расположены в местностях «Цабиль» и «Макльаъ». Их тоже отдавали в аренду на определенных условиях. Большой доход мечеть стала получать с введением заката. Закат по сути дела был предусмотрен шариатом в форме налога, взимаемого с имущества богатых мусульман исключительно в пользу бедных. Обязанию заката подлежали зерновые культуры, виноград, скот, т. е. почти все доходные статьи. Закат взимался в конце года после уборки урожая. Надо отметить, что в горах закат, как таковой, не взимался каким-либо определенным лицом. Жители сами определяли количество урожая, скота и добровольно приносили в мечеть. Размеры заката в разных обществах были неодинаковыми. В сел. Тлядал с 50 голов овец давали одну овцу. В Бежта с хорошего урожая выделяли для мечети десятую часть. Из 60 мерок зерна 6 отдавали в мечеть. В некоторых обществах исходной цифрой была 40. Другой доходной статьей была садакья — пожертвование бедным и сиротам. Садакья не обязательно было нести в мечеть. Хозяин по своему усмотрению раздавал ее бедным и сиротам.

Как мы видим, мечеть имела солидный доход, который получала от собственного хозяйства и пожертвований населения.

Среди дагестанских исследователей относительно распределения мечетского дохода было единодушное мнение, якобы львиную долю его присваивали себе служители мечети. Этим самым видели в их лице феодализирующуюся верхушку, эксплуатирующую общинников. Однако, при тщательном исследовании этого вопроса оказалось, что верхушка духовенства получала строго определенную джамаатом долю за отправление религиозных обрядов и др. служб. Распределение вакуфа джамаат строго контролировал через своих представителей, выделенных специально для этих целей. Часть дохода, полученная от собственного мечетского хозяйства, распределялась среди бедных и сирот, другую использовали в период поста. Кроме того, выделялись средства для содержания муталимов. Закат целиком распределялся между бедными и сиротами. В некоторых сельских обществах даже дибир ничего не получал от мечетского дохода. Так, например, в сел. Тлядал дибир получал доход от населения — по мерке зерна от каждого хозяйства. Как утверждают информаторы, за счет поступ-

лений в мечети джамаат свободно мог содержать бедных, сирот и муталимов в течение года. Е. Марков, побывавший здесь в 60-х годах XIX в., с восхищением отзываясь о благотворительной деятельности мечети и общества. «Бедные содержатся так хорошо, — пишет он, — что в Бежките мы видели, например, слепого нищего в отличной шубе и папахе, сооруженной ему на общественный счет». Далее он сообщает, что муталимы, т. е. ученики, «постоянно ночуют и живут в мечетях, как своего рода общественных пансионах, на харчах мечети, под руководством ее муллы, хотя бы родители их проживали в том же ауле.»¹

В заключение хочется сказать, что мечеть играла важную роль в общественной и духовной жизни капучинцев. В медресе, как утверждают информаторы, обучали не только богословию, но и преподавали естественные науки (арифметику, географию и др.)²

ОБЩИННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

В эту категорию земельной собственности входили выгоны, пастбищные угодья, луга, сенокосы и леса. Она играла важную роль в экономической и социальной жизни капучинцев. Общественные земли были известны под названием «алаш маче». Каждое сельское общество имело свои пастбищные горы, леса, луга, которыми они распорядились сообща. Без согласия общины в целом никто не имел права отдавать их в аренду, пасти свой скот в неуказанном для этого месте, построить дом и т. д. «У горцев Дагестана, — писал М. Ковалевский, — как и у лезгин Закавказья, совместное владение пастбищами и лесами встречается бок о бок с подворной собственностью в применении к пахоте и лугам. Никто не вправе делать займки в общинной пустоши и лесу, не получив на это предварительного согласия всей общины.»³

Капучинцы владели обширными пастбищами, субальпийскими и альпийскими лугами, не говоря уже о выгонах и харимах. В капучинском союзе сельских общин, по далеко неполным данным,⁴ в общей сложности в общественной собственности находились пастбища на 46015 саб посева. Из них бежтинскому джамаату принадлежали пастбища на 21600 саб посева. Им принадлежали пастбищные горы — Зида, Цанитль, Габувала, Якитль и Купри⁵. Тлядалской общине принадлежали пастбища на 10015 саб посева. Тлядалцы владели горами: Бежибад, Кисак, Итинадих, Бибикито до границы горы Исай⁶. Джамаат аула Нахада распорядился горами: Мигмару, Хотьяла и Кустанату с общей площадью

¹ Марков Е. Очерки Кавказа. СПб. — М., 1887. С. 669.

² Полевой материал, собранный в 1989 г.

³ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 607.

⁴ Сведения эти относятся к 80-м. г. XIX в., когда еще не были полностью возвращены им пастбищные горы, отобранные за участие в восстании 1887 г.

⁵ ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 1. Д. 73: Посемейный список жителей Анцухо-Капуча Гунибского округа.

⁶ Там же. ЛЛ. 433 — 435.

¹ Полевой материал 1989 г.

на 3400 саб посева¹. Сельскому обществу Хашар-хота принадлежали горы Джибад и Качатль — на 2000 саб². И, наконец, Гарбутль имел общественные горы Саратль. Корики и Цунда на 2000 саб. посева³. Как было сказано в предыдущем разделе, многие пастбищные угодья были возвращены в конце XIX в.

Таким образом, в исследуемое время капучинцы являлись владельцами обширных горных пастбищ. Каждое сельское общество свободные пастбищные горы отдавало в аренду жителям внутреннего Дагестана, которые, имея большое количество скота, страдали от нехватки летних пастбищ. Согласно устной традиции, пастбища у них арендовали общества Багулал, Чамалал, Каралал, Технуцал и др. Плата за аренду обычно производилась баранами. Полученный доход делили между членами общины поровну. Кроме того, в прошлом существовал общественный фонд, куда по решению джамаата выделяли определенную часть дохода, которая шла исключительно на нужды общества. «Иногда пастбищная гора, — говорится в адатах, сдается в наем от всего селения, и получаемый от нее доход идет затем на построение дороги, помощь бедным и т. п.»⁴. Позднее, во второй половине XIX в., арендным доходом стали погашать задолженности в налоговых обложениях общинников.

Уже упоминалось, что капучинцы имели свои зимние пастбища на территории Грузии. Ими пользовались и отдельные общества, и союзы общин. До начала XIX в. пользование этими пастбищами ничем не затруднялось. Со второй половины века капучинцы, анцухцы и др. дагестанцы за пастьбу скота в Заалазанской долине уже выплачивали определенную сумму денег или скота.

Нередко пастбищные горы, харимы и др. угодья, расположенные на границах владений сельских обществ, составляли коллективную собственность этих обществ. В адатах Капучинского общества отмечено: «Пастбища, ближайšie к селению, состоят в общественном пользовании этих селений, отдельные — в общественном пользовании нескольких селений»⁵. Такая система пользования общественными пастбищами была развита в основном в XVIII в. и в более ранний период. В XIX в. вмешательство царской администрации и конфискации за различного рода «провинности» и «нарушения» тех или иных угодий привели к нарушению традиционно устоявшихся форм пользования общественными землями. Споры и тяжбы из-за угодий между обществами одного союза, бывшие до этого большой редкостью, теперь стали повсеместным явлением.

¹ Там же. ДЛ. 580 — 581.

² Там же. ДЛ. 855 — 857.

³ Там же. ДЛ. 855 — 857.

⁴ Из истории права ... С. 72.

⁵ Из истории права ... С. 72.

«При передаче пастбищных гор Мушак, Вирко и Газитала Тлядальскому и Хашар-хотинскому обществам, — говорится в документе, — на пастбища эти заявили претензии также жители Энзевского и Нахада-Гарбутлинского сельских обществ, пользовавшихся по их словам названными пастбищами совместно с тлядальцами и составлявшими в прежнее время одно с ним общество»¹. Споры возникали также между тлядальцами и бектинцами из-за горы Хинод, прежде принадлежавшей обоим обществам. Кроме пастбищных гор в собственности одного джамаата находились земли, известные под названием «Харим», «Харим». Харимы встречаются у всех горцев Дагестана и известны именно под этим термином. Они в основном были расположены в окрестностях аулов. Почти все исследователи склонны считать, что харим — это запретные земли. Так объясняют почти все опрошенные информаторы. Но остается неизвестным, почему именно земли, расположенные в окрестностях сел, считались запретными. На самом же деле, если сравнить харимы с другими категориями общественной собственности, то они были менее запретными. Пользовались ими все члены общины в качестве выгонов. Без каких-либо санкций со стороны общины, как и на других общественных землях, здесь было категорически запрещено строить дома, занимать участки под пашни и пр. Нас заинтересовал тот факт, что для обозначения общественной собственности почти во всех аулах применяются инородные термины «джамаат» и «Харим», а для обозначения частной — «мульк». Может быть это связано с арабскими завоеваниями и с распространением ислама. Известно, что в период арабских завоеваний на территории Дагестана существовали раннефеодальные государственные образования. Наряду с ними функционировали удельные феодальные владения. Наличие их документируется сведениями письменных источников, археологическими данными и историко-этнографическим материалом. Согласно устной традиции, большинство из этих феодальных владений было ликвидировано в ходе распространения ислама за нежелание их владельцев принять мусульманство. С уничтожением феодальных владений пастбищные угодья, выгоны и др. земли, находившиеся в собственности феодалов или под их контролем, переходят в распоряжение сельской общины, т. е. происходит процесс вторичного возвращения их первоначальному хозяину. Нам известны также постулаты идеологии ислама, проповедовавшего равенство всех перед Аллахом и утверждавшего, что земля и небо принадлежат ему. Кроме того, идеологи ислама официально заявили, что «пастбища, источники, огонь и соль» не могут быть частной собственностью, но принадлежат всем². В связи с этим хочется привести некоторые параллели из истории Аравии периода исламизации ее населения. У оседлых бедуинов существ-

¹ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 28, л. 77.

² Керимов Г. М. Шарият и его социальная сущность. М., 1978. С. 172.

вовали пригодные для выпаса скота земли в окрестностях деревни, принадлежащие всей общине, известные под названием «Хима»¹. Мухаммед взял на вооружение существующий у бедуинов институт «Хима»². «Известно, что после посещения Мухаммеда делегацией Джураша, — пишет Л. В. Негрия, — он выделил им в Химу земли вокруг их селения для выпаса коней, верховых верблюдов и тяглого скота»³.

Мы, конечно, далеки от мысли утверждать, что термины дагестанский «Харим» и арабийский «Хима» идентичны. Но тождественность их социального содержания — бесспорна. Хима, как запретная для родовых членов племени часть пастбища, была распространена и у кочевых бедуинов⁴.

У капучинцев харимы были больших размеров, иногда они располагались также вдали от населенных пунктов. Для подтверждения сказанного обратимся к материалам архива. Согласно семейным спискам джамаат сел. Хашар-хота имел общественный харим на 5000 саб посева⁵. Гарбуль — на 1000 саб;⁶ Нахадинский союз сельских общин располагал харимом на 1000 саб посева⁷.

В общественной собственности капучинцев находились также сенокосы, правда, в очень малом количестве. Согласно архивным данным, в Анцухо-Капучинском наибстве в общественном владении находились пахотные и сенокосные участки — 272,5 десятины.⁸ В данном случае под общественными пахотными надо подразумевать мечетские. Если в других обществах сенокосы ежегодно перераспределяли между собой т. е. между членами общины путем жеребьевки, то капучинцы на общественные покосы выходили в день объявления косьбы. Так, например, общественные покосы бежтинцев находились в местностях «Окъя» и «Иколь», где собирались все, кто в состоянии косить сено. «Общественные луга свои лезгины (бежтинцы — Д. М.) также косят в один день, — пишет Е. Марков, — по рабочей силе каждого, и до назначенного дня общее сено оберегалось от потрав каждым хозяином, как свое собственное гумно.»⁹ Первый день косили кто сколько мог. В основном же сюда приходило все население для празднования первого дня начала покоса.

В общественной собственности находились также леса (ван). В этом плане союзы сельских общин Анцухо-Калуча, Джурмут, Богнода, Таш и др. находились в лучшем положении, чем другие общества внутреннего Дагестана. В своем распоряжении они име-

¹ Негрия Л. В. Общественный строй северной и центральной Аравии в V—VII вв. М., 1981. С. 97.

² Там же. С. 98.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ ЦГА ДАССР. Ф. 21. Оп. 5. ед. хр. 73. ЛЛ. 855 — 857.

⁶ Там же. С. 290 — 293.

⁷ Там же. С. 580 — 581.

⁸ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 1. ед. хр. 27. Л. 58.

⁹ Е. Марков. Указ. соч. С. 669.

ли огромные массивы лесных угодий. Так, например, Анцухо-Капучинское общество имело 2586 десятины леса¹. В капучинских ада-тах сказано, что общинник может удовлетворять потребность в топливе и строительстве лесом из общественного леса, но не имеет права продавать².

Капучинцы строго охраняли свой лес. Джамаат ежегодно определял место для заготовки леса. В случае нарушения винного строго наказывали. «Если аульное общество, — пишет Е. Марков, — положит, например, запрещение на лес, то уж будьте уверены, что из этого леса не пропадет ни одна палка, ни чья рука не дотронется до запрещенного плода.»³

В исследуемое время в Капуча существовала еще одна форма собственности — тухумная. В основном данная форма собственности сохранялась на хутора (хъун). Полевые исследования показали, что у капучинцев тухумная собственность на хутора сохранилась и в советское время. «Вполне возможным, хотя и трудным — пишет Е. Шиллинг, — был переход из одного тухума в другой. Основное затруднение заключалось в наличии тухумной собственности.»⁴ В Тлядале каждый тухум отдельно владел территорией, где располагались их хутора, т. е. принцип расселения тухумов в ауле сохранился и на хуторах, что свидетельствует о сильных внутритухумных отношениях. Хутора были разбросаны среди угодий в местностях: Сорад, Отлоц, Керчи, Ллаль, Лъулачлаллаль, Гьодокъа, Шалагъа, Гьерахъод, Лучлаль, Порахъуд и др.⁵ Старожилы сел. Бежта утверждают, что наряду с частными существовали и тухумные хутора. Они были расположены в местностях: Жамод, Жераъ, Синальа, Китюъ, Ажатъа, БацИъ, Гьоъ, Лелла-льа, Ашкуваъ, Ацукуваъ и т. д.⁶

Сам факт сохранения еще в XX веке тухумной собственности на хутора является свидетельством того, что в исследуемый нами период, данная категория собственности (на хутора) являлась преобладающей. Однако, это не значит, что тухумная собственность здесь являлась пережитком родового строя. Такая трактовка совершенно исключается, ибо данная собственность сложилась намного позднее, а не являлась результатом трансформации родовой собственности.

Таким образом, в капучинском обществе на протяжении многих веков сосуществовали различные формы собственности: частная, общинная, тухумная (хутора) и позднее — вакуфная. Наличие частной собственности говорит о том, что капучинцы в своем формационном развитии давно прошли родовый строй и в расмат-

¹ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 38.

² Из истории права... С. 72.

³ Марков Е. Указ. соч. С. 368.

⁴ Шиллинг Е. Указ. соч. С. 25.

⁵ Полевой материал, собранный в 1989 г.

⁶ Там же.

риваемое время находились на стадии классового общества (феодалного). Частная собственность способствовала имущественной и социальной дифференциации общества. Внутри общины и тухума стали выделяться отдельные семьи, которые в своих руках сосредотачивали большое количество земли и скота. Вместе с тем, данная форма собственности сохранила демократические формы правления, регулируемые обычным правом. Община по централизации власти ничем не отличалась от государства. Джамаат, будучи верховной властью на своей суверенной территории, ведал всеми вопросами: земельно-правовыми, административными, политическими, хозяйственными, идеологическими. Решения его, судя по адатам, были обязательными для всех граждан общины без исключения. В нормах обычного права капучинцев предусмотрено полное равноправие всех членов общества, что не окажется о других обществах Западного Дагестана, где фигурирует категория зависимого сословия (лагъ). В обществе Капуча подобное сословие отсутствовало. Они не держали у себя военнопленных, объясняя это близостью к Грузии¹. Конечно, одним этим нельзя объяснить отсутствие зависимого сословия. На самом деле в Капуча отсутствовала экономическая почва, где бы они могли использовать невольный труд. Даже документы, относящиеся ко второй половине XIX века, достаточно ясно показывают односословность капучинского общества. «Племя лезгин^{*}, населяющее Бектинский округ, никаких сословных подразделений или низших классов не имеет, а все лезгины считаются равноправными, а потому зависимых сословий вроде холопов в округе нет². Отсутствие зависимого сословия подчеркивают также сведения 1887 года, где приведены данные о лично-зависимых сословиях в Дагестане.³

В рассматриваемое время капучинское общество состояло из лично свободных узденей. В их адатах говорится, что «ни ханов, ни кешкельного права, ни крепостных отношений между Капучи никогда не было. Все они считают себя свободными узденями, аристократии между ними никогда не было.»⁴

Как было отмечено выше, в Капуча было развито скотоводство. Однако, будучи крупными скотоводами, капучинцы нанимали пастухов и чабанов. Поэтому, в этой области хозяйства исключалось применение невольного труда. Не применялся он и в земледелии. Они, как свидетельствуют материалы, обрабатывали небольшие участки вокруг хуторов и вблизи аулов. Каждая семья

¹ Полевой материал, собранный в 1990 г.

^{*} Термин «лезгин» присущ русскоязычным источникам. Под этим термином подразумевались все дагестанцы.

² ЦГИА Грузии. Сведения о числе кулов обоего пола в Дагестанской области. Ф. 416. Оп. 3. Д. 397. Л. 5.

³ Дагестанская область. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1887 г. Тифлис, 1893.

⁴ Из истории права ... С. 72.

была в состоянии обрабатывать имеющийся земельный участок. Видимо, поэтому они не держали рабов-инородцев. Возможно, что более состоятельная часть общества применяла труд односельчан. Согласно адатам, в прошлом среди капучинцев был распространён институт ссуд. «Ссуда, говорится в обычном праве капучинцев, как общее правило, безвозмездна, хотя по шарияту процент не дозволен, но по адату взимается в скрытой форме прибавка по взятому в ссуду натурой, а не деньгами.»¹

Правда, нам не известен размер процента, однако сам факт наличия этого института говорит о том, что в капучинском обществе шел интенсивный процесс имущественной и социальной дифференциации. В то же время, эксплуатации соплеменников препятствовал социально-психологический барьер, мешающий бедняку работать на богатых. Более того, в распоряжении капучинских бедняков были богатые какетинские земли, куда они спускались на заработки. А трудиться у своего сородича для них считалось позором. Зато капучинцы охотно нанимались чабанами и пастухами, арендовали земли у своих односельчан. В этой форме труда они не считали себя зависимыми. Для оценки места, которое занимал наемный работник в социальной структуре капучинцев, необходимо учитывать также их общественное положение и юридический статус. Источники не дают основания видеть в них зависимых людей. Как говорится в адатах, зачастую нанятый пастух имел столько же скота, что и хозяин. Чабан получал натурой — половину находившихся на его попечении овец, коз, а также шерсть, сыр и молоко. На аналогичных условиях сдавали в аренду пахотные земли. В обоих случаях условия ставили наемники. В основном строго соблюдались условия обычного права, но в то же время были распространены договорные отношения различных видов.

Поэтому можно предположить, что наемный работник (чабан, пастух) по правовому положению был равен с общинниками, т. е. являлся полноправным членом общества. Таким образом, и в данной отрасли хозяйства отсутствовала эксплуатация чужого труда.

Конечно, имущественные различия между домохозяйствами могли быть весьма велики вследствие неодинаковых размеров земельного владения, количества скота, рабочих рук и т. д. Это фактическое неравенство еще не приводило, однако, к ярко выраженному социальному расслоению, и все свободные соплеменники обладали фактическим полноправием, которое гарантировало им обычное право. Общинники-уздени не стояли в зависимости от состоятельных лиц. Общее пользование лесом, пастбищами, угодьями, необходимость в создании организации, в рамках которой местное население могло бы разрешать возникшие споры, следить за соблюдением обычаев и других функций могла осуществлять только территориальная община (сельская), как государство.

¹ Из истории права ... С. 72 — 73.

ГЛАВА III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЖТИНЦЕВ

§ 1 ПОСЕЛЕНИЯ

Бежтинцы проживали в трех селениях (Бежта, Хашархота, Тлядал) и окружающих эти селениях хуторах. Специфика планировки и типы селений самым непосредственным образом были связаны с рельефом местности и особенностями хозяйственно-бытового уклада.

Селения располагались у подножья юго-восточных отрогов Богосского хребта, по берегам реки Хван-ор, притока Аварского Койсу. Такое расселение помимо близости источника усиливало еще и оборонный фактор, имевший решающее значение при выборе места поселения. Исследователи отмечали повсеместную тенденцию в Горном Дагестане к выбору труднодоступного места для поселения.¹ В XIX в. сс. Бежта и Хашархота были расположены уже по обеим берегам реки, при этом протяженность первого из них вдоль левого берега равнялась 3 — 4 км. С. Тлядал тоже располагалось у подножья горы, на излучине реки, и, таким образом, ограждалось со всех сторон естественными преградами. Ко второй половине XIX в. относится застройка примыкающих к селению «заречных» площадей. В Бежте и Тлядале можно обнаружить остатки укреплений, некогда представлявших собой оборонительные башни, «запиравшие» подступы к селениям. Однако, главным средством обороны во всех селениях бежтинцев, как и у большинства других горцев Дагестана, был комплекс хозяйственно-жилищных строений, тесно примыкающих друг к другу и расположенных глухими стенами, снабженными бойницами, в сторону наиболее опасных подходов к селению. В условиях наличия значительного числа «различных политических объединений, больших и малых, находившихся в состоянии войны всех против всех»², такие меры были не излишни. Не случайно исследователи и путешественники, побывавшие в горах Дагестана, говорят о здешних

¹ См. напр.: Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ, В. 1. Тифлис, 1858. С. 12.

² Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 77; См. также: Материальная культура аварцев. С. 96, 99 и др.

селениях, как о крепостях¹. Своеобразный отпечаток на характер поселений оказал и фактор малоземелья: экономя пригодные для эксплуатации участки земли, селения бежтинцев располагались на каменистых выступах, скалах. Уделялось внимание при выборе места для поселения и его ориентации по странам света. Все селения расположены, как уже указывалось, на юго-восточных отрогах Богосского хребта. Дома в селениях фасадами обращены на юг.

У бежтинцев много хуторов и часть их занимает западные, восточные или северные склоны горы. В этих случаях дома обязательно также имеют южную, солнечную ориентацию. Такое расположение позволяло использовать световой день и солнечное тепло².

Для бежтинских селений характерна скученность в старой части селения. Дома в них расположены один подле другого и один над другим, занимая площадь склона таким образом, что для улицы как таковой места почти не остается³. В каждом селении имелась одна улица, представлявшая продолжение главного подхода к селению. Остальные, извилистые, кривые и короткие, пролегли беспорядочно, главным образом в вертикальном направлении.

Селения делились на кварталы (уба). В с. Бежта были такие части, как Маллалалис маче, Багулаллис маче, Кьогьокьагьалас маче и др. В них проживали тухумы Гамолал, Анжолал, Алуклал, Кьогьокьагьаса, Товайкьаса и др. (первый из них — самый многочисленный и влиятельный, последний — самый малочисленный)⁴. С. Тлядал делилось на две части: верхнюю — Кьоддагьисо и нижнюю — Льйирудагьисо. В них проживали семьи следующих тухумов: Чахьал, Секькьибил, Хасаклал, Чинтил, Шабалал. Нынешнее поколение тлядалцев, составляющее большую часть людей селения, это представители тухума Чахьал. Когда-то каждый тухум занимал особый квартал, но к рассматриваемому периоду население проживало в кварталах смешанно.

Общественным центром была одна из сельских площадей, главным образом — примечетская площадь, где мужчины собирались побеседовать, пообщаться — годекан (будакан). Помимо основного, в каждом из селений было также и несколько других мест мужских собраний.

¹ См.: Гене, Ф. И. Сведения о Горном Дагестане // ИГЭД. С. 346; Воронов Н. И. Указ. соч. С. 24.; Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Т. 1. М., 1885., С. 55 и др.

² См.: Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. В. 3. Тифлис, 1870. С. 6.

³ См.: Марков Е. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия. Т. 9. СПб. — М., 1883. С. 43.

⁴ Эти тухумы называют и несколько по иному: Ихбакуй, Маллалал кьибил, Гамолал, Кьогьокьагьалал, Товайкьалал. См. также: Халилов М. Ш. Бежтинские тухумы // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989.

В черте селений или недалеко от них располагались кладбища (шуна).

В XIX в. у бежтинцев насчитывалось два типа поселений: селение (аьлі) и хутор (хъун).

С. Бежта по преданию возникло лет 400 назад на месте обхода для нескольких хуторов и мелких поселений загон-стоянки для скота (загон — «беж»). По преданию, селение образовалось от слияния, объединения населения поселений: Охьоч'елаь, Синаля, Китюь, Хиякувака¹. При этом перечисленные населенные пункты не были окончательно заброшены: зимой здесь содержался скот. Располагалось селение на холме «Охьоч'елаь», занимая его вершину «Издабизюь». Это поселение специалисты датируют периодом поздней бронзы. По местным преданиям селение Хашархота — более древнее поселение, существовавшее задолго до вышеуказанного объединения. Население Хошархота состояло из пяти тухумов: Базалал, Юртал, Исалал, Мот'алал и Мах'едал. В преданиях о дагестанских селениях часто повествуется об объединении нескольких поселений и образовании за счет такого объединения крупного селения. По мнению компетентных исследователей и, в частности, подробно изучавшего поселения и жилища аварцев А. И. Исламгагомедова, тенденция к объединению нескольких мелких поселений в одно крупное характерна для Нагорного Дагестана вообще в позднем средневековье². Такое предание бытует и в отношении с. Тлядал, образованного якобы выходцами из нескольких хуторов. Кроме того, нередко в преданиях повествуется о тех или иных тухумах, пришедших в данное поселение из других мест. Таковыми были, в частности, тухумы Товайк'аса в Бежте и Шабалал в Тлядале. Селение Хашархота сравнительно молодое, получившее статус аьлі не раньше начала XX в. Селения Бежта и Тлядал скорее всего образовались в позднем средневековье, в послемонгольский период, когда в горах Дагестана завершается процесс образования сравнительно крупных территориально-тухумных поселений³. Поселения тухумного типа видимо были хорошо укреплены. Побывавший в этом регионе в 1898 г. К. Ф. Ган в частности отмечает: «В Андучо-Капучи встречались развалины древних замков — весьма редкое явление в Дагестане. ... эти остатки древности с теперешними постройками не имеют ничего общего.»⁴

Особый тип мелких поселений сезонного типа носит наименование «хъун». Они появились как результат обратного процесса расселения из крупных селений и образования хуторов, связанно-

¹ См.: Материальная культура аварцев. С. 121.

² Там же. С. 107.

³ Подробнее об этом см.: там же. С. 112, 115; Материальная культура даргинцев. С. 80, 81, 84 и др.

⁴ Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.) // СМОМПК, отд. II.

го с дальнейшим развитием производительных сил общества. У бежтинцев хуторов было 22: 6 по правому берегу реки (Леллал'а, Сиеглу, Андочуваь, Ашкуваь, Апаь, Ихбакуваь) и остальные — по левому берегу: Тених'а, Ихил'и, Гьел'аш, Жераь, Жаммод, Синаля, Дойбоь, Чекоь, Балакуваь, Китюь, Матаь, Гесоь, Гьоь, Ажаг'а, Юк'ох'уннаь, Бац'иь. К хашархотинским хуторам относились Рух'о хъун, Эшил'и, Хересмаь, Гьел'ажураг'и, Сияк'а, Леллал'а и др. У тлядалцев было 13 хуторов: Тапал, Мучаль, Пабурук'а, Аход, Микед, Гьолок'а, Хил'заль, Гехахон'и, Циба, Ц'аль, Л'юлаальоль, Шолог'а. Они располагались в местностях под названием Сорад, П'от'оч'и, Керчи и др. Хутора были принадлежностью определенных тухумов. Так, например, три первых тлядалских хутора были собственностью семей тухума Ч'ах'а, четыре следующих — собственностью семей тухума Г'асак'олал, следующие три — тухума Ш'абалал, два последних — соответственно тухумов Сек'ик'ьбил и Ч'ияг'ил. Хутор Аход был совместной собственностью семей тухумов Ч'ах'ал и Сек'ик'ьбил.

Семьи со скотом зимовали обычно на хуторах, а в весенне-летний период перегоняли скот на дальние пастбища; значительная часть бежтинцев откочевывала в этот период на пастбища, арендуемые у грузин. Таким образом, поселения типа аьлі служили бежтинцам базой, куда они приходили и приезжали в межсезонье, в период свадеб, для выражения соболезнования семье, понесшей потери — и т. д. Здесь в селениях, содержался минимум молочного скота для удовлетворения повседневных нужд в молочных продуктах; в округе селения находились и небольшие пахотные участки и сенокосы. Для их обработки и присмотра за ними в селе оставались представители тех или иных семей.

Часть скота бежтинцы перегоняли на высокогорные пастбища и содержали его там до осени. Поэтому здесь располагались хутора — временки, сугубо сезонного типа. Люди жили во временках, помещение для скота не строили, довольствуясь загонями. Эти пастбища принадлежали всему обществу.

Основной массив индивидуальных сельскохозяйственных угодий был расположен у хуторов. Здесь тоже в периоды откочевки и перегонов оставался кто-либо из членов семьи. У хуторов и угодий, расположенных вокруг них, были свои хозяйственные особенности, хорошо известные не только их владельцам, но и всей округе. Так, например на угодьях бежтинских хуторов Ихбакуваь и Леллал'а получали хорошие урожаи ячменя, на хуторе Сиеглу — ржи, на Андочуваь — коночных бобов, на Ашкуваь — картофеля, на хуторах Жераь, Матаь, Балакуваь были благоприятные условия для разведения овец — и т. д.

Итак, совокупность ландшафтных, природно-географических и хозяйственно-экономических факторов предопределило формиро-

¹ Это название объединяло два хутора, расположенных друг против друга по берегам реки.

вание у бежтинцев двух типов поселений: аьл и хъун. Характер планировки поселений определялся также совокупностью факторов: оборонным, фактором экономии земли, фактором близости сельскохозяйственных угодий и воды и др.

§ 2 ЖИЛИЩЕ

Жилище бежтинцев (билю) как и других народов Дагестана, прошло сложный путь эволюции от однокамерной постройки до многокамерного хозяйственно-жилого комплекса со многими комнатами и бытовыми службами. На территории расселения бежтинцев повсеместно встречаются почти все формы жилища, отмеченные исследователями для Горного Дагестана¹.

Вертикальная застройка и скученность строений в поселении предполагает отсутствие двора (магъла) как такового. Так оно частично и было у бежтинцев, в поселениях типа аьл, в которых до конца XIX в. нередко попадались дома-усадыбы. Тем не менее, планировка селений была такова, что во многих случаях, в отличие от большинства других селений горцев Дагестана, у бежтинцев при домах был небольшой дворик (беж). С последних десятилетий XIX в. намечается и прогрессирует тенденция более просторной застройки селения жилыми и хозяйственными строениями. Домов с небольшими двориками больше всего было в с. Бежта. Такой дворик, имеющий отдельные ворота, как правило огораживался со всех сторон глухой каменной стеной. Иногда дворик этот делался крытым: в таких случаях здесь могли держать запасы кормов для скота, сельскохозяйственный инвентарь, временно содержать скот и т. д. В подавляющем большинстве случаев хозяйственные помещения — главным образом помещения для скота — сийо, находились на первом этаже (реже на первых этажах) комплекса. На втором этаже (лугъа) чаще всего держали овец и коз, третий этаж был жилой. Часть хозяйственных построек выносилась за пределы единого хозяйственно-жилого комплекса и располагалась отдельно. Как правило это были закрома для продуктов (баькъ), где хранились зерно, горох, мука, масло, мясо, жиры и т. д., и сеновалы (кьибе).

У бежтинских селений своеобразная планировка, в общем не характерная для высокогорного поселения типа «село». Дома в с. Бежта располагаются вдоль реки и тянутся таким образом по обоим берегам на 2—3 км. Они образуют почти правильные ряды; уступами поднимающиеся от берега на склон горы. И в Бежте, и Тлядале, и в Хашархоте скученность строений — этот неотъемлемый признак дагестанского горского селения, проявляется не столь рельефно. На эти особенности в свое время обратил внимание в 30-е годы Е. М. Шиллинг, в 60-е — А. И. Исламмагомедов¹.

¹ См., напр.: Мовчан Г. Я. О типологии жилища народов Нагорного Дагестана // КСИЭ. Вып. IV. М., 1948.

дов¹. Трудно не согласиться с А. И. Исламмагомедовым, предполагающим, что такая планировка селений — результат перестроек в XIX в. после разрушений и пожаров².

На хуторах строения располагались более просторно. Нередко это были одноэтажные жилища с примыкающими к ним хозяйственными службами: хлевом, загонем для овец, конюшней, помещением для инструментов и сельхозинвентаря, хранилищами для продуктов и др. Жилые и хозяйственные строения здесь располагались, как правило, непосредственно на территории усадьбы, огороженной каменной стеной. Таким образом, усадьбы здесь, на хуторах, по площади были более значительными, а усадебные постройки — более разнообразными.

Жилищно-хозяйственный комплекс бежтинцев в селениях чаще всего состоял из жилого помещения (билю), хлева для мелкого рогатого скота (лугъа), сеновала (кьибе), закровов для зерна, муки и других продуктов (баькъ). При этом, жилье и хлев помещались в одном строении, на разных этажах или рядом, а сеновал и закрома, как правило, выносились за пределы усадьбы.

На хуторах (иногда и в селениях) хозяйственно-жилой комплекс состоял нередко из одноэтажного каменного дома с примыкавшим к нему хлевом и другими службами.

Наш полевой материал свидетельствует, что у бежтинцев повсеместно до 30-х 40-х гг. сохранились пережитки большесемейной организации. Говоря иначе, в отдельных случаях женатые сыновья вместе со своими семьями продолжали жить в отцовском доме и вести совместное, общее хозяйство. Более подробно об этом сказано будет несколько ниже, пока же только отметим, что такие семьи в начале XIX в. изредка все еще жили в одноэтажных, однокамерных домах. Дома эти — рудименты, остаточные явления более ранних этапов социальной организации общества и соответствующих ей типов жилища. Исследователями отмечено, что уже к X—XIII вв. в строительную культуру и быт горцев прочно вошло двухкамерное жилище³. Со временем, с ростом производительных сил общества, наблюдалась явная тенденция к членению семейной организации, что в отношении однокамерного жилища выявило, в частности, в появлении перегородок в общем доме. Необходимо тут же отметить, что в хлевах никаких перегородок в это время не наблюдалось, что свидетельствует о сохранности хозяйственно-экономической традиции единства организации. Впоследствии происходит не только разделение на части жилого помещения, но наделение его дополнительными входами; делятся на части и хлевы. Со временем появился и стал преобладающим хозяйственно-жилой комплекс с разгороженным хлевом

¹ См.: Шиллинг Е. М. Народы андо-цезской группы // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37. Л. 29; Материальная культура аварцев. С. 133.

² Там же.

³ См.: Материальная культура аварцев. С. 163.

внизу и несколькими комнатами на втором этаже. В таких же домах жили и малые семьи, образовавшиеся за счет распада большесемейной организации. При этом помещения нижнего этажа (хлевы) иногда носят заметные следы использования их в прошлом в качестве жилья. Такое явление, а именно превращение жилья в хозяйственное помещение, Н. Харузин считает повсеместным явлением¹.

В плане первый тип строений преимущественно прямоугольный, иногда квадратный. Второй тип в плане тоже главным образом прямоугольный, иногда «Г»-образный, еще реже — «П»-образный. Со второй половины XIX в. прочно входят в строительный обиход лоджии (чардах) и галереи, веранды (парда).

В строениях старого типа очаг был расположен на полу, на невысоком возвышении, неподалеку от дверного проема. Окон в них не было. Отверстия в потолке и в стенах для выхода дыма и вентиляции — это явления более позднего периода. На крышу и на второй этаж вели деревянные лестницы, расположенные у фасада или сбоку, у склона горы, куда обычно выходила задняя стена помещения.

Со второй половины XIX в. внешний облик жилищ бежтинцев заметно меняется, что связано с прекращением военных действий и окончательным присоединением Дагестана к России, приведших к постепенным проникновениям на рынки края товаров и материалов из ближних и дальних губерний России. Прежде всего, увеличилось количество дверей в домах, значительно увеличились размеры их проемов, появились окна как таковые. Год от года росло их количество, окна застеклялись. Очаг переместился в угол помещения. К последней трети XIX в. появились и прочно вошли в быт закрытые очаги с дымоходом (бухари); в жилом комплексе их могло быть уже два. В силу всего этого улучшились условия гигиены в помещениях, их освещенность.

Итак, самый распространенный тип хозяйственно-жилого комплекса у бежтинцев, как и у других аварцев², в рассматриваемый период — это трехэтажное строение с хлевом на первом и жильем на третьем этаже. К этому комплексу, отдельно от него, часто пристраивался сеновал. Нередко он выносился за пределы комплекса. Иногда сеновалом служила специальная надстройка над вторым этажом. Так же, как и сеновал, мог примыкать к дому или выноситься за его пределы ларь для хранения продовольственных запасов семьи. Как уже отмечалось, приусадебный двор встречался здесь чаще, чем в других горных селениях Дагестана. Если таковой имелся, он нередко был крытым и служил для хранения запасов топлива, строительных материалов, сельскохозяйственных орудий и т. д. Чаще всего функции двора в скученной части селения выполняли плоские крыши строений соседей. Здесь выполня-

лись многие виды повседневных домашних работ; здесь же просушивали шерсть, зерно перед помолом и др.

Хозяйственные постройки могли быть двухэтажными, иногда трехэтажными, реже — четырех и более этажными. В первом случае нижний этаж строения — хлев — складывался из камня и над ним надстраивалось легкое строение из жердей — сеновал. Во втором случае такая же надстройка делалась над вторым строением — и т. д. Лари для продуктов зачастую стояли особняком. Чаще всего их сбивали из широких рубленых досок и иногда ставили на полуметровые сваи (размером 3x3, 1,2x2). Хлевы, как отдельно стоящие, так и находящиеся под жилым комплексом, имели в стенах вентиляционные отдушины и членились невысокими перегородками на различные части. В одних секциях держали овец, в других крупный рогатый скот, в третьих телят и т. д.

Были у бежтинцев и свои водяные мельницы (гъабой). В одном только с. Бежта их было более трех десятков. Водяное колесо горизонтального боя приводится в движение силой падающей воды, подводимой к колесу специальным жолобом. Вращающееся колесо в свою очередь передавало движение вертикально расположенной оси, на которую неподвижно был насажен один из жерновов.

Селения и хутора бежтинцев расположены в районах, богатых строительным лесом. Поэтому с древних времен дерево, наряду с камнем, являлось основным строительным материалом. В отличие от подавляющего большинства районов Нагорного Дагестана, где фактор экономии дерева наложил своеобразный отпечаток на архитектуру хозяйственно-жилищных комплексов, деревянные части строения у бежтинцев — рядовое явление. Поэтому здесь бытует также строительная конструкция, каркас которой целиком состоит из дерева, а секции каркаса выложены камнем¹.

Наряду с этим, в равной степени распространены строения, основным строительным материалом для которых послужил камень, а деревянные конструкции, которых в общем-то немало, носят подсобный характер. Доступность строительного дерева сказывается здесь на каждом шагу. Поскольку большинство домов и помещений строится на склоне горы, в селениях бросается в глаза обилие деревянных консолей, опор и подпорок. Крытые с трех сторон галереи домов в своем подавляющем большинстве тоже деревянные, срубленные из тесаных топором толстых досок. Перекрытия крыш в жилищах и хозяйственных постройках изобилуют продольными и поперечными деревянными конструкциями, балками и жердями. Из толстых же тесаных досок срублены зачастую и сеновалы, и лари для запасов продовольствия. Всевозмож-

¹ См. о таких приемах строительства у дидойцев: Данилина К. Г. Этнографическое обследование дидойцев // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 65. Л. 36; Материальная культура аварцев. С. 194.

¹ Харузин Н. История развития жилища. М., 1896. С. 4.

² Материальная культура аварцев. С. 187.

практикуемый на Кавказе, пытались объяснить сейсмической стойкостью подобной комбинированной конструкции¹.

На наш взгляд вставки-бруски выполняли функции ориентиров, по которым равнялась дальнейшая кладка стены снизу доверху. Закончив возведение стен со световыми и дверными проемами, укладывали на них одну — две продольные балки (квача), а сверху их перекрывали 15 — 20 поперечными балками (кьяйц). Расстояния между ними перекладывали плотными рядами тонких жердей, поверх них укладывались ветки, солома и проч., все это засыпалось землей и обмазывалось глиной. Поперечные балки выступали в сторону фасада на 2,5 — 3 метра. Они покоились концами на толстой жерди, продольно укрепленной на 8 — 10 столбах, высотой вровень с крышей. Таким образом конструировалась основа для настила пола галереи дома. Затем начиналось возведение второго этажа комплекса, в той же последовательности, что при строительстве первого этажа, с большим числом оконных и дверных проемов. Потолок перекрывался точно также с той разницей, что в последнем случае его землей не засыпали. Между выступающими балками нижнего и верхнего перекрытия получалась основа галереи, которую с боков и на половину высоты с фасада обшивали досками. Пол галереи тоже выкладывался досками, а сверху она закрывалась общей двухскатной крышей (кьямо) строения. Таким образом получался хозяйственно-жилой комплекс с хлевом внизу, жильем на втором этаже и сеновалом на чердаке.

По такому же принципу строился и хозяйственный комплекс из хлева на первом и сеновалом на втором этаже. Размеры помещений при этом были значительно меньше, галереи не было, второй этаж строился целиком из столбов и жердей с вентиляционными проемами в 2 — 2,5 м., закрываемыми по необходимости плетенками из жердей; зачастую площадь сеновала, выступающего по обе стороны первого этажа, превышала площадь хлева в 1,5 — 2 раза.

Строили бежтинцы жилые и хозяйственные помещения и чисто из камня, без галереи, с плоскими крышами с небольшим наклоном для стока воды — двухэтажные, (жилье — жилье, хлев, хлев — хлев, сеновал — хлев) и одноэтажные (жилье, хлев). Крыши этих построек были плоскими, земляными, хорошо описанные еще П. Пржещлавским². Строили также и помещения описанные нами выше, основу которых составлял деревянный каркас. Нередко встречались хозяйственные помещения (хранилища, закрома, сеновалы), построенные только из жердей, из бревен, из

¹ См.: Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956. С. 8; Материальная культура аварцев. С. 193; Материальная культура даргинцев. С. 176.

² Пржещлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник, 1860. № 4. С. 227.

досок, из жердей и досок и др. Иногда они выстраивались прямо на выровненной для этого площади, часто их ставили на четыре столба — сваи, высотой 1 — 1,5 м., еще чаще они располагались на склоне горы, упираясь задней своей частью в этот склон, а передней — на столбы-опоры; могли они располагаться ярусами, один над другим и т. д. Во всех подобных случаях крыши их перекрывались плотным слоем жердей, обмазанных сверху глиной; нередко поверх укладывались сосновые дощечки кьявари.

Штукатурилось изнутри только жилое помещение. Штукатурилось два раза: сначала — грубая обмазка стен, потом — более тщательная их отделка.

Поселения бежтинцев, изобилующие строениями под кьявари и многочисленными деревянными опорами домов, хозяйственных построек и галерей, имеют необычный облик, отличный от общего вида поселений других народов Нагорного Дагестана. Совокупность деревянных балконов и галерей жилых строений создает на расстоянии ощущение ажурной легкости поселения в целом.

Искусство художественного декорирования деревянных частей и деталей строений у бежтинцев распространено слабо. Объясняется это, видимо, общим укладом хозяйственного быта, когда жилище селения и хутора рассматривались как временное пристанище перед очередными перегонами скота и откочевками. Резные опорные столбы в домах встречаются, но весьма редко. Иногда полускопной простейшей резьбы геометрического орнамента украшались двери, наличники, окна. Довольно часто на оштукатуренной стене выделяется рельефный отпечаток правой кисти руки с растопыренными пальцами. Как правило, это отпечаток руки хозяйки дома, который по замыслу домочадцев должен был функционировать как оберег. В отношении художественной орнаментации галерей и балконов дело обстояло несколько иначе. Очень часто эти компоненты жилища украшены разными планочками с великолепной сквозной художественной прорезью. Орнамент здесь чаще всего геометрический, но нередко встречается и растительный (трилистники, цветкообразные розетки и стилизованные цветы и др.). Перила, опорные столбы и другие детали этих пристроек зачастую выточены на ручном токарном станке, бытовавшем у бежтинцев. Им придается округленная форма с постепенным утолщением или утончением к концам или к середине, что придает всему строению выразительность и нарядность.

При кладке стены бежтинцами применяется также и такой, известный почти всем народам Дагестана прием, как наклонно расположенные каменные плитки в один ряд или в несколько рядов (так называемая «елочка»). В этнографической литературе такая кладка иногда называлась «антисейсмической». Своеобразным архитектурным украшением домов бежтинцев была манера выкладывать фасад обработанным (шлифованным) камнем. Это стоило значительных затрат и было доступно далеко не каждому хозяину. Однако таких домов в селениях насчитывалось по несколько

десятков. Строгая гладкая кладка таких строений украшала селение, являя собой своеобразное декоративное пятно.

На отдельных плитах каменных строений сохранились различные изобразительные композиции. Чаще всего это разновидности солярных знаков, представленных точками, окружностями, крестами и др. Встречаются и изображения концентрических спиралевидных лабиринтов, выполнявших некогда функции оберегов. Реже попадаются каменные рельефы со стилизованными антропоморфными и зооморфными изображениями. Многие строения в кладке у входа в дом имеют камень с надписью на арабском языке. Здесь приводилась какая-нибудь сура из Корана, высеклось благопожелание, обозначались имя мастера, построившего дом и дата окончания строительства и т. д.

В селениях бежтинцев сохранились мечети, относящиеся к концу XVIII — началу XIX вв. и являющие собой прекрасные образцы народного зодчества. Они имеют иногда искусно выложенные минареты, с большим мастерством выполненные каменные опоры, украшенные художественной резьбой двери и окна, изящные михрабы.

Многие объекты народного зодчества бежтинцев оберегаются специальными государственными органами как исторические и культурные памятники.

Очагов (ахацЮ) в доме было столько, сколько жилых комнат. Одна из них считалась главной, здесь вечером собирались те домочадцы, кто на это время года по тем или иным причинам оказался в селении. Очаг обычно располагался у торцевой стены или в углу; дым выходил наружу через дымоход. Для установки на очаге различных котлов и сковородок в хозяйстве имелось несколько железных треног — зидагарн, шаглачо. Рядом всегда лежали каминные щипцы (хацЮ). Сбоку от очага устанавливались 1 — 2 деревянные полки (ацо) с повседневной посудой на ней: медными, деревянными и керамическими подносами (табакЮ), мисками (хатIа), чашками (кЮтхЮ), кружками (донча), деревянными ступками (цобохна) и др. С другого боку и по одной из стен развешивались на колышках подносы (мокI), деревянные половинки (цЮ) и шумовки (лбува), ложечницы с вилами (сино) и ложки (кетIе, металлч. — кЮбзи), различного объема деревянные мерки (ясалаги), молочники (тIелухе), ведилки (гьююо), водоносные кувшины (билЮй), туалетные кувшинчики (магзарлис кудай) — и т. д. Кроме того, часть посуды располагалась в нишах (йотЮ), на полочках. В более крупных нишах укладывались спальные принадлежности (лншЮ), состоящие из матраца (лейби), куска войлока (киз), подушки (састЮли) и одеяла (ёрган). На одной из стен висела одежда. Часть ее была развешена также на колышках опорного столба, другая часть висела на веревке, специально натянутой для этого в одном из углов комнаты. Здесь же, в комнате, могли находиться прочно вошедшие в обиход со второй половины XIX в. скамьи со спинками (кюедикю), скамейки

(карабакI), низенькие стульчики (кю). В углу обычно стоял сундук (гъамас) с праздничной одеждой и украшениями жены и дочери (дочерей). В этой же комнате находились и детские люльки либо общедагестанского типа (а^нкЮ), либо местные, плетенные, подвешиваемые к балке потолка (кед). Стены зашивались войлоком, шкурами и тканью. В осенне-зимний период войлоком и шкурами утепляли также и пол. Вечером дома освещались светом очага, лучиной (ка) или жировым (впоследствии — нефтяным, керосиным) светильником (канаргю).

Одна из комнат выполняла функции кладовой. Здесь обычно располагались лари и закрома (бакъ) для продуктов повседневного потребления, хранились кувшины с маслом и сыром, к балкам подвешивались бараны и говяжьи сушеные туши, курдюки, круги жира и т. д.

Лучшее из жилых помещений убиралось нарядней других и служило для приема гостей и проведения семейных торжеств. Здесь по стенам висели нарядные папахи и буржи, редкая медная посуда, конская сбруя, оружие и т. д.

Итак, в XIX — начале XX вв. у бежтинцев складывается такой тип хозяйства, при котором ведущее место занимает животноводство. Находясь большую часть времени на хуторах или дальних пастбищах, бежтинцы редко собирались в домах селения всей семьей. Отсюда и такое разнообразие хозяйственно-жилых комплексов и отдельных строений: каменных, деревянных, комбинированных. В основном здесь выделялись следующие помещения: жилье, хлев, сеновал и закрома. Наиболее характерна была для народа двух-трехэтажная постройка — хозяйственно-жилой комплекс с жилыми комнатами и хозяйственными службами.

Доступность строительного леса наложила свой отпечаток на строительную культуру народа. Этот фактор повлек за собой отказ местных мастеров от арочных конструкций, предопределил значительное место деревянных частей и деталей в жилище или хозяйственной постройке.

§ 3 ОДЕЖДА

До второй половины XIX в. для пошива одежды и обуви у бежтинцев употреблялись в основном материалы домашнего производства: сукно (сугюй), овчина (гъаше), войлок (киз), выделанная толстая и тонкая кожа (конская, крупного рогатого скота, овец, коз). Одежда и обувь, сшитые из перечисленных материалов, соответствовали хозяйственному укладу народа и как нельзя больше были приспособлены к местным природным условиям. Своего сукна обычно не хватало, поэтому нередко одежду шили из привозной кустарной ткани. За сукном бежтинцы ездили и на ботлихский базар, приобретаая там каратинские и андийские сукна. Кроме того, из Грузии привозились сравнительно дешевые ткани как местного производства, так и (гораздо чаще) привози-

мые туда из российских губерний. Поток сатина, ситца, дешевого полотна, бязи и др. материалов на внутренние рынки Дагестана и Грузии с окончанием Кавказской войны намного усилился. Увеличилось и поступление дорогих тканей, идущих у бежтинцев на праздничную нарядную одежду: различных сортов шелков, бархата, парчи и др.

Местные сукна ткались на вертикальном станке (макъо), иногда красились естественными красителями (растительными в основном) в различные цвета. Чаще всего красили не ткань, а шерстяные нитки. Овчина и шкура крупного рогатого скота обрабатывались также, как и другими горцами Дагестана¹.

Нательная одежда мужчин состояла из туникообразной рубахи (мухун) и зауженных книзу штанов (хилло) без ширинки (туруция еяхелаго), на вздержке (бацлай). Такая же одежда из тонкого, легкого материала стала носиться мужчинами как нижняя со второй половины XIX в. Изредка мужчины носили и другую разновидность штанов (загих), в которых часть, прилегающая к голени, плотно облегалa ноги, а выше колена одежда шилась в 2 — 2,5 раза шире. Покрой этот был заимствован у грузин.

Верхней плечевой одеждой мужчин была одежда типа бешмета или архалука — чухъа. Под этим наименованием была известна еще и черкеска. Бешмет шился из толстых сукон темных тонов, длиной до колен или чуть выше, с маленьким стоячим воротничком, плотно облегающим шею, чуть приталенный, с рукавами до кистей рук. Для представителей старшего поколения одежда эта могла быть шита на вате. Второй вид одежды — это черкеска общедагестанского образца, носимая, как правило, без газырей. Чаще мужчины носили войлочные куртки и пальто (жъони). Куртка шилась длиной до колен, без воротника и была двух разновидностей: 1) наглухо застегивающаяся у шеи, без карманов и 2) с грудным вырезом и разрезными карманами. Последний вариант по свидетельству информаторов заимствован у грузин. Рукава делались вшивными, свободными, достигающими кисти опущенной руки. Пальто отличалось от куртки только длиной и доходило до икр. Оно тоже бытовало в тех же двух разновидностях, что и куртка. Та и другая одежда иногда шилась на подкладке, иногда борта ее обшивались кожей. Эту одежду у андо-цезских народов описал еще в начале века Е. Шиллинг.²

Этнографический материал свидетельствует о том, что до конца XIX в. бежтинцы повсеместно носили, как и другие горцы Дагестана, штаны из овчинной кожи, а также штаны и рубаху из овчины. Бытовала, но в меньшей мере, и вязаная одежда, представленная нательной парой (загих — штаны-рубаху), связанной

¹ См. соответствующие разделы приводимой литературы, а также раздел «Домашнее производство и ремесло» настоящей монографии.

² Шиллинг Е. Народы андо-цезской группы // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37. Л. 30.

вместе, с разрезом по талии (по типу комбинезона). Очень часто мужчины носили безрукавки (яшша йикъас). Этот вид одежды традиционен для аварцев, издавна известный здесь в частности как свадебная одежда жениха¹. Они также шились из овчины либо с глухо застегивающимся до подбородка бортами, либо с грудным вырезом, мехом вовнутрь, иногда на подкладке. Со второй половины XIX в. мужчины стали носить и матерчатые безрукавки на шерсти.

Как и другие горцы Дагестана, бежтинцы были знакомы с несколькими разновидностями овчинных шуб. Наиболее распространена была шуба-накидка длиной до пят, без застежек, с небольшим воротником или большой, ниже линий лопаток пелериной (йикъа гаччо къай). Другая разновидность отличалась от первой наличием длинных, достигающих линии икр, зауженных книзу рукавов (т. н. «ложные рукава») — жъай. Такая шуба была описана еще Н. Дубровиным². Носили мужчины и еще один вариант шубы с воротником шириной 15 — 20 см, чуть приталенную, застегивающуюся на 6 — 8 пуговиц от горла до низу, с рукавами обычной ширины и длины, без карманов (боко).

Верхней плечевой мужской одеждой была также и бурка (буртина) либо местного изготовления, либо (реже) андийского образца. В отличие от андийской, местная бурка наплечников не имела и по крою больше напоминала широкий плащ.

Во второй половине XIX в. наиболее распространенным видом головного убора у бежтинцев была овчинная шапка (баи) полусферической формы, как правило черного цвета. Походный вариант этой папахи шился из косматого меха, спадавшего на лицо: считалось, что овчинные космы предохраняют от пыли и охлаждают лицо всадника. Нередки были также папахи конусообразные, и в форме усеченного конуса. По полевым этнографическим сведениям, в первой половине века бежтинцы носили и цилиндрические папахи ворсом наружу, высотой до 35 — 40 см. Со второй половины XIX в. здесь появились папахи цилиндрической формы (къакъало) нескольких разновидностей: невысокие уборы с верхом из того же меха, что и вся папаха; тажиб же, но с матерчатым верхом; более высокий вариант последней модели. К концу века к бежтинцам стали проникать дорогие папахи из ценных сортов каракуля. Старшее поколение мужчин на ночь одевало небольшую шапочку ворсом во внутрь с кожаным околышком (пав). И, наконец, иногда чабаны-бежтинцы могли носить войлочную шляпу с неширокими полями, проникшую сюда из Грузии.

Наиболее распространенной обувью бежтинцев были вязаные сапоги (пъакла). Это была очень удобная и практичная обувь, известная и некоторым другим народам аварской группы (це-

¹ Материальная культура аварцев. С. 221, 256 — 257.

² Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, кн. 1. СПб., 1871. С. 547.

зам, гинухцам, гунзибцам), а также отдельным народам Южного Дагестана (агулам, рутульцам, цахурам, лезгинам). Ее хорошо описывает Е. Шиллинг: «Пожалуй самой оригинальной, специально бежитинской частью мужского одеяния являются шерстяные вязаные сапоги, по форме и орнаменту коих аварцы определяют национальную принадлежность их носителей. В этих сапогах бежитинцы могут ходить круглый год — и по сухой земле, и по грязи, и по снегу... Вязка на подошве плотная и толстая. Носы умеренно загнуты, орнамент сделан в вязальной техникой, и дополнительной цветной вышивкой.»¹

В отличие от такой же обуви цезов бежитинские вязаные сапоги в своей нижней части имеют петельчатый шов, нанесенный поверх вязки. Бежитинский вариант обуви делается с далеко загнутым острым носом и сложной, несколько раз простегнутой, подошвой.² Носили бежитинцы так же и кожаную обувь типа чарыжков (калмалля). Ее разновидность — тип легких тапочек, где верхняя часть стопы закрывается плетеными ремешками, у бежитинцев называлась мугува. Две последние разновидности могли носиться с вязаными или кожаными ноговицами (зангалия) или шерстяными носками (шинда). Носки бежитинцев и бежитинки ярко орнаментированы: у мужских — геометрический орнамент, у женских мог быть и растительный. Отличительная черта бежитинских шинда — свободный от орнамента носок изделия. Еще одна разновидность чарыжков, встречающаяся сравнительно редко — это описанная М. А. Агларовым³ и С. Ш. Гаджиевой⁴ кожаная обувь из одного куска с плетеной подошвой. Представители старшего поколения любили носить легкие и удобные мягкие кожаные сапоги. Во второй половине XIX в. состоятельная часть местных мужчин стала носить сапоги русского образца — на твердой подошве и с каблучком (чекма). Изредко носилась здесь также войлочная обувь типа полусапожек. Специальное приспособление, предназначенное для хождения по обледенелым и заснеженным тропам (чангалия), представляло из себя либо плетеную из полосок кожи или кусков проволоки сетку, либо кусок толстой кожи с вбитыми в него крепкими и острыми штырями (по 1 — 2 у носка и пятки). То и другое по мере необходимости подвязывалось к обуви.

Лет с 15 — 16 юноши оставляли усы (бизалба), с 25 — 30 лет мужчины оставляли бороду (баб). Голову мужчины брили наголо с 10 — 12 летнего возраста.

Мужчина-бежитинец почти никогда не расставался с кинжалом (балбай). Собравшись в путь, как правило брал с собой ружье

(топи) с запасом пороха (цамали), свинца (коба) или готовых пуль (гьоло). Состоятельный бежитинец мог вооружиться пистолетом (лапанча). Со второй половины XIX в. ношение оружия было запрещено, поэтому ружья и пистолеты исчезли из обихода, но кинжал остался как часть костюма в отдельных случаях вплоть до 30-х 40-х годов текущего века.

В XIX — нач. XX вв. бежитинки носили главным образом туникообразные рубахи (кунта). Со второй половины века сюда проникла мода на отрезное по талии платье (сумураб кунта). Ту и другую рубаху шили из местной или покупной кустарной материи (сукна), а со второй половины XIX в. — из бязи, ситца, сатина. Девушки и молодые женщины предпочитали яркие тона материи, особенно зеленый и синий; женщины в возрасте и старухи довольствовались одеждой темных тонов. Обе разновидности рубах шили с клиньями, по бокам, с вертикальным разрезом на груди, небольшим стоячим воротничком и длинными рукавами. Спинка у рубах была двойной. С этой одеждой носилась повязка — пояс (тишнэ) — кусок материи, шириной до 30 см. и длиной до 2,5 м., скрученный и обмотанный вокруг талии, чаще всего красного цвета. В этот же период получила распространение еще одна разновидность такой одежды — платье-рубаха (гуржи кунта). В отличие от предыдущих, у этой рубахи у грудного выреза книзу делали сборку, на которую нашивали планку. Само название платья свидетельствует, что фасон этот проник из Грузии. Особенно нарядным считалось платье болуш-кунта. По покрою и даже по названию оно схоже с соответствующей одеждой других народов Дагестана. Шилось платье в талию, с отрезным прилегающим лифом, заложеным спереди складками. Разрез на спине до талии застегивался на луговицы или на крючки. Рукава были широкими и на манжетах, юбка широкая, собранная в складки. Шили платье из дорогих сортов материи.

Состоятельные бежитинки носили платье хабало, сшитое из дорогих тканей, часто на подкладке (рукава и лиф). Лиф платья с большим вырезом почти облегал фигуру, широкая юбка в складку достигала пяток. Платье иногда застегивалось у пояса несколькими крючками. Это платье имело аналогию с хабалом аварцев, къабалаем кумыков, вальгагом лезгин, бузма — гьухьа лакцев¹ и др. З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг считают, что этот тип одежды проник к аварцам лишь во второй половине XIX в. и был перенят у кумыков². Однако, в ряде случаев местная традиция (цезы, гинухцы, гунзибцы, бежитинцы и др.) связывает хабало с Грузией.

¹ Шиллинг Е. М. Указ. соч. Ф. 5. Оп. 1. Д. 57. Л. 30.

² Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. XIX — начало XX вв. М., 1981. С. 61; Сергеева Г. А. Указ. соч.

³ Агларов М. А. Андийцы (рукопись). Махачкала, 1962. С. 74.

⁴ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 68.

¹ См.: Материальная культура аварцев. С. 235; Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 234; Агаширинова С. С. Материальная культура лезги. С. 202; Булатова А. Г. Лакцы: Историко-этнографические очерки. XIX — нач. XX вв. Махачкала, 1971. С. 121.

² Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Женская одежда аварцев // КСИЭ, Вып. 18. М., 1953. С. 17 — 18.

Под платье бежтинки надевали узкие штаны (хилго) с длинными штанинами. Некоторые женщины до конца XIX в. носили вязаные шерстяные штаны. Носили штаны на вздержке не на талии, а бедрах. Даже и в начале XX в. изредка женщины носили под платьем такого же покроя овчинные штаны ворсом вовнутрь¹.

В холодное время года женщины утеплялись шальями, большими платками, телогрейками, ненадолго могли набросить на плечи мужскую шубу. Со второй половины XIX в. они стали носить специально для них сшитую шубу-накидку. До конца XIX в. бежтинки носили и овчинную одежду, рубаху и штаны (во второй половине века гораздо реже, чем в первой) традиционного покроя. Одежда эта носилась ворсом внутрь, ворс обычно подстригался.

Чухта (чохтго) бежтинок состояла из чепца для волос и мешочка для кос, пришитых друг к другу. В Бежтинском могильнике, который датируется VIII — X вв., в числе прочего инвентаря найдены элементы головного убора — предшественницы современной чухты. Это был колпак из ткани и кожи, весь покрытый бусами и бронзовым украшениями². В XIX в. чепец также по краю мог быть украшен серебряной цепочкой (гъогъотга) или монетками. О короткой чухту у бежтинцев, основная часть которой представляла из себя треугольную повязку, сплюснутую серебряными бляхами, концы которой завязываются под подбородком, писали З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг³. Поверх чухту женщины носили платок (шай) или малый платок (итино пай) с шалью (клас). Во второй половине XIX в. женщина могла одеть под платок не только чухту, но и специальную головную повязку в виде небольшой косынки с подкладкой (чургъан). Платки были в основном привозные, чаще шелковые, реже шерстяные. Последние могли быть и местного изготовления. Носили бежтинки также и дорогие привозные платки «дарай», «зархарай», «забрау» из шелковых тканей и парчи.

На ногах женщины носили главным образом вязаные сапоги, отличающиеся от мужских длиной (более длинные, почти до колен) и расцветкой орнамента (более пестрая). Могла женщина носить и любую другую обувь типа мужской, за исключением сапог и ноговиц. Кроме того, женщины носили и башмаки (пашмак), главным образом грузинского и азербайджанского производства.

Украшения бежтинок, как и других горняков Дагестана, своими корнями уходят в глубь веков. Женщины украшали себя серьгами (агъалалъчча), бусами (абоца), нагрудным украшением, составленным из монет на серебряной цепочке (цлати), браслетами (аьгаь), кольцами (кюьйя). Нарядное платье украшалось се-

¹ Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 26.

² См.: Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 113.

³ Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 37.

ребрыными застежками и орнаментированным поясом. Особенно нарядным считалось украшение туштукI — тип женского передника с пришитыми к нему серебряными монетами, фигурками, бляхами, подвесками и т. д., подвешиваемого к праздничному платью.

Дети бежтинцев носили ту же одежду, что и взрослые, соответствующих размеров. Одной из отличительных особенностей детской одежды являлось обилие нашитых и наколотых на их одежду талисманов и оберегов. Кроме специальных кожаных треугольничков и четырехугольничков с зашитыми в них сурамой из Корана, детям подвешивали волчьи и собачьи или медвежьи клыки, орлиные когти, бусинки бирюзы, кораллов, сердолика и т. д.

Итак, одежда бежтинцев в целом схожа с национальным костюмом других народов Дагестана и прежде всего — народов аварской группы. Определенное влияние на одежду народа оказала Грузия, с которой у бежтинцев были давние экономические связи. Много изменилось в материальной культуре бежтинцев с окончательным присоединением Дагестана к России и проникновением в край товаров и материалов из внутренних российских губерний.

§ 4 ПИЩА

Главными занятиями бежтинцев было скотоводство и земледелие. Понятно, поэтому, что продукты питания люди получали от этих отраслей. Значительное место в рационе народа занимали изделия из муки. Наиболее простое блюдо, известное народу с незапамятных времен — это оваренные или поджаренные на плите злаки. В частности, поджаренное зерно, насыпанное в карманы, считалось единственно достойной пищей бежтинца-воина в немногочисленном походе.

Огородных культур, за исключением чеснока и лука, бежтинцы до конца XIX в. не знали. Однако, обилие дикорастущих трав, используемых как приправа или идущих в пищу непосредственно, компенсировали этот недостаток в рационе.

Важное место в питании народа занимало мясо (хо) и изделия из него. Свежее мясо потреблялось главным образом в период осеннего убоя, в дни поминовения родных (Курбан-байрам), на свадьбах, похоронах и др. В остальных случаях, особенно в зимне-весенний сезон, потреблялось сушеное мясо. М. А. Агларов отметил, что в высокогорье мяса потребляли значительно больше, чем в горах и предгорьях и особое преобладание в рационе питания мяса было характерно для народов Западного Дагестана. Тут свою роль сыграл тип хозяйства, различающийся в данном случае в вертикально-зональном отношении¹.

Значительное место в рационе бежтинцев принадлежало мо-

¹ См.: Материальная культура аварцев. С. 272.

лочным продуктам. Непосредственно в пищу и главным образом на переработку шло молоко коров, овец и коз (гъи¹). Овец раз в сутки доили только мужчины. Этот факт М. А. Агларов связывает с утверждением оседлого типа хозяйства с переодическими перекочевками отар на летние пастбища в сопровождении небольшого числа мужчин-чабанов¹. Из молока готовили сыр (кlima) разных сортов и масло (йель), которое как правило перетапливали. То и другое наряду с шерстью и шкурами, являлось главным продуктом натурального обмена между бежтинцами с одной и Грузией и Закавказьем — с другой. Оттуда в обмен на свою продукцию бежтинцы везли материю, посуду, оружие и т. д., и, главным образом, хлеб.

Садов у бежтинцев не было, фрукты потреблялись населением редко, в основном — привозные, чаще сушеные. Ограниченность в потреблении фруктов и овощей компенсировалось, как отмечалось, обилием лесных плодов, ягод и трав. Бежтинцы собирали дикие яблоки и груши, ягоды земляники (цуддо лъе), боярышника (жунули), брусники (юль), малины (йодо), рябины (аза), смородины (уддо гъацо), черемухи (чемук), черники (цлодоло лъе) и др. В зимне-осенний период в народе было распространено употребление заварок калины (юж), зверобоя (шедибох), барбариса (сино), липы (гъад), мяты (сам), тмина (рухълис гъакI), шиповника (о²къо) и т. д. Весной дети с удовольствием ели съедобные растения (йухъчаш бох): стебли вахты трехлистной (хъндас дъи), корни лопуха (эмукъ), клубни бугеня (гъукIо) и др. Деликатесом считались пироги (одоилIо) с крапивой (мицI), с начинкой из листьев конского щавеля (жамгъ); тмин и барбарис применялись как приправы к мясным блюдам — и т. д., и т. п.

Ели три раза в день: утром, в полдень и вечером. Основная нагрузка падала на ужин. Завтракала семья рано, в 5 — 6 часов. Завтрак обычно состоял из холодного, вчерашнего хинкала (хо-кIа) с сыром, иногда этот хинкал ели с разогретым бульоном, в котором он варился, сбавив его чесночной приправой; в полдень ели тот же хинкал с сыром или толкно (аьгъоь) с сыром, с кислым молоком (кIатих), с сывороткой (нигъа) и др. На вечер готовилось горячее блюдо: хинкал с чесночной приправой и сыром, иногда с поджаркой из кусочков курдюка (зиза мигъ) или жира (магдаш хучI), реже с колбасой (ажкъея), курдюком (мигъ), сушеным мясом. На ужин могла быть приготовлена и каша (якъо) — пшеничная (гъатIгIаш якъо), кукурузная (симилдияс якъо) и др. с маслом, чаще с кислым молоком, иногда с натертым в нее сыром. Мясное блюдо готовилось не чаще раза в неделю или к приходу гостей. Если семья была по численности большая, то взрослые мужчины обычно ели вместе, отдельно от них — женщины и малолетние дети. Небольшая по численности семья садилась за трапезу вместе. Члены семьи ели одну и ту же пищу, та-

¹ Там же, С. 269.

кого положения, чтобы женщинам доставалось лишь то, что останется от мужчин¹, не допускалось.

Хлеб семья потребляла редко, готовили его раза два — три в месяц небольшими партиями. Подавался он к столу не часто, обычно с приходом гостя или в ситуациях, когда готовить блюдо было некогда. Кусок хлеба давали обычно набегавшемуся и проголодавшемуся ребенку в промежутках между завтраком и обедом, обедом и ужином (чаще всего с сыром).

Хлеб выпекали на каменной плите, установленной в очаге. Впоследствии ее заменила сковородка. Бежтинцы выпекали и пресный хлеб (баба), и кислый хлеб (начало баба). Пресный шел для повседневных нужд, кислый выпекали в дни свадеб, похорон, в праздничные дни и др. Заквашивали тесто обычно кислым молоком, гораздо чаще, понятно, кусочком заквашенного теста. Для поминальных и праздничных раздач пекли тонкие пшеничные лепешки, смазанные маслом. Если возникала необходимость выпечь значительную партию хлеба (например, для свадьбы), то использовалась специальная общественная печь для выпечки хлеба — ахацо.

Нередко для экономии муки бежтинцы пекли хлеб из смеси пшеничной или ячменной муки с мукой из конских (черных) бобов (гъолилас чIади). Такую традицию — печь хлеб из смесей злаков с добавлением гороховой муки И. Пантюхов отмечал как характерную для Аварии вообще в конце XIX — начале XX вв.²

Готовили бежтинцы и блины (хиц) на топленом масле, из жидко замешанной на молоке муки с добавлением яиц.

Наличие в ежедневном рационе бежтинцев мучных блюд говорит о преобладании земледельческого хозяйства народа. Не случайно как и у других народов Дагестана понятие есть, кушать передается у бежтинцев словами «кушать хлеб» (баба муькъаья). У аварцев, пишет М. А. Агларов, понятие «еда» означает только мучную пищу, а мясомолочные блюда имеют общее собирательное название («даиде жо», т. е. то, с чем едят)³.

О такой примитивной еде, как пожаренные злаки, мы уже говорили. От идеи жарить их на плите до приготовления муки из поджаренного зерна остается лишь шаг и он был сделан еще в энеолите.⁴ В интересующее нас время это архаичное блюдо широко бытовало у бежтинцев. Замешанное в воде или сыворотке толкно (аьгъоь); иногда с накрошенным в массу сыром — повседневная еда подавляющего большинства семей.

Различные каши бежтинцы готовили из круп и муки. Возможно, права проф. С. С. Агаширинова предполагающая, что перво-

¹ Никольская З. А. Из истории аварского жилища // СЭ. 1947. № 2. С. 160.

² Пантюхов И. Аварский хлеб // Кавказское сельское хозяйство. 1901. С. 180.

³ См.: Материальная культура аварцев. С. 247.

⁴ Там же, С. 276; См. также: Котович В. Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 138 — 144.

начально каши представляли из себя ритуальные блюда.¹ Наши этнографические материалы очень часто связывают коллективное поедание каши с тем или иным ритуальным действием. При рождении ребенка его родители готовили для приходящих с поздравлениями женщин кашу из солода (солод — «кья»), которую гости ели с маслом и медом (к концу XIX в. — с сахаром). Из солода же по этому случаю готовили хмельной напиток (зира) и угощали им мужчин. Кроме того, в доме пекли пшеничный хлеб с солодом внутри (кьямпI) и угощали им детей. Ритуальные блюда из солода готовили и другие дагестанцы, например, даргинцы.²

Хинкал готовили из самой разнообразной муки: пшеничной, ячменной, кукурузной. Наиболее древний вариант блюда — это сваренные в мясном бульоне бесформенные кусочки теста, оторванные от общей массы и брошенные в котел. Распространен был также хинкал, нарезанный из раскатанного теста прямоугольными ломтиками размерами 10x5 см. при толщине в 1 — 1,5 см. Со второй половины — последней трети XIX в., когда в хозяйственный быт бежтинцев прочно вошла кукуруза (симилди), бежтинки стали готовить кукурузный хинкал, представляющий из себя диски диаметром 10 — 12 см. Хинкал чаще всего варили на воде (а не на мясном бульоне) и подавали к столу, как уже было сказано, с сыром, кислым молоком, чесночной подливой, поджарками (кайта). С мясом, колбасой или курдюком средняя бежтинская семья ела хинкал не чаще одного — двух раз в неделю.

К блюдам, сваренным в воде, относится и журзе с разнообразной начинкой (шаглинго, хилго гачча). Их делали с сыром, мясом, яйцами и др. Фарш закладывался в небольшие (6x4 см) мешочки из теста, края мешочка лепились. Это блюдо готовили нечасто.

К жидким блюдам, помимо мясных и мучных бульонов, относились и легкие молочные супы с приправой из крапивы. Суп ели с хлебом. Со второй половины XIX в. в рационе бежтинцев все чаще появляются разнообразные супы с картофелем, фасолью, лапшой и проч. (шорпа).

К мучным блюдам бежтинской кухни относятся и пироги (одойлго) с начинкой из мяса (холос одойлго), сыра (кйималис одойлго), крапивы (мидас одойлго) и пр. Они имели форму полукруга (ширина 10 — 12, длина 25 — 30 см.), пеклись на плите, в сковородке, смазывались маслом или жиром.

Бежтинцы издавна имели богатейший опыт и навыки переработки молочных продуктов.

Наипростейший способ переработки — заквашивание свежего молока для получения кислого (айран). Для получения сливок (кьодосгъо — йель) молоко разливали в большие керамические сосуды, оставляли в прохладном месте, в тени и в течение 3 — 4

дней раз в день снимали сверху скопления жира. Сливки наливали в маслобойку (садгъобели). Это был тип деревянного бочонка — долбленки (100x20x30) с большим отверстием сверху — для наполнения сливками и малым боку — для слива жидкости. Бочонки подвешивались к балке и раскачивались. Слитая жидкость шла для изготовления творога и брынзы. Получали масло и другими способами. Снятые с кислого молока сливки могли сбиваться в масло специальной палочкой с ответвлениями на конце или обрабатываться раскачкой керамического сосуда — маслобойки¹.

Снятое молоко шло на изготовление сыра. Сначала его заквашивали сычужной закваской (белI), а после того, как молоко свернется, процеживали его в специальных мешочках, и полученную массу закладывали в рассол (цакIа). Аналогично получали и сыры из неснятого овечьего молока. Поставив на огонь отцуженную сыворотку, кипятили ее, получая массу для третьесортных сыров.

В сезон резки скота на зиму бежтинцы, как и другие дагестанцы, готовили колбасы (анкьея). Для этого промытые овечьи кишки (балго) наполняли фаршем из мяса, жира, приправ (соль, перец, тмин, иногда плоды барбариса). Колбасы 2 — 3 дня просушивали, а затем хранили в спиралевидных связках, подвесив их к потолку. Таким же фаршем наполняли бараний желудок и высушивали его.

Легкие и печень, разрезав на куски, варили сразу же после убоя скота.

Наиболее простой способ приготовления мяса — это его поджаривание на открытом огне. Таким блюдом угощались обычно чабаны, а также и мужчины, собравшиеся отдохнуть и повеселиться на лоне природы.

Каждая семья на зиму заготавливала вяленое мясо. У бежтинцев, как и других дагестанцев, количество заготовленных на зиму бараньих туш (хъамала) служило показателем степени материального благосостояния семьи. Богатые хозяева заготавливали 25 — 30 туш, бедняки по 2 — 3. Тушу рубили вдоль пополам и либо каждую половину вялили отдельно (если туша была невелика), либо половинку в свою очередь тоже разрубали поперек вдвое. Каждый кусок обильно солили и подвешивали в тени, на хорошо проветриваемом месте. Кроме того, в каждом хозяйстве на галерее или в хозяйственном помещении хранились подвешенные, к балке круги нутряного жира (магъа), курдюки и колбасы.

Ели бежтинцы чаще всего баранину, говядину — реже, еще реже — конину. Потребление последней с V — VIII вв. у аварцев резко упало². Изредка потреблялась дичь (тур, козел, заяц и др.).

¹ См.: Материальная культура аварцев. С. 271.

² См.: Золотов К. Н. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности (по остеологическим данным) // МАД. Т. 2. М., 1961. С. 290.

¹ См.: Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. С. 257.

² См.: Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 277.

Из хмельных напитков бежтинцы кроме «зира» потребляли мед, изготовленный из ячменной муки методом брожения. К семейным и календарным праздникам к столу подавалась и чага — напиток горцев Дагестана, известный в этнографической литературе как буза. Кроме того, иногда бежтинцы готовили хмельной напиток из меда, привозили из Грузии сами или покупали у приезжих торговцев-грузин самогонную водку (чагча) и крепленое вино (гъино).

Таким образом, в пище бежтинцев, как и других компонентах материальной культуры, много общего с другими народами аварской группы, с другими горцами и народами Дагестана вообще.

Итак, за многовековую историю развития производительных сил и культурно-экономических связей с другими народами Дагестана и Кавказа, у бежтинцев сложилась своя национальная культура, как нельзя больше соответствующая и степени социального развития общества, и характеру производственных отношений, и естественно-географическим, и природно-климатическим особенностям окружающей естественной среды. Специфика культурно-исторического развития народа заключается в том, что в отличие от большинства других народов Дагестана бежтинцы были связаны не столько с внутренними районами края, сколько с Грузией. Отсюда и неизбежные параллели у этого народа в области материальной культуры. Например, двускатные крыши традиционно не характерны для подавляющего большинства народов Дагестана, также, как и незнакомо ему покрытие крыш основными дощечками. Как и в Закавказье бежтинцы предпочитали вязаную обувь всякой другой, заимствовали у грузин тип маслобойки, одну из разновидностей детской люльки и др. Ряд особенностей и отличительных черт в материальной культуре бежтинцев по сравнению с другими дагестанцами объясняется спецификой их жизни. Так, доступность леса не оставила места для функционирования арочных конструкций, а кратковременность пребывания семьи в хозяйственно-жилом комплексе селения повлекла за собой относительную скудность архитектурного декора и др.

В материальной культуре бежтинцев отразились стародавние традиции земледельческо-скотоводческого хозяйства. Это проявилось и в организации хуторского хозяйства, и в компоновке хозяйственно-жилого комплекса, и в особенностях традиционных построек для хранения продуктов сельского хозяйства, в подборе национальных блюд и проч.

Материальная культура бежтинцев развивалась в тесной взаимосвязи с культурами других народов Кавказа и прежде всего — других народов Дагестана.

ГЛАВА IV

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

В XIX в. бежтинцы находились на стадии развивающихся феодальных отношений с заметной имущественной дифференциацией населения. Начиная со второй половины века в хозяйственно-экономической жизни народа происходят определенные изменения, связанные с замедленным, постепенным, но непрерывным и неуклонным увеличением роли капиталистических элементов. Имущественная дифференциация населения возрастает. Так, например, в конце XIX — начале XX вв. в с. Тлядал жили двоюродные братья Асакалов и Чекмалов. Первый из них был владельцем стар овец общей численностью более 5 тыс. штук. У Чекмалова было много пахотной земли, три десятка лошадей, овой фэтон, до 300 ульев, более полутора тысяч овец¹. В то же время среднезажиточная бежтинская семья имела пахоту на 2 — 3 сабы, 1 — 2 козней, 2 — 3 коров, 3 — 5 телят и бычков, пару быков, 50 — 70 овец. Многие были гораздо беднее, были также и хозяйства, не имеющие овец.

Семья (по бежтински хизан) по своей сущности консервативна, поэтому в общественно-экономической жизни бежтинцев вплоть до 30-х годов сохранялись значительные пережитки патриархально-родового быта. Понятно, что семейный быт народа отражал не только существовавшие тогда социально-экономические отношения, но и обычно проявляющие живучесть пережитки более ранних этапов общественного развития.

В дагестанской литературе долго утверждалось, а в самое последнее время, можно сказать, окончательно утвердилось мнение о малосемейном укладе народов Горного Дагестана с древнейших времен². Однако у этой научно обоснованной и логически выстроенной концепции могут быть и исключения. Наш полевой материал о бежтинцах свидетельствует в частности, что по крайней мере в конце XVIII — начале XIX вв. большесемейная организация была знакома исследуемому народу в ее классической форме. Функционирование такой организации на последних эта-

¹ См.: РФ ИИАЭ, Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. С. 23.

² См.: Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — нач. XIX вв. (исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988. С. 105 — 107.

пак развития общества объясняется, видимо, ее хозяйственно-экономической целесообразностью. Наш полевой материал, позволяющий говорить о большой семье у бежтинцев, в то же время не дает возможности судить о количественном соотношении указанных семей. Надо полагать, тем не менее, что их было не мало. Несмотря на известные сдвиги в социально-экономическом развитии, натуральные и полунатуральные формы хозяйства у бежтинцев в этот период преобладали. Как известно формы эти — пытательная среда для большесемейных организаций. Кроме того, бежтинцы традиционно вели многоотраслевое хозяйство, при котором отдельные члены семьи были заняты в хозяйстве непосредственно в селении, другие — на хуторах, а третьи отправлялись на заработки в другие области края или за его пределы. Подобным формам хозяйства соответствовали практически рациональные и апробированные формы семейной организации. Уточним, что и в указанный период у бежтинцев численно преобладали малые семьи, а о большой семье и ее формах можно говорить как об остаточном явлении. Причем, полевые данные свидетельствуют, что большесемейные организации бежтинцев относились к третьему по Д. А. Ольдерогге типу большой семьи, а именно характеризующимися совместным проживанием и сочетанием обособленной собственности с остатками общей¹. Такая община возникла еще в эпоху родового строя и, проявив необычайную живучесть, продолжала функционировать на более поздних этапах развития общества. «Семейная община, — писал М. С. Косвен, — оказывается консервативной общественной формой, которая иногда надолго, иногда в условиях даже развитого классового строя сохраняет и воплощает в себе пережиточные первобытнообщинные начала.»² Состав такой семьи мог складываться из трех — четырех поколений.

В XIX в. лучше сохранилась другая, своеобразная форма семейной организации, известная в этнографической литературе под названием «неразделенная семья». Организована она была по следующему принципу: часть семьи (т. е., собственно, одна ячейка) оставалась в селении для присмотра за домом и ведения хозяйства в селе, другая семейная ячейка в это время могла находиться на хуторах, а третья отправлялась вместе со скотом на летние пастбища в Кахетию или на местные дальние пастбища. При этом у каждой семейной ячейки было свое имущество (одежда, утварь и др.); частью скота каждая из них тоже владела самостоятельно. Общими были земельные угодья такой семьи (пашни, сенокосы, иногда участки леса), большая часть скота, а также все жилые и хозяйственные постройки. Урожай с пашен распределялся между ячейками главы семьи. Поскольку семья бежтинцев, как и дру-

¹ См.: Д. А. Ольдерогге. Иерархия родовых культур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 15 и др.

² Косвен М. О. Семейная община // СЭ, 1948. № 3. С. 12.

гих народов Дагестана, строилась на основе патрилокального поселения, главой ее обычно был старший мужчина, чаще всего отец нескольких братьев либо старший из последних. В конце 20-х годов Г. Ф. Чурсин писал о живущих под одной кровлей и ведущих общее хозяйство семьях у аварцев в отдельных районах.¹ В с. Бежта к таким семьям относились: четверо братьев (Махмуд, Идрис, Джабраил и Таваров) с женами и детьми всего 22 человека), составлявших одну семью во главе с их отцом Магомедом; братья Сали и Гаджи с женами и детьми (11 человек) во главе с отцом и матерью (Дибирмагомед и Зулум); трое братьев с женами и детьми (всего 14 человек; кроме того у старшего из братьев было два внука) во главе с матерью и отцом (Курбан и Абидат) и др. В с. Тлядал: глава семьи Иса и шесть его сыновей — Рамазан, Иса, Магомед, Нажмудин, Идрис и Али — вели общее хозяйство. Все сыновья, кроме Исы, были женаты и имели детей, численность семьи достигала 30 человек; Али, сын Шахбана, вместе со своей женой возглавлял семью из 18 человек, состоящую из трех женатых сыновей и их детей — и т. д. Как мы видим, отдельные формы семейной организации к исследуемому периоду у бежтинцев были представлены т. н. неразделенной семьей, бытовавшей опять-таки в силу ее хозяйственно-экономической целесообразности. Глава семьи распределял работу среди мужчин и имел предпочтительное право голоса при распоряжении общим имуществом или собственностью. Во всех остальных случаях он обычно пользовался лишь правом наставлять и давать советы. Как отмечает М. О. Косвен², а вслед за ним и другие исследователи³, семья, во главе которой стоит отец, по своей структуре всегда более деспотичнее семьи, возглавляемой одним из братьев. Более детальное половозрастное разделение труда происходило уже внутри семейной ячейки. Такая семейная организация характерна не только бежтинцам и другим народам Дагестана, но и многим народам Северного Кавказа⁴, осетинам, например⁵. В данном случае их характеристика полностью совпадает, на наш взгляд, с определением Я. С. Смирновой для подобного типа семей на Северном Кавказе: «Перед нами семьи не большие и не малые: это семьи переходного типа.»⁶ Такие семьи сохранились главным образом в среде зажиточного крестьянства⁷.

¹ Чурсин Г. Ф. Авары: Этнографический очерк // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65. С. 27.

² См.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961. С. 107.

³ См.: Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX — XX вв. М., 1983. С. 33.

⁴ Там же. С. 24 и след.

⁵ См.: Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 1967. С. 209.

⁶ Смирнова Я. С. Указ. соч. С. 28.

⁷ См.: Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — нач. XX вв. М., 1985. С. 30.

Основной формой семьи была малая семья — несложная и сложная, (а последняя — однолинейная и многолинейная¹). Несложная состояла из отца, мужа (або, беттерган), матери, жены (ийо, ахьо) и их детей (кьоа, сын — ожо, дочь — кид); сложная включала в свой состав кроме того одного или обоих родителей мужа (дед — абор або, бабка — абойо) или неженатого брата мужа, незамужнюю его сестру (брат — ис, сестра — иси). Таким образом, малая семья по численности могла насчитывать от 3 до 7 — 8 человек. Такие семьи во всех сезонных перемещениях по большей части участвовали целиком: вместе жили в селении, вместе зимовали на хуторах, всей семьей со скотом перемещались на дальние пастбища или в Грузию и т. д. Члены семьи подчинялись мужчине — главе, каждый из домоладцев принимал посильное участие в хозяйственной деятельности в рамках установленной традицией половозрастного разделения труда. На взрослых мужчинах лежали обязанности по защите семьи и имущества от посторонних посягательств, в земледелии — по пахоте, севу, обмолоту, помолке зерна, в скотоводстве — в выпасе скота, его, пегоне, лечении, стрижке овец и т. д. Женщины смотрели за домом, готовили, стирали, держали в порядке дом и хозяйство, смотрели за детьми; они делали прополку и убирали сорняки, жали и вязали снопы, веяли зерно; доили коров и готовили молочные продукты, задавали корм скоту и проч. В домашних промыслах за женщинами оставалось прядение, ткачество, вязание шерстяных изделий, шитье, вышивка, выделка войлока; остальное — выделка овчины и кожи, обработка дерева, камня и металла и др. считалось мужским занятием.

В целом бежтинка, как и любая другая женщина Нагорного Дагестана, в домашнем хозяйстве была занята в гораздо большей степени, чем мужчины, что не раз отмечалось авторами².

Мальчики и девочки выполняли по дому и хозяйству посильную работу, при этом дифференциация была строжайшей. Считалось, например, совершенно недопустимым, чтобы девочка садилась верхом на коня, брала в руки косу, выпасала домашний скот на присельских пастбищах и т. д.; унижительным для мальчика считалось ходить за водой, брать в руки веник, тряпку, чиглу, возиться с кухонной утварью и проч.

Взаимоотношения в семье строились на высоком авторитете главы семьи, на принципе почитания старшего по возрасту и авторитетной предпочтительности мужчины перед женщиной. Последнее ярко иллюстрируется, например, фиксированным адатом

¹ См.: Бромлей Ю. В., Кошуба М. С. Семья и брак у народов Югославии. М., 1982. С. 27.

² См., напр.: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, кн. 1. СПб., 1871. С. 551 и др.; см. также: Цадаса Г. Адаты о браке и семье аварцев в XIX — начале XX вв. // Памятники обычного права Дагестана XVII — XIX вв. М., 1965. С. 60 и др.

бежтинцев: «За убийство женщины 1/2 диата, за убийство ребенка мужского пола полный размер диата.»¹ Отношения эти кодифицировались сводом обычноправовых норм — адатом и положениями мусульманского права — шариата.

Слово главы семьи, старшего, было законом для остальных домоладцев и не столько потому, что послушание вело за собой наказание, а в силу сложившегося авторитета силы общественного мнения. Главе семьи оказывалось подчеркнутое уважение всеми домоладцами, повседневно и во всех случаях жизни. Его почтительное приветствовали, уступали место, старались, чтобы при общении с ним речь была кратка и деловита, ему подкладывался за столом лучший кусок, отводилась лучшая постель и т. д. Почти такое же отношение было у братьев и сестер по отношению к старшему брату (к старшим братьям). Отношения между взрослыми сыновьями и матерью были более сердечны, хотя и здесь совершено исключались открытые проявления привязанности и нежности. Сестры старались угодить братьям, добиться от них знаков молчаливого одобрения — даже если были на несколько лет старше брата.

Мать в семье тоже пользовалась известной властью, особенно в отношении дочерей. Невестка в малой сложной семье была в особом подчинении у свекрови (укьо мийо) и золовок (беттергальлис иси).

Особое положение старших членов семьи по отношению к младшим, подчеркнуто высокое положение главы семьи — вовсе не означает безграничной и деспотичной власти первых над последними. В рамках патриархального уклада такие отношения представляли собой действенный механизм социальной организации и материального производства. Своей властью и особыми правами глава семьи пользовался исключительно на благо семьи, стараясь поступать рационально и справедливо. Именно знание жизни и вытекающие отсюда рациональные решения, а также неуколебательное следование устоявшимся морально-этническим нормам делало авторитет старшего непререкаемым.

Конечно же, устраненность женщины из сферы общественного производства² усугубляло ее зависимость от мужчины. Тем не менее, жена, хозяйка дома пользовалась не только определенными правами, но и уважением. С ней первой советовался глава семьи, решая те или иные общесемейные вопросы, будь то бытового или хозяйственно-экономического характера. Не только рукоприкладство, но даже ссора с женой, грубый окрик в ее адрес считались для мужчины унижительным. В присутствии женщины, родственницы или односельчанки — мужчины, по нормам народного этикета, не допускали грубых шуток; скабрзных выражений, дву-

¹ Бежтинские адаты // Из истории права народов Дагестана (материалы и документы). Махачкала, 1968. С. 75.

² См.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 253 и др.

смысленности и т. д. Работая в селении или на хуторе, либо отпочковывая с мужем, с семьей на дальние пастбища, жена (женщина) несла на себе значительную нагрузку в хозяйстве. Не случайно в своде бежтинских адатов появился пункт, защищавший интересы женщины и гласящий: «Кто по окончании работы без причины разведется с женой, с того взыскивается 3 меры лишеницы, 3 меры ячменя и половина хлеба с его посева.»¹ Осора мужчин, брань, сквернословие в присутствии женщин адатными нормами совершенно не допускались. Неприличным для мужчины считалось также повышение голоса на детей или нанесение им побоев.

По адатам бежтинцев имуществом семьи полностью распоряжался отец. «Завещанием отец их трех сыновей может сделать наследником одного или отдать имение постороннему» — читаем мы в «Бежтинских адатах».² «Дарение возможно по отношению к недвижимому имуществу даже при существовании законных наследников» — записано чуть ниже.³

Хотя глава и считался единоличным распорядителем имущества семьи, однако, более или менее значительные хозяйственные вопросы он как правило решал, как уже отмечалось, посоветовавшись с женой, часто — со старшими детьми. Исключение составляло имущество, лично принадлежащее старшим членам семьи (одежда, оружие, украшения и др.), а также все полученное женой в качестве приданого. Адатско-шариатские нормы раздела наследственного имущества в Дагестане унифицированы не были. По адату вдове и дочерям ничего не полагалось, а по шариату вдова получала восьмую часть имущества; свою долю получали и дочери, т. е. четвертую часть от доли сына. По унифицированным под непосредственным влиянием шариата адатам бежтинцев мужчина при разделе имущества получал часть двух женщин. При этом жена имела права на половину того, что причиталось мужчине только в том случае, если у нее имелись дети, а если нет, она получала лишь четвертую часть.⁴ После смерти главы семьи дом обычно наследовал младший сын, с которым оставалась и мать, а старший из сыновей, обязанный больше других нести материальные расходы при женитьбе братьев и замужестве сестер, кроме своей доли получал и добавку — «долю старшего брата». При живом отце сыновья без его согласия не отделялись. Общественное мнение резко осуждало нарушителей этой адатной установки.

Выходя замуж, женщина нередко получала в подарок от отца, старшего брата, дяди и др. корову, телку, несколько овец и др., а также участок сенокоса или пашни (бопин). Включение в состав

¹ Перевод с арабского о существующих в Бежтинском округе адатах // Из истории права народов Дагестана (материалы и документы). Махачкала, 1968. С. 60.

² Бежтинские адаты. С. 71.

³ Там же. С. 73.

⁴ Перевод с арабского... С. 61.

приданого земельного надела и скота было характерно для народа с господством малой семьи, как формы семейной организации. Тем не менее, считаясь полноправной владельницей такого имущества, женщина с другой стороны была лишена права распоряжения им без согласия мужа отца, брата¹. Все же факт владения определенной недвижимостью придавал бежтинкам, как и другим горнякам, чувство независимости, уверенности в завтрашнем дне.

Особое место в отношениях членов семьи, а также и в межсемейных отношениях, занимали обычаи и нормы, известные в этнографической литературе как «семейные запреты», «обычаи избегаения», «ограничительные отношения». Вся эта совокупность запретов обычно характерна для народов с покупными формами брака. Бежтинцы, как и другие горцы Дагестана, в рассматриваемый период калыма не знали, а сохранность в пережиточном состоянии отдельных элементов запретов и избегаений видимо отчасти объясняется отголоском стародавних традиций, когда подобные формы имели место. Так, по поведенческим нормам, супругам, особенно молодым, предписывалось сдержанное отношение друг к другу в присутствии посторонних. Демонстрация любви и привязанности между супругами совершенно не допускалась. Считались неприличными частые упоминания мужа или жены при беседе с односельчанами. Если восхваление женой человеческих качеств своего мужа в народе не поощрялось, то хвалебные характеристики в адрес жены считались верхом неприличия. Если кроме супругов в доме находился еще кто-либо (член семьи, родственник, сосед и др.); считалось совершенно недопустимым уединения мужа и жены, даже кратковременное. Считались неприличными пространные беседы супругов при третьем лице (третьих лицах): в таких ситуациях обращаться друг к другу было принято лишь в крайней необходимости, да и то в форме короткого, сжатого по времени диалога или монолога. Выражения «мой муж», «моя жена» считались неприличными и в обыденном разговоре подменялись словами «отец моих детей», «наш старший», «хозяин», «мать детей», «эта женщина», «хозяйка», «семья» — и др. Следуя стародавним обычаям, отец в присутствии посторонних обычно не брал ребенка на руки, не ласкал. Интересно отметить, что все это, правда, в сдержанной манере, дед мог позволить по отношению к внуку и любой мужчина — по отношению к детям родственников и односельчан. Проявляя в свою очередь некоторую сдержанность по отношению к детям при посторонних, мать в общении с ними чувствовала себя более свободно. Дети со своей стороны тоже воспитывались в требованиях сдержанного отношения к родителям, особенно к отцу. Невеста или молодая жена всячески избегала встреч и контактов с мужчинами — родственниками жени-

¹ См.: Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 146 и др.

ха или мужа (в последнем случае — до первого ребенка). Такие же избегания приписывались и жениху или новобрачному по отношению ко всем родственникам и родственницам невесты или жены (до первого «официального» посещения вместе с молодой женой ее родителей):

Происхождение и исторически длительное функционирование семейных запретов и избеганий видимо связано с пережитками переходного от матрилокальности к патрилокальности периода. Пережитки эти, соответствовавшие патриархальным формам в семейных отношениях, еще больше противопоставляли своего чужому, младшего старшему, женщину мужчине¹ и тем самым выполняли «социальный заказ» общества².

По местным обычаям мужчина мог вступить в брак в 15 — 16 лет, а женщина — в 12 — 14 лет. Однако, хотя браки в таком возрасте и совершались, но были весьма редки. Обычный брачный возраст равнялся для мужчины 20 — 25 годам и для женщины — 16 — 18 годам. Браки по большей части совершались по выбору родителей. Юноша, достигший брачного возраста, мог высказать родителям (через третье лицо, либо намеком, в завуалированной форме) свои пожелания, однако на это в семье не всегда ориентировались. Девушка зачастую тоже была лишена возможности выбора брачного партнера. Тем не менее, браки по взаимному согласию молодых, их взаимной симпатии, любви далеко не были редкостью. Дело в том, что с младенчества, с малого возраста подрастающее поколение постоянно ориентировалось на брачное партнерство в строго определенной среде, и к достижению брачного возраста молодой человек, девушка психологически были подготовлены к «поиску спутника жизни» в определенных тухумах и семьях.

У бежтинцев были распространены те же формы заключения брака, что и у других народов Дагестана³. Однако, прежде чем говорить о них, вкратце остановимся на предпочтительных брачных партнерах и брачных запретах у народа.

Наиболее предпочтительным браком у бежтинцев, как и у других дагестанцев, был внутритухумный брак. Это подтверждает, в частности, и К. П. Данилина⁴. Такой союз давал возможность сохранить имущество родственной группы людей внутри этой группы, способствовал воспроизводству членов этой группы. Господство, или, точнее, преобладание тухумной эндогамии И. Б. Петрушевский увязывал с устойчивостью традиций родового земле-

владения¹. Межтухумным бракам отдавали меньшее предпочтение, но они тоже широко практиковались. В любом случае предпочтение всегда отдавалось внутритухумному браку. Из межджамаатских браков предпочитали браки однонациональные, изредка практиковались межнациональные браки и совершенно исключались браки между иноверцами. Препятствием к браку могла послужить сословная неполноценность партнера. Кроме того, категорически запрещались браки между молочными братьями (гыжкьас ис) и сестрами (гыжкьас иси). В рамках этих и некоторых других предпочтений и ограничений учитывались и личные качества брачных партнеров. К девушке, кроме внешних данных, предъявлялись требования в трудолюбии, скромности; юноша должен был слыть воспитанным и храбрым.

В исследуемый период у бежтинцев пережиточно сохранился изредка соблюдавшийся обычай люлечного и утробного обручения. «Хотя браки обычно заключались по достижению половой зрелости, спор совершался иногда в очень раннем возрасте» — пишет об аварцах Г. Ф. Чурсин². Это обстоятельство подтверждает и Г. Цадаса³. Обычай этот был знаком всем народам Дагестана, о чем в частности писал А. В. Комаров⁴. Был он известен и другим народам Кавказа, например, адыгам⁵. Бытовала такая традиционная форма, как обменный брак: семья иногда ставила условием выдачи замуж своей девушки за кого-либо заключение брака между своими юношей и сестрой претендента. Таковую форму брака С. Ш. Гаджиева⁶ вслед за Никольской З. А.⁷ считает рудиментом стародавних обычаев взаимобрачных связей дуально-экзогамных родов. Пережиточно проявлялись, хоть и не часто, нормы левирата (женитьба мужчины на вдове брата) и сорората (женитьба вдовца на сестре жены; женитьба двух (и более) братьев на двух (и более) сестрах). Указанные формы характерны главным образом для народов с покупным браком, являясь следствием последнего⁸. Пережитком норм покупного брака является и многоженство, хотя и изредка, но бытовавшее у бежтинцев в XIX в. и в начале XX в. Если второй, и тем более третьей женой обзаводился какой-нибудь состоятельный бежтинец, кашархопинец или тлядалец, то де-

¹ Петрушевский И. П. Социальная структура Джаро-Белокавказских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический сборник. Кн. 1: Труды исторической комиссии АН СССР. Л., 1934. С. 208.

² Чурсин Г. Ф. Авары. С. 45.

³ Цадаса Г. Указ. соч. С. 55.

⁴ Комаров А. В. Алаты и судопроизводство по ним // ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868. С. 51.

⁵ См.: Меретуков М. А. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987. С. 134.

⁶ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 182.

⁷ Никольская З. А. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев // КСИЭ, вып. 8. М., 1949. С. 53—59.

⁸ См.: Харузин Н. Н. Этнография. Вып. 2: Семья и род. СПб., 1903. С. 73 — 75.

¹ Подробный разбор теорий происхождения и длительного функционирования избеганий и запретов. см.: Смирнова Я. С. Указ. соч. С. 40 — 44.

² См.: Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988.

³ См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 161 и след.

⁴ Данилина К. П. Этнографическое обследование Дидо // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Д. 7. С. 35.

лал это он в подавляющем большинстве случаев в силу житейской необходимости: бездетности первой жены, ее длительной болезни, необеспеченности хозяйства рабочими руками и др.

Изредка у бежтинцев практиковалось похищение парнем девушки. Прибегали к нему в тех случаях, когда сватающаяся сторона получала отказ, что считалось нанесением кровной обиды. Известны случаи, когда к похищению невесты прибегал молодой человек, желающий иметь в лице родственников жены опору и поддержку многочисленного и состоятельного тухума. Обычай этот, сопряженный с погоней, возможным убийством и последующим кровомщением, распространен не был и в народе не поощрялся.

Чаще (но также весьма редко) бежтинцы прибегали к похищению с согласия девушки. Прибегали к нему влюбленные в тех случаях, когда родители девушки из материальных или сословных соображений отказывали сватавшемуся юноше. Преследование молодых и серьезные инциденты могли последовать и в этом случае.

Если мужчина похищал чужую невесту или жену, то родственники похищенной, (а во втором случае — и родственники мужа) мстили похитителю как кровнику. Если обычное похищение в общем где-то вызывало сочувствие у посторонних людей и преследуемые похитители могли рассчитывать на гостеприимство и покровительство любой семьи, то похищение замужней и сосватанной сочувствия не встречало; в покровительстве и гостеприимстве такому лицу отказывали. Подобные обычаи известны были и другим народам Кавказа².

Жители бежтинских селений помнят и единичные случаи ухода (бегства) девушки к юноше. По нормам обычного права и морально-этическим установлениям юноша (мужчина) в таких случаях должен был жениться на пришедшей.

В первых двух случаях, выждав какое-то время, похититель посылал к родителям и к старшим родственникам девушки своих поверенных, и те обычно склоняли их к примирению.

Бытовали у бежтинцев также и браки по инициативе сельской администрации. Специально утвержденная старейшинами комиссия из 5 — 6 человек периодически составляла списки вдов и вдовцов в селении и на хуторах. Руководствуясь этими списками совет старейшин предлагал вдовствующей паре создать новую семью, что и осуществлялось в подавляющем большинстве случаев.

Наиболее обычной и распространенной формой у бежтинцев был брак по сговору.

Прежде всего родители парня, остановившись на какой-либо кандидатуре, осторожно, через людей, узнавали настроения роди-

телей и влиятельных родственников девушки. Уполномоченные на такие переговоры обычно оперировали инсказаниями, намеками и недомолвками, оставляя на случай отказа возможность для «почетного отступления». В такой же утонченно-завуалированной форме должен был последовать и возможный отказ родителей девушки. Несоблюдение всех этих условностей могло повлечь за собой, о чем уже частично говорилось, самые неприятные последствия. Однако, можно смело утверждать, что не только опасениями возможного возникновения вражды руководствовались при этом люди, а веками устоявшимися представлениями о культуре межличностного и группового общения.

Удостоверившись, что переговоры могут иметь успех, сторона жениха направляла к родителям девушки сватов (числосдобагя). Обычно это были мать молодого человека, тетки по отцу или по матери, старшая замужняя сестра и др. — всего 4 — 5 человек. Пришедших принимали как обычных гостей, угощали повседневной едой, занимали разговорами и проч. Уже перед самым уходом пришедшие, обращаясь к матери, старшим сестрам и теткам девушки, говорили о цели прихода. Сторона девушки обычно делала вид, что такой поворот беседы для них полная неожиданность и как правило отвечала, что лично они против ничего не имеют, польщены вниманием, и ссылались на необходимость посоветоваться с мужчинами. Через несколько дней в дом невесты приходила уже представительная делегация из 7 — 10 человек, возглавляемая отцом юноши. В нее кроме отца и предыдущих сватов входили дяди парня, его старший женатый брат, друг и кто-либо из почетных людей селения. Пришедшие несли с собой баранью ногу или пол-туши барана, сахар, фрукты (свежие или сушеные), сладости. На этот раз все садились за праздничный стол (мужчины отдельно от женщин); разговор уже велся между мужчинами. Согласие могло быть получено тут же, однако чаще всего сторона девушки и на этот раз ссылалась на необходимость посоветоваться с представителями тухума. Утвердившиеся обычаи и понятия о приличии требовали неоднократного посещения сватами родителей девушки. Наконец согласие давалось и назначался день свора. В этот день сваты несли в дом будущей невесты не только продукты, но и подарки наиболее близким родственникам девушки: платки, кисеты, ремни, пояса, отрезы и проч. Прощаясь, хозяева также дарили пришедшим вязаные сапоги, носки, носовые платки и т. д. Здесь же назначался день помолвки. В назначенный день сторона юноши в количестве до 15 человек несла в дом девушки кроме обычных даров еще и специальные подарки для будущей невесты: несколько отрезов, одно — два нарядных платья, два — три платка, нарядную обувь, какое-нибудь серебряное или золотое украшение (браслет, височные подвески, кольцо и др.) Назначался день свадьбы, бговаривались расходы на нее, говорилось о том, где и как будут жить молодые и т. д. С этого дня девушка считалась невестой юноши.

¹ То же и у других народов. См.: Косвен М. О. Указ. соч. С. 66, Перцац А. И. Похищения невест: правило или исключение? // СЭ, 1982. № 4 и др.

² См.: Меретуков М. А. Указ. соч. С. 149.

Описанный сценарий является обобщением стародавних народных традиций и ко второй половине XIX в. имел тенденцию к упрощению. Так, первоначально к родителям девушки семья снохи могла послать сваху, первый официальный визит нередко наносил отец со старшим братом или дядей, другом или почетным лицом селения — и т. д.

До дня свадьбы жених неоднократно посещал свою невесту. Делалось это по-всякому. В одних случаях жених вместе с другом заходил к родителям невесты, которые вскоре под тем или иным предлогом уходили из дома, оставив с пришедшими невесту с подружкой или со старшей родственницей. Все они угощались сладостями, фруктами и др. деликатесами, принесенными женихом. В других случаях жених приходил один, тайком, и его к невесте проводила старшая сестра или тетка невесты, в присутствии которых молодые люди могли пообщаться. Вообще, как пишет А. В. Комаров о бектинцах, «после сговора жениху позволяется посещать невесту во всякое время»¹. Подобные обычаи, известные и другим народам Дагестана и Кавказа², М. О. Косвен считал переходной формой от матриликального поселения к патрилокальному³.

Взаимные одаривания несли на себе социальные функции. «Как и всякий дарообмен в патриархально-родовом, а затем и в ранне-классовом обществе, оно способствовало завязыванию и упрочению связей между такими общественными структурами, как патронимия, фамилия, сельская община, и именно поэтому было кровным делом всех этих коллективов, которые, по обычаю, должны были помогать заинтересованным семьям.»⁴ Это высказывание Я. С. Смирновой в отношении свадебных одариваний у народов Северного Кавказа почти целиком можно отнести и к горцам Дагестана, в частности — к бектинцам. Свадебное одаривание — древнейший обычай, исторически бытовавший в до-классовом мире населения земного шара⁵.

Между помолвкой и свадьбой (бейтен) проходило от месяца до года. Обычное время для свадеб — лето (июнь — июль — август) когда урожай еще не созрел и перегон скота еще не начинался. В досвадебное время в доме жениха готовились к предстоящему торжеству, заботились о жилье и хозяйстве будущих молодоженов, изыскивались средства для подарков невесте и ее родственникам и т. д. Родители невесты также готовились к свадьбе, проявляли заботу о будущем хозяйстве молодых и готовили приданое (богин). В приданое входили комплект постельных принадлежностей (тюфяк, войлоки, одеяла, подушки), кухонная утварь, паласы, а также 2 — 3 платья, столько же штанов, 4 — 5

платков (простые и шелковые), несколько пар вязаных сапог и носков и др. Кроме того, как уже отмечалось, близкие родственники могли подарить невесте корову, быка, телят, овец, а также сенокосный или пахотный участок. В доме девушки собирались обычно ее подруги и 2 — 3 дня помогали ей в подготовке приданого. При этом девушки пели и веселились, угощались сладостями и деликатесами. Невеста во всем этом участие не принимала, сидела в углу грустная и часто плакала. Институт приданого, широко распространенный у народов мира, был прямым результатом распада форм большесемейной организации и утверждения малой семьи.¹

За 10 — 15 дней до свадьбы жениха и невесту приглашали их родственники для увеселительного времяпровождения. Каждый из них (т. е. из молодых) в сопровождении свиты из 8 — 12 человек гостил у своих близких родственников, переходя из дома в дом. Здесь молодежь угощалась различными блюдами, мужчины пили хмельное, все пели, танцевали, веселились и т. д. Для других аварских обществ подобные обычаи описаны Н. Львовым².

В день свадьбы мулла сам или через посредника получал подтверждение согласия на брак. Для совершения обряда бракосочетания жених, в сопровождении дружков и двух свидетелей, шел к дому невесты. Впереди процессии один из товарищей жениха нес шест, увенченный яблоком или яйцом. Любой желающий мог попытаться выстрелом попасть в яблоко или яйцо. Меткому стрелку доставалась награда в виде кувшина хмельного, пол-туши барана, круга сыра и др.; тот кто не попадал, сам должен был принести на свадьбу мясо, сыр, печеные хлебы и проч. Все это же определялось и когда процессия направлялась за невестой, и когда она возвращалась к дому жениха. У дома невесты процессия останавливалась, и в дом входили жених, мулла, доверенное лицо жениха и два свидетеля. В присутствии всех перечисленных, а также дяди или дедушки невесты, мулла спрашивал у молодых людей, добровольно ли они вступили в брак. Жених тут же отвечал согласием, невеста долго молчала, давая тем самым возможность своим подружкам вытребовать подарки (деньги, сладости, сувениры) со стороны жениха. Обычай совершать акт официального обручения молодых в доме невесты С. Ш. Гаджиева считает пережитком былого матриликального брачного поселения³. Уединившись с доверенным невесты и женихом (или с двумя доверенными лицами — от жениха и невесты), мулла совершал брачный обряд (магьар). Здесь же оговаривался размер обеспечения молодой супруги на случай расторжения брака (кебин). До начала XX в. он составлял обычно 30 руб., а с 30-х годов его размер был определен в 3 руб.; кроме того назывался пахотный участок в несколько саб

¹ Комаров А. В. Указ. соч. С. 51.

² См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 173 — 174.

³ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 51.

⁴ См.: Смирнова Я. С. Указ. соч. С. 51.

⁵ См.: Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 197; Брак у народов... Европы.

¹ См.: Косвен М. О. Брак-покупка // Красная Новь. М., 1925. № 2.

² Львов Н. Указ. соч. С. 23.

³ См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 174.

или сенокос в 10—15 выюков. Все названное при разводе по инициативе мужа должна была получить жена. При совершении магара бектинцы соблюдали ряд обычаев, принятых и у других народов Дагестана. Так, во время процедуры жених стоял правой ногой на обнаженном клинке кинжала или сабли. Дом, где происходила процедура, тщательно охранялся дружками жениха, т. к. по народным поверьям, присутствующий при этом недоброжелатель различными действиями (завязыванием узелков, вытаскиванием клинка из ножен и др.) мог навести порчу на молодожена¹.

В доме жениха веселье начиналось с утра. Накрывались столы (вареное мясо, сыр, хлеб, овощи, фрукты, пироги и проч.; буза), принимались гости, играла музыка, бил барабан (зурнач-зурмихъан, барабанщик — дибит-Юхъан). Стол вел опытный тамада (къайюм). Родственники жениха и гости угощались, пели, плясали, произносили тосты, соревновались в остроумии и изяществе высказываний и благопожеланий; здесь же устраивались веселые розыгрыши, импровизированные представления и т. д. Тамада и другие взрослые мужчины строго следили за соблюдением на свадьбе двух неперемных условий: чтобы всем было весело и никто не почувствовал себя задетым, ущемленным, а тем более намеренно обиженным или оскорбленным. Ближе ко второй половине дня из дома жениха к дому невесты направлялась процессия во главе с молодоженом и его дружками. В процессии кроме того находилось человек 20—25 родственников и 8—10 родственников жениха. По дороге люди пели предусмотренные на этот случай обрядовые песни, танцевали. У дома невесты танцы возобновлялись, в них принимали участие и родственники девушки. Девичья сторона к этому времени уже была готова к приходу гостей: столы были накрыты, невеста и ее сопровождение подготовлены. Встречали процессию мать невесты, ее сестры и братья (последние на свадьбе как таковой не участвовали), при этом мать держала в руках зажженную лампу (лучину, светильник). Обычай выполнял двойную функцию: служил средством отпугивания носителей недоброго начала и символизировал зарождение светлой и радостной жизни.Guests с почетом усаживали, угощали. Здесь тоже царил веселье, но по сравнению с торжеством в доме жениха оно было гораздо более сдержанным. Пришедшие женщины передавали матери невесты подарки жениха, несколько простых и шелковых платков, один — два чухту, набор серебряных украшений, нарядную обувь, несколько отрезков ткани и проч. Они оставляли здесь подарки для родственников и родственников невесты: вязаные сапоги, носки, носовые платки, куски материи, кисеты, ножи и проч. Сторона невесты передавала приблизительно такие же подарки родственникам жениха.

¹ См.: Львов Н. Указ. соч. С. 25.

Теперь процессия с песнями и танцами от дома невесты возвращалась к дому жениха. По пути ее несколько раз останавливала молодежь (перегородив улицу бревнами, камнями и проч.), от которой откупались мясом, хлебом, мелочью, бузой. Невеста шла в окружении своих подружек и в сопровождении двух — трех родственников среднего возраста или старшего поколения. Вместе с ними к дому жениха приходили и дальние родственники невесты.

Встречая невесту, мать жениха обнимала и целовала ее, мазала ей губы маслом, давала попробовать меда и др. Эти действия должны были обеспечить молодой на новом месте довольство и радость. Следили, чтобы невеста вошла в дом с правой ноги, чтобы одежда ее не зацепилась за порог или притолоку, чтобы к моменту вхождения невесты в новый дом в нем был затоплен очаг и зажжен светильник, чтобы возможное большинство емкостей в доме было заполнено (водой, молоком, маслом и т. д.), чтобы первый предмет, к которому она прикоснется, был металлическим (железным) и др. Все эти действия, рассматриваемые в этнографической литературе как пережитки более ранних религиозных представлений народа (магия правой стороны, культ огня, культ железа, имитативная магия и проч.), рассматривались бектинцами как неперемные атрибуты свадебного торжества, соблюдение которых безусловно обязательно.

Невесту отводили в комнату молодоженов, жених с дружками удалялся в другой дом. По обычаю он с друзьями находился за праздничным столом у друга или родственника. Хозяин этого дома нес значительные расходы, накрыв столы для жениха и его друзей, которые угощались и веселились здесь весь период свадебного торжества. Обычай этот, названный М. О. Косвенем «в другом доме»¹, широко известен и другим народам.

Пришедших с почетом рассаживали за столом и веселье продолжалось. Невесту обычно сажали в углу, накрыв ее с ног до головы большим шелковым платком, а малым закрыв ей лицо. Дружки зорко охраняли жениха, т. к. по обычаю его могла «похитить» группа мужчин и тогда пришлось бы от них «откупаться» бараном. Такие действия часто практиковались на бектинских свадьбах. Жениха могли выкрасть и женщины, задерживая его у себя до получения «выкупа»². Веселье длилось до вечерней молитвы, для которой она время прерывалось, затем снова продолжалось. Около полуночи в комнате для молодоженов на полу стелили постель, затем туда тайком пробирался жених. До встречи молодых на их постель сажали мальчика (мальчиков), чтобы у новобрачных родился сын. Комната молодых тщательно охранялась, т. к. парни селения всяческими уловками старались подглядеть или подслушать молодоженов (с крыши, у окна или двери, у дымохода и т. д.). Рано утром молодой супруг покидал комнату и уходил к

¹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 53.

² См.: Никольская З. А. Свадебные и родильные обряды у аварцев. С. 195.

друзьям. Веселье длилось еще день — два, во время которого родственники, односельчане и гости одаривали молодых деньгами, одеждой, скотом и т. д. — в зависимости от степени родства и материального достатка дарителя. Как только свадьба заканчивалась, молодая жена могла выполнять по дому какую-нибудь несложную работу. Через 10 — 15 дней родители молодой жены приглашали ее в гости вместе с мужем. Обычно молодые отправлялись в таких случаях в гости не одни, а вместе с родственниками мужа, родными и двоюродными братьями и сестрами, человек 7 — 8. Родители одаривали всех пришедших небольшими подарками, те в свою очередь тоже дарили хозяевам и их близким что-нибудь не обременительное по стоимости. Пообщавшись и угостившись, гости к вечеру уходили домой. С этого времени молодая жена могла свободно передвигаться по селению и выходить за его пределы. Такой обычай, известный многим народам Кавказа, М. О. Косвен классифицировал как пережиток матрилокального брака («возвращение домой»)¹.

На первых порах, особенно до рождения ребенка невестка занимала по отношению к свекрови подчиненное положение и несла значительную нагрузку по дому. «Последняя (свекровь — С. Л.) сваливает все работы на невестку, а сама, ограничиваясь легкими по хозяйству занятиями, помыкает ее, как раба, и заставляет ее испытывать те же страдания, каким сама подвергалась в дни молодости» — писал Н. Львов².

Бездетность у бежтинцев считалась большим несчастьем, рождение ребенка, особенно мальчика — большой радостью. Поэтому, с первых же шагов супружеской жизни молодая женщина прибегала к различного рода религиозно-магическим действиям, якобы способствующим беременности: ношению различного рода оберегов и амулетов, посещению святых могил, поеданию отдельных частей и их частей и т. д. Будущий ребенок становился объектом заботы и внимания не только его матери, но и родни по мужской линии. Беременную старались лучше кормить, не особенно загружать работой, следили за тем, чтобы она не грустила и проч. Если как-нибудь узнавали, что будущая мать хочет чего-то отведать, тут же желаемое ей доставлялось любой ценой. Ряд запретов и действий считался благоприятным для здоровья матери и будущего ребенка. Так, беременной не рекомендовалось есть дичь, корнеплоды, перезрелые фрукты; беременной запрещалось входить одной в темное помещение, смотреть в пропасть, останавливать свой взгляд на уродах и калеках, осмотреть, как режут птицу или скотину и др.; ей рекомендовалось находиться в постоянном движении, почаще днем смотреть на небо, пить как можно больше молока. Как мы видим, рационально-эмпирические нормы поведения будущей матери перемешались с религиозно-магическими.

¹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 77 — 83.

² Львов Н. Указ, соч. С. 17.

Рожала женщина в доме мужа, помогала ей повитуха или вообще старая женщина, имеющая опыт в этих делах. В доме, где рожала женщина, все закрытое, закушоренное, завязанное, заряженное открывалось, развязывалось, разряжалось и т. д. — т. е. совершались приемы имитативной и апотропейческой магии. Если роды были трудными, женщину заставляли подпрыгивать, массируют ей живот, раскачивали, подвязав веревкой к потолочной балке, заставляли переходить через раскаленное железо, через штаны мужа и др. — т. е. опять-таки смесь рационального и магического. Пуговину новорожденному перерезали обычно волосы матери; часть, которая через несколько дней отпадала, заворачивалась в тряпочку и хранилась в доме за притолокой. Когда она высыхала, ее клали в люльку, в изголовье ребенка, а после закапывали где-нибудь во дворе или за пределами дома.

Не менее трех суток мать с постели не вставала. На четвертые сутки она уже принимала женщин, пришедших с поздравлениями.

Когда ребенка впервые укладывали в люльку, собирались родственники и соседи, приносившие с собой небольшие подарки новорожденному или его матери. Кто-либо из старших родственников ребенка, прочитав молитву, укладывала младенца в колыбельку. Под голову ребенку клали обычно острый железный предмет (обрубок серпа, косы, нож, шило и др.). К стойке зыбки подвешивали клыки хищников или бирюзинки, бусинки (сердолика, коралла и др. Пришедшие угощались жидкой кашей из солода. По обычаям бежтинцев в этот же день новорожденный мог быть наречен именем. Имя выбирали родители (обычно имя умершего родственника по отцовской линии), приглашенный по этому случаю мулла шептал его в ухо ребенку и делал соответствующую запись на полях Корана. Для наречения младенца, родители могли собрать гостей и отдельно, в другой день. Рождение мальчика отмечалось как радостное событие семьи, патронимии: резался баран (бараны), готовилась буза, созывались гости и т. д. Рождение девочки как событие проходило скромно и незаметно, в кругу ближайших родственников. Бежтинцы держали детей в двух разновидностях колыбелей: в люльке общедагестанского образца (акЮ) и плетеной, грузинского образца (кед). В люльке ребенок держался до 10 месяцев — года. С помощью особого устройства, типа деревянной повозочки на колесах, ребенок учился ходить. Грудью малыша кормили год — полтора, иногда до двух и более лет: считалось, что кормление грудью полезно для ребенка. Месяцев с шести — восьми ребенка прикармливали молоком и жидкой кашей, а после года приучали к обычной пище. Купали ребенка ежедневно или через день, тело смазывали теплым курдюком или маслом.

Определенные периоды жизни ребенка сопровождалась у бежтинцев обрядами и магическими действиями. Так, когда ребенку впервые подрезали ногти (они собственно не «подрезались», а «отгрызались» зубами, делала это мать ребенка, его старшая

сестра, или тетка по матери), у нескольких мышинных норок подсыпалось зерно; зерно сыпали также на могильные камни кладбища. Полугодовалого ребенка первый раз брили, оставляя немного волос над лбом и над висками. Сбритые волосы (как и ногти) закладывались в пустоты кладки дома; детям селения родители в этот день раздавали орехи, фрукты, сладости. При появлении первых зубов родители ребенка готовили ритуальные блюда из смеси злаков (горо) и раздавали соседям и односельчанам. Когда ребенок делал первые самостоятельные шаги, родители ребенка и его родственники по отцовской линии бросали ему под ноги медную и серебряную мелочь, горсти орехов; сладости, купленные на эту мелочь и орехи раздавали детям селения. Когда у ребенка впервые выпадали молочные зубы, прибегали к обряду, как при стрижке первых ногтей, кроме того, раздавали в селении [«горо»].

В 3—4 летнем возрасте мальчикам делали обрезание (суннат). Обрезание делал специалист, проезжавший с этой целью по округе, или кто-либо из мужчин селения. К этому дню тоже к родителям мальчика с поздравлениями и подарками приходили родственники, односельчане и жунаки из других селений. Накрывался праздничный стол, произносились благопожелания и тосты.

Воспитание мальчиков и девочек было раздельное, хотя до 5—6 лет заметной сепарации полов не наблюдалось. В этом возрасте дети воспитывались главным образом матерью, а также дедом и бабушкой, уделявшими внукам и внучкам значительную часть своего времени. С 5—7 летнего возраста мальчикам постепенно готовили к труду крестьянина и прививали качества воина, а девочке преподносили основы домоводства и навыки работы в поле. К 8—10 годам мальчик был уже активным помощником отца или старшего брата во всех хозяйственных работах, а также умел держаться верхом, постигал искусство владения огнестрельным и холодным оружием. К 15—16 годам это был уже сформировавшийся труженник и воин. Физическому воспитанию детей, особенно мальчиков, уделялось исключительно важное внимание. Мальчиков обучали восхождению на труднодоступные вершины, борьбе, метанию камней и т. д.¹ Девочка к 6—7 годам уже выполняла многие виды работ по дому или в поле самостоятельно, а к 10—12 годам могла во всем заменить взрослую женщину. Большое внимание придавалось морально-этическому воспитанию детей и подростков. Благовоспитанность, благожелательность, открытый нрав, честность, правдивость — эти качества в равной мере прививались и юношам, и девушкам. Кроме того, от юноши ожидалось такие черты, как готовность защищать семью, тухум, джамаат от морального, материального или физического ущемления с чьей бы то ни было стороны; в девушке высоко ценились

скромность и целомудрие. В воспитании поколения принимали участие все без исключения родственники, весь джамаат. Делом, словом, поступком, примером юношам и девушкам с детства прививали традиционные черты характера, настроения, взгляды, ориентации.

Форма семьи, ее состав, внутренние взаимоотношения членов семьи, взаимоотношения семей между собой и многое другое нашло отражение в похоронных обрядах бежтинцев. Давая общую характеристику этим обрядам нужно отметить, что сложные обрядовые действия этого цикла к интересующему нас периоду были заметно исламизированы.

Тяжело заболевшего и умирающего человека по народным традициям было непримично оставлять одного. У постели больного постоянно кто-нибудь находился: домочадцы, родственники, соседи, односельчане. Присутствующие вели обычно живые, непринужденные беседы, стараясь отвлечь больного от печальных мыслей. Неписанные нормы поведения требовали от последнего (особенно от мужчины), превозмогая физические страдания, принимать участие в разговоре, реагировать на остроты, шутки и т. д. Близкие и просто односельчане считали своим долгом послать в дом больного какое-нибудь угощение, кушанье. По нормам народного этикета у ближайших родственников такого больного при встрече в селении или за его пределами прежде всего обязательно справлялись о здоровье хворающего.

Когда час кончины приближался, приглашали муллу, который читал над умирающим молитву.

Умершего тут же обмывали и облачали в саван (мусро). К этому времени могила (шун), как правило, была уже вырыта юношами джамаата и покойного немедленно несли на специальных носилках (лю) хоронить. Как и у других мусульман, у бежтинцев считалось, что тело покойного жаждет погребения, этим и объяснялась в народе поспешность захоронения. Обмывали покойного родственники или умеющие это делать односельчане. Воду, оставшуюся после процедуры, выливали в приготовленную для этого небольшую яму и засыпали ее землей: считалось, что эта влага губительна для домашних животных. Саван шился из белой бязи, сатина, ситца и имел нечетное число слоев, от 3 до 7—9. Хоронили покойного либо в специальной нише в левой стене могилы, либо в невысоком (до 30 см) каменном ящике на ее дне (головой на юго-восток, лицом к югу). Над могилой насыпали невысокий холм, в изголовье ставили каменное надгробье (гъемо) с цитатой из Корана, с именем покойного и датой кончины. После захоронения на кладбище присутствовавшим раздавали садакья.

В доме покойного в это время шло оплакивание. Женщины-родственницы монотонно и с надрывом перечисляли достоинства умершего; упрекали его в том, что он осиротил домочадцев, жаловались на судьбу. Наиболее близкие родственницы при этом рвали на себе волосы, могли поцарапать себе лицо, били по коленям

¹ См.: Дибиров М. Народные игры и спорт в Дагестане. Махачкала, 1968,

ладонями. Обычно в округе было несколько женщин-плакальщиц, которые без всякого приглашения приходили в дом покойного и принимали участие в оплакивании наравне с близкими родственниками. Все это происходило в одной из комнат. Во дворе или на улице собирались родственники умершего (такой сбор назывался бувагъацо) и принимали соблезнования (яже илгееълги). Не только оплакивать покойного, но даже проявлять безутешное горе и большую печаль мужчине не полагалось. Какой бы степени близости не был умерший мужчина, как бы ни велика была боль утраты, он спокойно стоял среди других родственников, принимал соблезнования и даже изредка вставлял в неторопливые беседы свое слово. Забросив все свои дела, какими важными они бы не были, все взрослое население шло к дому умершего и проводило там остаток первого дня и весь следующий день, а многие и третий день после смерти односельчанина. С соблезнованиями обычно приходили значительные по числу группы людей из других, ближних и дальних селений. Особенно много народа собиралось по случаю безвременной кончины молодого мужчины или женщины, юноши или девушки.

Мужчины обычно располагались в ряд или полукругом. В центре стояли родные умершего, справа от них — родственники по мужской линии, слева — по женской. Подойдя к центру и выразив каждому из ближайших родственников соблезнование, вновь пришедший (пришедшие) двигался, ложимая руки мужчинам, от центра направо, доходя до конца, затем снова подходил к центру и двигался уже влево от него. Свойственники покойного, дальние родственники, односельчане и гости составляли отдельно стоящие группы.

Всех пришедших и приехавших из других селений родственники и односельчане покойного разбирали на ночлег по домам. Перед этим домочадцы покойного кормили их горячим мясным блюдом. Для этой цели в день смерти человека его родными сразу же резался бык или несколько баранов. Пришедших из других селений кормили дважды в сутки: утром, после посещения кладбища, и вечером, перед тем, как разойтись на ночлег. Кроме того, в перерывах между этим мужчинам и женщинам раздавали лепешки, куски сыра, мяса и др. Такие же раздачи совершались и на утренних сборах мужчин на кладбище. Каждому, пришедшему с соблезнованием, хозяева дома по окончании трехдневного траура давали по сагъу муки и куску белой материи. Расходы на похороны несла семья покойного, которой оказывали помощь все родственники, соответственно степени родства.

Все это время у могилы покойного мулла читал молитву. Чтение не прекращалось и ночью, поэтому рядом с могилой из войлоков и паласов сооружался род палатки. В доме умершего в течение трех дней устраивали «зикру» — групповое чтение молитв.

По исчислении трех дней люди расходились по своим домам, а затем вновь собирались на 8-й и на 40-й день;

Все мужчины селения не брились в течение 3-х дней. Родственники оставляли бороды на 7 дней, близкие родные не брились 40 дней. Для мужчин траурная одежда не предусматривалась. Женщины в знак скорби и печали в день смерти родственника облачались во все черное. По обычаю траур носили 40 дней, однако чаще всего женщины ходили в черном несколько месяцев, год, несколько лет, особенно если умирал молодой человек.

До конца XIX в., по нашим полевым данным, обязательное число дней траура по покойному равнялось 7 дням. Так как на протяжении всего этого времени не только семье покойного, но даже родственникам и соседям его заниматься хозяйством считалось верхом неприличия, количество дней траура было постепенно доведено трех.

В заключение остановимся на некоторых формах искусственного родства у бежтинцев.

Для пришельца, желающего поселиться в Бежте, Хашархоте или Глядале, существовал ряд препятствий, преодолеть которые мог далеко не каждый. Разрешение поселиться означало бы для вновь пришедшего наделение его правом пользования общинными выгонами, пастбищами, лесами и другими угодьями. Кроме того, получив право общинника, пришелец обретал в лице общинников поддержку и защиту. Поэтому сельское управление неохотно шло на искусственное увеличение семей общины, делая исключение для тех, кто был в состоянии заплатить за право поселения 15-ю баранами или двумя быками, не считая подарков и подношений старосте, старейшинам, мулле и др. Если же пришелец был не в состоянии на такие платежи, он просил какую-нибудь влиятельную семью усыновить себя и, получив согласие, становился членом общины. Семья в большинстве случаев охотно шла на этот акт, т. к. этим самым укрепляла себя и получала дополнительные руки в хозяйстве (по крайней мере на 1—2 года), не говоря уже о подарках от нового своего члена. Акт усыновления для бежтинцев видимо явление нередкое, иначе местные адаты не уделили бы этому вопросу столько внимания, например: «Усыновление само по себе не дает права наследования, но по завещанию усыновитель может оставить имущество усыновленному; брак между усыновленным и дочерью усыновителя дозволен; никаких обрядов при усыновлении не соблюдается»¹.

Начавшийся еще в раннем средневековье процесс ослабления кровнородственных связей и усиления соседских к XIX в. окончательно еще не завершился: родственно-тухумные связи все еще играли значительную роль в общественной жизни бежтинцев. Однако, все большее значение приобретает не лицо, близкое по крови, а товарищ, единомышленник, друг, от которого можно ожидать поддержки и на которого можно опереться во всех жизненных ситуациях. Институт побратимства видимо представлял собой од-

¹ Бежтинские адаты, С. 71.

ну из характеристик переходного периода от родовой, семейной общины к соседской и сохранился как пережиток. К побратимству прибегали мужчины, спаянные крепкой дружбой и повседневным участием в делах друг друга. Ритуал побратимства был прост: при свидетелях или без них мужчины клялись именем Бога и Пророка, что будут считать себя по отношению друг к другу братьями. «Побратимство устанавливается питьем из одной чаши, в которую настругано серебро. Брак между побратавшимися семьями возможен» — записано в «Бежтинских адатах».¹

Известна была бежтинцам и такая форма искусственного родства, как атальчество (уджира)². Суть его заключалась в том, что состоятельный хозяин передавал в другую семью либо ближнего или дальнего селения своего же новорожденного сына или дочь. Между семьями устанавливались близкие, родственные отношения, они обретали в лице друг друга верных союзников. Институт атальчества, возникший как инструмент укрепления правящего сословия, к XIX в., и тем более к началу XX в. сильно трансформировался и выхолостился: главное, что усматривалось теперь в нем — это передача ребенка в другую семью для кормления грудью³. Тем не менее «сей общий по всему Кавказу обычай»⁴ и в указанное время в какой-то мере сохранил свои старые функции, т. е. способствовал укреплению общественного положения отдельно взятых семей, а через них — и родственных объединений.

Итак, мы рассмотрели семью бежтинцев и как социальный институт, и как социально-психологическую группу людей⁵.

Семья и семейный быт бежтинцев, различные семейные обряды в значительной степени отражали условия социального, экономического и культурного развития народа. Поскольку все перечисленные условия для народов Горного Дагестана в общем были приблизительно одинаковы, одинаковыми были и семейно-бытовые отношения бежтинцев и аварцев, бежтинцев и других народов аварской группы, бежтинцев и даргинцев, арчинцев и т. д.

Бежтинцы в XIX — начале XX вв. переживали у себя развивающиеся феодальные отношения в сочетании со значительными патриархально-родовыми пережитками. Отсюда в формах семьи и семейной обрядности сохранность отголосков материнского права, матрилокального поселения, группового брака, рудиментов до-

монотеистических обрядовых действий и др. Значительна роль ислама, наложившего неизгладимый отпечаток на всю сферу семейно-брачных отношений у народа.

Сочетание всех перечисленных и некоторых других особенностей семьи и семейной обрядности у бежтинцев и сформировало ее этническое лицо, позволяющее нам сегодня говорить именно о бежтинской семье, бежтинской свадьбе, бежтинских семейных обрядах и т. д.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

¹ Там же.

² «Атальчество известно под названием «уджира» (по-арабски и по-капучински). Вознаграждение взявшему на вскормление по 50 коп. в месяц, 6 руб. в год. Корм со стороны отца. Брак между семьями, связанными молочным родством, не допускается. На вскормлении ребенок остается 5 — 6 лет» — записано в «Бежтинских адатах». Там же.

³ О сущности, характере и содержании института в Дагестане см.: С. Ш. Гаджиева. Указ. соч. С. 120 — 124; на Северном Кавказе см.: Смирнова Я. С. Указ. соч. С. 107.

⁴ Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // ИГЭД. С. 241.

⁵ См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 24.

ГЛАВА V ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

§ I. Управление

Любое производство на любом уровне своего развития нуждается в регулировании и самого процесса труда, и взаимоотношений коллектива в процессе труда. Отсюда — необходимость аппарата управления, управленческой деятельности, которую классики марксизма в конечном счете относили к производительному труду¹. Изучение традиционных институтов власти и управления приобрело в современной этнографической науке столь важное значение, что в последние десятилетия намечается тенденция выделения специальной субдисциплины — потестарно-политическая этнография, предмет которой — исследование отношений, институтов, системы власти в докапиталистических обществах². Термин предложен Ю. В. Бромлеем и уже успел утвердиться в науке³.

Изучая вольные общества Дагестана, исследователи пришли к мнению о их однотипности с обществами некоторых народов Северного Кавказа. Это мнение основывается на выявлении общих специфических черт социально-экономического развития рассматриваемых обществ: их независимый или полузависимый характер от феодальных владетелей, слабое развитие феодальных форм хозяйства и отношений и специфика организации управления в этих обществах⁴. При этом вопросы организации управления выносятся на первый план при определенной социальной специфике союзов сельских общин⁵ — и теми, кто изучает эти союзы исключительно на

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 25. Ч. I. С. 422.

² См.: Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 241 — 277.

³ Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // СЭ. 1972. № 5. С. 63; Он же. Этнос и этнография. М., 1973. С. 15.

⁴ См.: Анчабадзе З., Робакидзе А. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // Тез. докл. Всес. сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. С. 57 — 58; Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 13—15.

⁵ См.: Умаханов М.-С. К. Взаимоотношение феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махацкала, 1973. С. 7; Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — нач. XIX вв. М., 1988; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. М., 1966. С. 111.

дагестанском материале, и теми, кто рассматривает проблему в общекавказском масштабе⁶.

Хозяйство общины бежтинцев как и во всем Нагорном Дагестане, особенности землевладения и землепользования в ней, оказывали решающее значение в складывании определенной системы управления. Она здесь развивалась по линии саморегулирования, самоуправления и самоконтроля, осуществляемой такой общественной средой, где каждый член общества выступал и как частный собственник пахотных и сенокосных участков, и как совладелец общинных угодий вообще⁷.

Выше мы уже останавливались на вопросах организаций, сущности и управления такой социально-политической единицы, как союз общин, состоящий из нескольких джамаатов.

Каждый из джамаатов представлял собой отдельную административную, хозяйственно-экономическую и военно-политическую автономную единицу. В социальном отношении общество состояло из свободных общинников и их семей. Исключение составляло небольшое по количеству сословно неполноценное население — хъзазах, представленное военнопленными (грузинами, реже — азербайджанцами, армянами) и их потомками. Последние как правило со временем обзаводились своим хозяйством и прочно обосновывались на новом месте. Их особое положение ограничивалось тем, что другие семьи бежтинцев неохотно шли на брачное партнерство с потомками хъзазах.

Семьи объединялись в тухумы («тухум»). В исследуемое время социальные и экономические позиции тухума значительно ослабли: власть тухума над отдельной семьей носила преимущественно традиционно-этический характер, а от былой общетухумной собственности остались лишь кое-где мельницы, хутора, изредко — участки леса. До конца XIX в. у жителей с. Бежта наряду с частными сохранились и тухумные хутора, а что касается Тлядала, то большинство хуторов здесь принадлежало именно тухумам. Даже в 20-е годы текущего столетия Е. Шиллинг отмечал в Тлядале тухумные мечети, участки кладбищ и мельницы⁸. Тем не менее отдельно взятый тухум по отношению к другим и к обществу в целом был выразителем интересов (и их защитником) каждого своего члена, каждой своей семьи. «В этих обществах, — писал А. Берже о юго-западном Дагестане, — не существует различия сословий, но личные качества, или даже связи родственные дают некоторым лицам сильное влияние на целое общество»⁹.

⁶ См. об этом: Карпов Ю. Ю. Народные собрания и старейшины в «ольных» обществах Северной Осетии в XVII — первой половине XIX вв. // Археслогия и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 202.

⁷ См.: Агларов М. А. Указ. соч. С. 206 — 208.

⁸ Шиллинг Е. М. Народы андо-цезской группы // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. I. Д. 56. С. 32.

⁹ А. Д. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 251.

Имущественная дифференциация зашла далеко: семьи одних тухумов были обладателями многосотенных отар овец и коз, стад крупного рогатого скота, десятков лошадей, значительных по площади сенокосов и пашен; в других тухумах семьи вынуждены были наниматься на сезонные работы к более зажиточным хозяевам, уходили на заработки в Грузию, Азербайджан, Чечню, т. к. не были в состоянии прокормиться от собственного хозяйства. Так, например, в XIX в. среди бежтинских тухумов привилегированное положение занимал тухум Ихбакувабаса, богатый и многочисленный, из среды которого выбирали преимущественно старосту, дибира, сельских исполнителей и др. Представители же другого тухума, Абукалал, вынуждены были освоить оружейное мастерство, чтобы иметь возможность прокормить себя. Их изделия, к стати, пистолеты и ружья, славились по всей округе. По преданию некий Гьазилав освоил здесь, на месте, производство и продажу керамической посуды. Богатым и сильным считался в с. Бежта и тухум Анжолал. Наиболее влиятельным тухумом в с. Тлядал был тухум Хасаклалал, разбогатевшая родовая знать которого местным населением именовалась «ханами». Феодализирующаяся местная имущественная верхушка нередко посягала на права и собственность других тухумов. Так, некто Саид (по другому варианту предания — некий Дежи) из тухума Хасаклалал, местный «хан», обладатель значительного числа отар и обширных угодий, сделал попытку захватить часть земель тухума Чахъал в местности под названием Гьолалъ. В столкновении на этой почве были убиты три брата из этого тухума. Четвертый брат, Баларахъ, оставшийся в живых, метким выстрелом уложил Саида, отомстив тем самым за своих братьев и отстояв права своего тухума¹⁰. «Тухумы каждой группы (т. «Верхние» и «Нижние» в сел. Тлядал — С. Л.) между собой живут мирно, но между группами верхних и нижних существуют остатки антагонизма и особенности. Земельные угодья обеих групп были тоже отдельными» — писал Е. М. Шиллинг¹¹.

Близкие родственники по мужской линии, входящие в состав тухума, составляли группы «илос агьлу» — «потомки отцов». В свою очередь «илос агьлу» состоял из групп семей, ближайших по родству и ведущих происхождение от одного предка — «абос билло» — «отцов (-ский) дом»: это семьи братьев и двоюродных братьев по отцовской линии. Название это наглядно свидетельствует о значительности большесемейной организации у бежтинцев, сохранившейся до первых десятилетий Советской власти. Иначе говоря, тухум бежтинцев включал в свой состав патронимию и его подразделения. «Патронимия образуется из разделения одной (большой — С. Л.) семьи, — писал М. О. Косвен. — Эта черта составляет одну из специфических особенностей патронимии¹². Так, тухум Кьогьокьагъалал включал в себя в качестве «илос агьлу» подразделения:

Чулухелал, Шелакъолал, Лахъулал; тухум Маллалал-Арадалал, Айшатилал; тухум Сосаъковал-Раджабилал — Ражаблас, Чадилал, Шапиълал, Шакилал и т. д. «Илос гьлу» и «илос билло» коллективной собственности не имели. В повседневной жизни каждый член общества опирался прежде всего на круг ближайших и близких родственников: в вопросах защиты чести, достоинства, имущества и прав. Тухумная поддержка и тухумная солидарность играли все еще значительную роль в жизни общества.

Все тухумы и их семьи вместе составляли одно общество — джамаат. «Чтобы община обрела действительное существование свободные собственники земли должны сходиться на собрание»¹³. Верховная власть в джамаате осуществлялась, как и в других обществах Дагестана, общим собранием всех мужчин, достигших 15-летнего возраста. «Правление общества народное — читаем мы у М. А. Коцебу, — при решении дел важных участвует весь народ»¹⁴. Руководили собранием старейшины «гьакълучи», которые одновременно были главами тухумов. Их нередко выбирали из числа «биллос къам» — «главы дома», т. е. все еще бытовавших неразделенных семей — «букьо хъызан». Они выбирались семьями, входящими в состав тухума. «Звание это, — писал М. М. Ковалевский, — достигается путем свободного выбора, но часто бывает и наследственным; вообще же в главы тухума выбирается лицо, славящееся энергией, добропорядочностью, красноречием, хлебосольством. Если наследник умершего главы соответствует сказанным условиям, то он бесспорно становится его преемником; в особенности в том случае, если два, три поколения уже пользовались наследственно этим влиянием»¹⁵. Здесь на собраниях, решались вопросы, касающиеся всего джамаата: режим использования пастбищ, отдача их в аренду, организация охраны угодий или границ общества, организация ополчения, общественных работ и т. д. Здесь же рассматривались спорные вопросы имущественно-правового порядка, возникающие между тухумами. Джамаат выбирал исполнителей («эл», «бечелла»), казначея («къам»), чауша («гьил», «магъун»), назначал специальные выборные комиссии. Из представителей старшего поколения назначался наиболее грамотный, мудрый из знавших Коран дибиром (муллоу). Дибир (мулла) выбирался (иногда приглашался из других обществ Аварии) на 2 — 3 года, остальные на — год. «Бечелла» смотрели за порядком в селении (общественным, санитарным), (общественный порядок — «азлу-низам»), передавали жителям частные распоряжения старейшины, следили за их выполнением, наблюдали за соблюдением начала или окончания сельскохозяйственных работ (вывоз навоза на поля, прополка, коковица и др.), фиксировали потравы и т. д. За свою службу они имели право на лучший участок сенокоса при раздачах — жеребьевках их из общеджамаатского фонда, на усиленный пай при

¹⁰ См.: РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 83 — 85.

¹¹ Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 33.

¹² Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 34.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46. Ч. I. С. 470.

¹⁴ Коцебу М. А. Сведения о джарских владениях. 1826 // ИГЭД. С. 140.

¹⁵ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890. С. 140.

мечетских раздачах и, кроме того, получали 1/12 часть штрафных средств и сумм. В с. Бежта обычно выбирали трех исполнителей, в Тлядале — двух, в Хашархоте — одного. Казначей ведал общественной казной, следил за правильным распределением общественных средств, вел записи расходов, ссуд и т. д. Из штрафных сумм он получал 1/10 часть. В обязанности «магъуша» (чауша) входило оповещение жителей селения о решениях старейшин, о начале и окончании сельскохозяйственных работ, работ по благоустройству селения, ремонту мечети, дорог и проч. За службу он получал от 50 коп. до 1 руб. серебром. Вознаграждение члену сельского управления — это, думается, явление позднего порядка:¹⁶ оплачивая услуги должностного лица джамаата, правительство как бы подчеркивало, что оно (лицо) находится на государственной службе. Ежегодно сход выбирал, кроме того, двух человек — «адилла», которые выполняли функции надзора за сельским управлением и в конце года отчитывались перед джамаатом о положении дел в селении.

По сведениям информаторов, вопреки стародавним традициям, старейшины иногда приглашали на сельский сход женщин, обычно представительниц старшего поколения, умудренных жизненным опытом. Происходило это в тех случаях, когда вопрос требовал безотлагательного решения, а подавляющее большинство мужчин находилось на зимних пастбищах Грузии и Азербайджана или на отхожих промыслах. Подобное явление на полевых материалах обнаружено А. И. Исламмагомедовым в цахурских селениях Кальял, Джених, Гельмец и в рутульском селении Борч¹⁷.

Для решения менее значимых вопросов собирался совет старейшин. Он разбирали недоразумения и тяжбы жителей селения, выносил решение о начале и окончании различных видов сельскохозяйственных работ, об очередности выхода на общественные работы, о выделении тухумами людей для охраны общественных угодий и границ общества и др. Любое решение совета старейшин (как и решение схода) считалось окончательным и неукоснительно выполнялось. Кроме сельского схода, писал М. А. Коцебу, дела «... решают избранные ... представители, именуемые старшинами (старейшинами — С. Л.), и именем народа имеют попечение об управлении ... решения принимаются с уважением»¹⁸.

Вопросы, касающиеся круга родственных семей (тухума, патриимии) или отдельно взятой «букьо хъизам», решались на собраниях мужчин этих социальных ячеек.

Как и в других обществах Дагестана, сельское общество бежтинцев выполняло роль коллективного собственника не только общественных, но и частных угодий, членов своего коллектива и да-

же распорядителя (в известном смысле) личного их имущества. Так, по адатам с. Бежта любой хозяин, продавший пахотную землю представителю другого джамаата, штрафовался бараном (или его стоимостью) в пользу общества и по ягненку за каждый день, пока не аннулирует эту сделку. За продажу сенокосного участка чужесельцу виновный платил в пользу общества 40 коп. серебром и по 20 коп. за каждый день, пока не выкупит его обратно¹⁹. По адатам с. Тлядал, если кто-нибудь продаст человеку из другого джамаата сено в период от начала зимы до первой прополки, за каждый проданный тюк штрафуется медным котлом в 2 ратала²⁰.

Дибир (мулла) отправлял религиозные требы, руководил коллективными молениями, заключал магъары, читал заукойные молитвы, следил за благочестивостью и богобоязненностью населения, контролировал поступления заката, отвечал за вакуфные поступления, вакуфное имущество и доходы от них и т. д. Значительная доля вакуфных средств шла для поддержки вдов, сирот, престарелых, оставшихся без кормильца, калек и др. Контроль за правильным распределением средств на эти нужды, а также за вакуфные раздачи местному населению тоже возлагался на дибир (муллу). За службу ему полагалось 1/5 сажь зерна от каждого хозяйства и участок сенокоса в 10 выюков сена (Бежта, Хашархота), либо по 15 коп. серебра с каждого двора (Тлядал). Кроме того, ему полагалась определенная плата за совершение магъар (50 коп.), за отпевание покойника (до 2 руб.), за составление договоров, завещаний и др.²¹. На духовное лицо возлагались также судебно-посреднические функции при имущественных спорах между родственниками, при разборе семейных инцидентов, бракоразводных процессов и проч.

Во второй половине XIX в. царская администрация ввела у бежтинцев, как и на Кавказе вообще, военно-гражданское управление. В 1860 г. образован Бежтинский округ, куда наряду с Хашархотой и Тлядалом входили общества Анцуха, Таш, Тлебел, Томс и др. В 1861 г. Бежтинский округ с центром в с. Кидеро вместе с наибствами и обществами вошел в состав Андийского округа²². К 1865 г. вышел специальный приказ военного министра Милютиня о ликвидации округа и присоединении его наибства к различным округам Среднего Дагестана²³.

Традиционный аппарат сельского управления администрации максимально подчинила своим интересам. Постепенно право участия на сельском сходе было ограничено одним человеком от каждой семьи. Изменились и функции сельского управления. Старшина и старейшины обязаны были следить за настроениями членов

¹⁹ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 95.

²⁰ Там же. Л. 79.

²¹ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 51, 66, 85, 94.

²² Козубский Е. И. Указ. соч. С. 255.

²³ См.: Губаханова Р. А. К вопросу об организации управления Дагестаном во второй половине XIX в. // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 113.

¹⁶ Это мнение разделяет и А. И. Исламмагомедов: См.: Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988. С. 223.

¹⁷ См.: Исламмагомедов А. И. Органы общественного управления и территориально-родственные организации рутулов и цахуров в XIX — нач. XX вв. Махачкала, 1986. С. 33. (Машинопись).

¹⁸ Коцебу М. А. Указ. соч. С. 288.

общества, в корне пресекать поползновения на существующие устои и по необходимости докладывать окружному начальству о проявлениях смуты и недовольства. На сельское управление возлагалась ответственность за своевременный и полный сбор налогов с местного населения, за обеспечение исполнения повинностей по строительству дорог, мостов, за исправное несение повинностей транспортно-гужевой, народно-милицейской, вестовой и др.

Повсеместно были введены должности старшин (старост). Они рассматривались как лица, находящиеся на государственной службе, поэтому преступления против них рассматривались уже не на суде, а у военного губернатора области²⁴. В Бекте, Глядале и Хашархоте исполнительная власть в значительной степени была сосредоточена, как и повсеместно в других обществах Дагестана, в руках этого нового представителя официальной власти «аллашкьям»: без его участия решение джамаата или совета старейшин уже считалось недействительным. Такое же положение вещей после введения в крае военно-народного управления наблюдалось и в других регионах Кавказа. «С этого времени, — пишет Ю. Д. Анчабадзе, основываясь на материалах Абхазии, — все больший вес в делах общины приобретает полицейско-бюрократический аппарат, в том числе старшина, представляющий в селе официальную власть, тогда как права древнего органа народного управления — схода — в значительной степени ограничивались»²⁵.

«Аллашкьям» избирался на два года. На такой же срок собрание выбирало и помощника (заместителя) старосты. Обе кандидатуры утверждались окружным начальством. В то же время функции духовного главы общины администрация сузила до предела. К этому периоду относится наметившаяся с самого начала и неуклонно утверждающаяся тенденция к изменению состава совета старейшин. С поощрения администрации членами этого традиционного института все чаще становятся не главы тухумов, а наиболее зажиточные представители старшего поколения джамаата. С проведением административных реформ 60-х годов XIX в. процесс этот именно усилился, а начало его надо искать где-то в эпохе раннего средневековья. Приблизительно с этого периода начался и заметный процесс имущественной дифференциации населения и тенденция узурпирования политической власти должностными лицами. То и другое Ф. Энгельс считал бесспорными признаками классового разложения²⁶.

Таким образом, традиционный аппарат сельского управления бектинцев обслуживал общество, в социальном отношении находящееся на стадии постепенно развивающегося феодализма. Анализируя подобные общины А. Н. Неуситин пишет: «С одной стороны, она основана на производстве свободных, и равноправных тру-

дящихся субъектов — общинников. — при отсутствии ярко выраженной классовой эксплуатации, а с другой — в ней уже зарождаются черты социального неравенства²⁷. Иной взгляд на проблему и невозможен, если исходить из того, что система управления выступает не только как общественный институт, но и как форма отношений. Всякое управление — это прежде всего и главным образом принуждение.

Пережитки кровнородственных союзов все же играли значительную роль в жизни общества. У бектинцев это давало себя знать в частности сохранением в общине института старейшин, каждый из которых являлся главой тухума и главную свою задачу видел в охране имущественно-правовых интересов тесного круга родственников. Тухумно-родственное поселение уже давно сменилось территориально-родственным, но традиции первого в общественной жизни продолжали играть заметную роль. Отсюда и двойственность форм управления, допускавших существование наряду с сельской администрацией традиционно-тухумную. Однако, их сосуществование для XIX в. можно считать в известной степени гармоничным, т. к. интересы родственных объединений в подавляющем большинстве случаев были подчинены интересам всего общества, общины.

Стремясь с одной стороны упростить и ускорить административные реформы в «усмирном» крае, и, с другой стороны, придать аппарату сельского управления устойчивость и стойкость, царская администрация сочла удобным сохранить его традиционную форму, несколько модернизировав ее в своих интересах. Как отмечает А. С. Омаров, официальные власти готовились к полной замене обычно-правовых норм горцев законами Российской империи²⁸. С 80 — 90-х годов правительством был взят курс на постепенную ликвидацию выборности должностей традиционного сельского управления и ввод по всей области законодательных актов²⁹.

§ 2. СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Уровень социально-экономического развития союза сельских общин бектинцев в интересующее нас время еще далеко не достиг такого положения, при котором появляется специальный аппарат принуждения, именуемый государством. Пережитки патриархальных отношений все еще играли в обществе исключительно важную роль. В жизни коллектива это проявлялось в частности в непререкаемой силе общественного мнения, на котором в значительной степени основывалось соблюдение морально-нравственных

²⁴ Неуситин А. Н. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. № 1. 1967. С. 76.

²⁵ Омаров А. С. Судебно-правовая политика царизма в Дагестане // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 13..

²⁹ См.: Рейнике С. М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб, 1912. С. 6.

²⁴ ЦГА ДАССР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 5. Л. 18.

²⁵ Анчабадзе Ю. Д. Общественный быт абхазов во второй половине XIX — нач. XX вв.: Автореф. канд. ... дис. ... М., 1981. С. 12.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 184 — 185.

и правовых устоев и положений, выработанных в данном обществе. «Общественное мнение, — писал исследователь дигорцев З. Соснев, — для каждого настолько важно, что если бы кто вздумал не считаться с ним и... не соблюдал установленных порядков, он был бы отрезанным от общества членом.»³⁰ Это положение, всеобщее для большинства общин и союзов сельских обществ Кавказа, характерно и для общественного быта бежтинцев. По своему характеру это было идеологическим или психологическим принуждением соблюдения общественных установлений³¹.

Если нарушение тех или иных общественных установлений (вина — «айб») не выходило за рамки интересов тухума, вопрос решался его главой. «Каждый род (тухум) выбирал своего судью» — записано в бежтинских адатах³², где под судьей подразумевается глава тухума, старейшина. В других случаях вопрос решался собранием глав тухумов. В период шамилевских войн (начало 40-х — конец 50-х гг. XIX в.) суд вершили наиб и кадий. Такое положение вещей пришло на смену реформ в судопроизводстве, распространившихся в обществах Нагорного Дагестана, в частности — в обществах Аварии в 10 — 12 гг. XIX в. В результате добровольного вступления в подданство России³³ в сельских обществах функции судей возлагались на 1 или 3 — 4 судей (в зависимости от численности населения) и их помощников, выбираемых сельским сходом из числа глав тухума. Характерно, что при этом глава тухума у бежтинцев стал именоваться «Глакълучи» — «мудрец», «советчик»: подчеркивалось, что он блюститель интересов всего общества, а не отдельно взятого тухума. Понятно, что при таком положении дел роль больших по численности тухумов в общественной жизни еще больше возрастала. Для разбора дел выбранные судьи и их помощники заседали совместно с кадием или муллой, а также старостой и его заместителем. Характерно, что этот же состав (вместе с исполнителями и чаушами) олицетворял собой и сельское управление. «Взаимопревращаемость органов управления и суда, — пишет по этому поводу М. А. Агларов, — хотя и четко разграниченных по функциям, — одна из характерных черт упрощенных форм правления, свойственных самоуправляемым общинам с раздельной собственностью его членов на основе средств производства. Это своего рода неполная дифференцированность органов при полной дифференциации функций.»³⁴

Дела в судах рассматривались открыто, гласно, решение суда обжалованию не подлежало, приговор вступал в силу немедленно. Все это, разумеется, общие положения, принципы судопроиз-

водства, не исключавшие частности. Так, по адатам бежтинцев дела по изнасилованию и уводу (увозу) девиц и женщин разбирались на закрытых заседаниях суда, с привлечением минимума истцов, ответчиков, свидетелей и соприсяжников; для сбора средств на крупные штрафы и компенсации давалось определенное время; лицо, недовольное решением суда, могло потребовать пересмотра дела судом посредников (правда, в последнем случае требовалось обязательное согласие противоположной стороны, т. е. истца или ответчика³⁵ и др. Решение принималось большинством голосов.

В своих решениях суд основывался на нормах обычного права — адатах и мусульманского права — шариата. Говоря словами В. С. Нерсесянца о надстроечных явлениях вообще, адаты «представляют собой одновременно и специфическую форму общественного сознания, и своеобразную форму общественных отношений и связей, и особый вид социальной регуляции, нормативности...»³⁶ Как и в других обществах Дагестана, адаты бежтинцев закрепляли право собственности на средства производства, стояли на страже прав и собственности членов общины, строжайше охраняли общинную собственность. Как правило, виновный («айбияб») в покушении на чужую собственность или как-то ущемивший достоинство и права члена общины, наказывался натуральными платежами (плата — «багъа»). Так, например, по адатам тлядалцев, укравший скот или имущество должен был возвратить хозяину тройне (убыток, вред — «зарал»), зашедший на чужой хутор, когда хозяина не было на месте, платил последнему овцу, даже если при этом ничего и не взял; овцу платил хозяину и тот, кто без разрешения сел на чужого коня, вошел в чужое поле, в чужой (даже пустой) загон для скота.»³⁷ Таких же адатов придерживались и хашархотинцы.³⁸ За покос на не своем участке у бежтинцев виновный платил хозяину барана и ягненка, а если упел вывезти сено — двух баранов. При этом сено он должен был возвратить выюком на спине, днем, к концу пятничного полднейного намаза (т. е. к тому времени, когда масса народа возвращалась из мечети). Бежтинец мог избежать этого публичного позора, уплатив хозяину сверх всего еще трех баранов — и др.³⁹

Как видим в джамаатах бежтинцев были свои, распространявшиеся только на жителей своего селения, на членов своей общины нормы обычно-правового толка. Были и другие своды адатов, которых придерживались джамааты всего союза. Такое положение вещей характерно для союзов сельских обществ Дагестана вооб-

³⁰ Соснев З. Станица Чернаярская // Терский сборник, 1903. В. 5. С. 48.

³¹ См.: Куббель Л. Е. Указ. соч. С. 260.

³² См.: Бежтинские адаты // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 73.

³³ См.: Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 42.

³⁴ Агларов М. А. Указ. соч. С. 182.

³⁵ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 59, 92.

³⁶ Нерсесянц В. С. Право и закон: Из истории правовых учений. М., 1983. С. 33, 331.

³⁷ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 52, 54, 69, 93.

³⁸ Там же. Л. 57, 64, 74, 84.

³⁹ Там же. Л. 60, 82.

ще. Существование общих для нескольких джамаатов адатов спланивало людей на более широком по сравнению с общиной уровне, вырабатывало у них сознание общности и сплоченности.

Адаты (фиксированные) отдельных джамаатов бежтинцев к сожалению не сохранились. В 60-х гг. А. С. Омаровым были обнаружены, переведены на русский язык и опубликованы уголовно-бытовые адаты бежтинцев,⁴⁰ дошедшие до нас в редакции царской администрации, проводившей значительную работу по сбору и записи правовых норм народов Дагестана.⁴¹ Здесь уже натуральная компенсация ущерба пострадавшему, а также штрафы («гъавкъ») за те или иные провинности заменены преимущественно денежным выражением, хотя часто рядом с ним проставляется и натуральный эквивалент, как правило — то или иное число овец или быков. При этом адаты отредактированы таким образом, что при любом правонарушении провинившийся не только удовлетворял потерпевшего, но и платил штраф в счет общественных сумм. Значительная часть этих адатов преследует цель охраны личного имущества членов сообщества. Так, за воровство (вор — «гъулаг», уцдолаг») из дома предусматривался штраф в 3 руб. и двойная компенсация пострадавшему; если кто-нибудь вошел во владения чужого человека без разрешения хозяина — с того взыскивался ягненок; таким же штрафом наказывался всякий, попользовавшийся чужой скотиной (конем, быком) без разрешения хозяина; плюс еще и определенное количество зерна в пользу хозяина: за лошадь или дойную корову — 1 мера, за быка — 1/2 меры и т. д.⁴² Особенно строго оберегалась мечетская собственность. По адатам в этом случае полагалось 12-кратная компенсация, а в другой редакции, по адатам капучинского наибства — 6 руб. серебром.⁴³ Детально разработаны в адатах также выплаты, штрафы и компенсации за увечья и раны (ранить — «лахъ йовал», увечье — «лаьхъ», «охо»). «За отсечение ноги, глаза, уха, носа и руки 1/2 дията (т. е. «цены крови»; то же — если рука или нога в результате ранения не будет функционировать — С. Л.). За отсечение большого пальца 1/2 дията, остальные каждый по 25 руб. За выбитый зуб — по одной корове за каждый». И дальше: «Если пуля навьлет, то мерят расстояние между входом и выходом пули с помощью четырех пальцев, кроме большого, и за каждый палец по 1 руб., если пуля осталась в ране — 1/2 дията»⁴⁴. В поздней редакции адатов читаем: за драку — 2 руб. в пользу общества, а если кто выйдет на помощь — 3 руб.; за нанесение раны величиной в палец — 1 руб., а если рана нанесена неумышленно — 50 коп.; за ларанение головы до мозга взыскивается — 32 руб. если не до мозга — 12 руб. (или соответственно 32

⁴⁰ Из истории права ... С. 59 — 61; 71 — 76.

⁴¹ Там же. С. 9.

⁴² Там же. С. 60.

⁴³ Там же. С. 60, 75.

или 12 овец); за увечье — 5 руб. серебром или одна корова; за сломанную или вывихнутую руку — 2,5 руб. — и т. д.⁴⁴ Здесь мы намеренно остановимся на подробностях, чтобы подчеркнуть особенность обычно-правовых норм: они не абстрактны, всегда детализированы и конкретны, что объясняется исследователями конкретностью и предметностью архаического типа мышления⁴⁵.

Адат стоял также на страже общинной собственности. Ряд обычно-правовых норм предусматривал ощутимые штрафы и платежи за нарушение таких установлений. Так, по адатам хашархотинцев за заселение или распашку общинных пустошей без разрешения сельской администрации с виновного взыскивался бык; при этом строение сносилось, а поле запахивалось⁴⁶. По адатам тлядалцев, кто без соответствующего разрешения рубил строительный лес, штрафовался 1 бараном за каждое срубленное дерево, стволы три этом конфисковывались для нужд общества⁴⁷. У бежтинцев имелись общественные покосы на 4600 саб⁴⁸ (т. е. более 660 ц сена), которые распределялись между хозяйствами ежегодно путем жеребьевки. Существовал и адат, охранявший эти уголья от бессистемной эксплуатации, который предусматривал штраф в одного барана с того, кто до жеребьевки принесет домой оттуда хоть пучок травы⁴⁹. Подобные адаты охраняли также уголья, где бежтинцы были совладельцами (например, пастбищной горой Хивалбусахъ они владели совместно с обществами Жажада, Начада, Тинцлуда и Холоб)⁵⁰, а также земли, расположенные вне территории проживания бежтинцев (например, уголья, расположенные в междуречье Аванис-хеви и Картубанор⁵¹).

Для имущественно-правовых отношений бежтинцев характерно, как и для других обществ Дагестана, право преземции, т. е. предпочтительное право определенных лиц на покупку недвижимого имущества. «...по адату, которого придерживаются кашучи, продажа недвижимого имущества постороннему возможна только в том случае, если родственник по отцу не воспользуется правом предпочтительной покупки. Родственник не знавший о продаже имущества в посторонние руки, может предъявить право родового выкупа...»⁵² Под термином «посторонний» здесь имеется в виду член другого тухума данного джамаата. Иначе говоря, являясь важнейшим звеном социального механизма общества, тухум был

⁴⁴ Там же. С. 75.

⁴⁵ Там же. С. 59 — 60.

⁴⁶ См.: Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979, С. 223 — 224.

⁴⁷ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 77.

⁴⁸ Там же. Л. 68.

⁴⁹ ЦГА ДАССР. Ф. 2. Оп. 5. Д. 73. Л. 150.

⁵⁰ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 81.

⁵¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 513. Л. 43.

⁵² Магомедов Д. М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII — нач. XIX вв. Махачкала, 1975. С. 120. (Машинопись диссертации).

⁵³ Бежтинские адаты. С. 72.

заинтересован в сохранении имущества внутри своего родственного объединения. Продажа недвижимости за пределы джамаата категорически запрещалась. Выше мы уже приводили записанные нами для примера адатные нормы бектинцев на этот счет. В данном случае община, джамаат, выступала как ограничитель права собственности своих членов, сохраняя тем самым в неприкосновенности земельный фонд — условие и основу существования общины как таковой.

До судебно-административных реформ 60-х годов за решением спорных вопросов между джамаатами, а также между союзами общин местная администрация иногда обращалась к ханам. Так, в бектинских адатах читаем: «До времени Шамиля обращались в трудных делах к аварским и казикумухским ханам, которые и умиротворяли их (обратившихся — С. Л.)»⁵³. По нашим полевым материалам казикумухский хан выступал посредником в решении тяжбы тлядалыцев и тушин в отношении угодий, расположенных на территории Грузии.⁵⁴ В тяжбе бектинцев и хашархотинцев с обществами Грузии за владение зимовниками с прилегающими к ним угодьями в местности «Сапиани» посредником выступал аварский хан⁵⁵. За решение вопроса заинтересованные общества платили хану быками, от 1 — 2 до 8 — 10⁵⁶.

Духовное лицо — кадий, мулла, разбирало дело на основе шариата. По установлениям шариата разбирались имущественно-правовые тяжбы между родителями и детьми, между супругами, братьями, сестрами и др. «В духовных своих судах они должны судиться по делам брачным ..., могут же во всех между ними спорах и тяжбах в делах семейных, по разделу имений, по несогласию родителей с детьми и между супругами»⁵⁷. Активно вмешивалось духовенство и в уголовные дела, определяя состав преступления и размер имущественно-денежной компенсации пострадавшей стороне. Указывая на причины такого разделения функций адата и шариата, А. И. Першиц пишет: «В шариате гражданско-правовые нормы более модернизированы, чем отличающиеся по истине варварской жестокостью уголовные»⁵⁸. В частности, адаты капучинцев предусматривают руководство шариатскими нормами при разделе имущества, наследства, о чем мы выше уже говорили.

По согласию сторон тяжбы и конфликты могли быть рассмотрены не на судебном заседании, а посредниками (посредник — аллос), прославившимися мудростью и справедливостью стариками из собственного, соседнего и даже дальнего джамаата. А. В. Комаров называл такой суд «мировой сделкою при пособии посред-

ников, избранных тяжущимися».⁵⁹ По своему характеру, отмечает и А. М. Ладыженский, это были посреднические суды⁶⁰. Решение третейского суда было обязательно для сторон, находящихся в тяжбе. Посреднический суд, надо полагать, одна из древнейших форм судопроизводства — явление характерное и другим народам Кавказа⁶¹. Бектинцы прибегали и такому суду, как уже упоминалось и в тех случаях, когда решение официального суда не устраивало истца или ответчика. «Если приговор не удовлетворяет одну из сторон — записано в адатах бектинцев, — шризывали судей из соседнего селения»⁶². В подобных случаях хашархотинцы и тлядалыцы чаще всего обращались к бектинским старикам, а сами бектинцы — к старикам цезских селений Мокок или Кидеро⁶³.

Одним из пережитков родового судопроизводства у бектинцев было судебное разбирательство, основанное на присяге (присяга, клятва — «гья», «яже»). Эта форма суда получила в Дагестане самое широкое распространение⁶⁴. Прибегали к ней в делах по подозрению, она ограждала судей от недовольства сторон, исключала возможность обвинения их в предвзятости. Подозреваемый в преступлении при отсутствии явных улик и свидетелей (свидетель — «нузь») именем бога и пророка клялся в своей невинности. В зависимости от степени важности дела, подозреваемый приводился к присяге один, либо вместе с одним или несколькими соприсяжниками — родственниками по отцовской линии. Лжеприсяжничество было исключительно редким явлением. «Каждый опасался дать фальшивую присягу, — писал В. Б. Пфаф об осетинах, — чтобы не потерять доверие и уважение общества»⁶⁵. Обратимся к адатам бектинцев. «Если явятся два человека тяжущихся, то по адату нашему требуется, чтобы истец представил свидетелей, а ответчик присягнул, и если истец представит свидетелей, то дело решается в его пользу, если не представит, то ответчик приводится к присяге»⁶⁶. «Тот, кто подозревается в воровстве, должен оправдать себя присягой; но если украденного будет много, то он должен привести 3 или 4 человека, которые бы присягнули»⁶⁷. «При завещаниях и купле необходимо 2 свидетеля (по

⁵⁹ Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. В. 1. Тифлис, 1868. С. 6.

⁶⁰ Ладыженский А. М. Очерки социальной эмбриологии // Записки Северокавказского горского института. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1929. С. 163.

⁶¹ См. напр.: Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССКГ. Вып. 5. Тифлис, 1871. С. 200.

⁶² Бектинские адаты. С. 73.

⁶³ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 89.

⁶⁴ См.: Адаты южнодагестанских обществ // ССКГ. В. 8. Тифлис, 1875; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899; Манай Али-бек. Адаты кумыков. Махачкала, 1927; Памятники обычного права Дагестана: Материалы и документы. Махачкала, 1968; Комаров А. В. Указ. соч. и др.

⁶⁵ Пфаф В. Б. Указ. соч. С. 200.

⁶⁶ Адаты Капучинского наместства // Из истории права... С. 60.

⁶⁷ Там же.

⁵³ Там же. С. 74.

⁵⁴ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 67.

⁵⁵ Там же. Л. 78.

⁵⁶ Там же. Л. 86.

⁵⁷ Копия с записи барона Торнау и Казем-бека «Об устройстве судебного быта мусульман // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14. Л. 28.

⁵⁸ Першиц А. И. Указ. соч. С. 225.

шариату). Если сумма незначительна, довольно одного, при присягающем истце»⁶⁸ и др. Если единственный соприсяжник или один из них откажется присягнуть, то виновность считалась установленной. Дети и женщины к присяге не допускались. Были и другие ограничения. Так, к присяге не допускался тот, кто давал обет не присягать, уличенный в лжесвидетельстве, уличенный в воровстве⁶⁹.

Кроме присяги именем бога и пророка бежтинцы практиковали норму, известную в Дагестане как «хатун таллах»⁷⁰, по-бежтински «мазар». Давалась клятва как очистительный от подозрения в преступлении вариант, но чаще носила характер публично-го обета, обещания, обязательства. Произносилась приблизительно следующая формула: «Если я виновен (если каким-то образом поступлю или не поступлю), пусть моя жена станет для меня запретной»⁷¹. «Кроме присяги на Коране, встречалась еще особая присяга ... «Талак», ... по капучински — мазар. В случае обнаружения лжеприсяги жена не только вправе, но обязана оставить мужа. Сойтись с ним она может только после заключения брака с посторонними и развода»⁷², — записано в адатах бежтинцев.

Как видим, судопроизводство бежтинцев сохранило архаические черты более ранних этапов социально-экономического развития общества.

Для общественного быта бежтинцев характерен и обычай ишкиль (барамта), т. е. насильственный захват имущества должника, не погасившего задолженность в договорный срок (долг — «нагльи»). М. М. Ковалевский считал эту норму всеобщей для Дагестана⁷³. У бежтинцев, как и в других обществах и союзах Дагестана,⁷⁴ внутри джамаатов и внутри объединения ишкиль был запрещен. «Самоуправство в спорах барантования по отношению к неисправному должнику не допускается, но делается обращение к старейшинам соседних селений...»⁷⁵ — говорится в адатах джамаатов. Ишкиль брался не отдельным лицом, а отдельным джамаатом или союзом общин. При этом насильственному захвату могло подвергнуться имущество любого члена общины должника или имущество, принадлежащее общине — должнику. Захваченное возвращалось сразу же после уплаты долга и полагающейся в подобных случаях пени. Так, например, бежтинцы захватили стадо коров общества Годобери и держали скот у себя, пока последние не выплатили задолженность за пользование пастбищем

⁶⁸ Бежтинские адаты. С. 74.

⁶⁹ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 58, 80.

⁷⁰ См.: Комаров А. В. Указ. соч. С. 18.

⁷¹ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 65.

⁷² Бежтинские адаты. С. 74.

⁷³ См.: Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 130 — 133.

⁷⁴ См.: Агларов М. А. Указ. соч. С. 159 — 163.

⁷⁵ Бежтинские адаты. С. 73.

«Гьукка» в 12 овец и пению в одну овцу⁷⁶. Также поступили тлядальцы, захватив имущество Гамзатбека из Гоцо и принудив тем самым последних заплатить недоимку за пользование пастбищами на горе «Отоо» — 10 баранов⁷⁷. Полевой материал свидетельствует о неоднократном взаимном применении обычая бежтинцами и цезами⁷⁸ и т. д. Ишкиль взимался в тех случаях, когда переписка, переговоры, совещания старейшин и посредников результатов не приносили. В подобных ситуациях, как и во множестве других, джамаат и союз джамаатов рассматривали себя (на соответствующих уровнях) как нечто целое, нераздельное, противостоящее другим общественным образованиям и группировкам.

Традиционно бежтинцы были знакомы и с ордалиями, применявшимися очевидно вплоть до шамилевского периода, т. е. первой половины XIX в. Полевой материал говорит о бытовании в указанный период испытания подозреваемого водой или огнем⁷⁹. Не отрицают бытование ордалий, правда, в более ранний период, и бежтинские адаты⁸⁰.

Побитие камнями — один из пережитков родовых отношений. Провинившийся перед обществом его член наказывался всем обществом, его смерть в таких случаях была делом рук всего общества и, следовательно, не могла вызвать кровомщения. Пережиток сохранился до начала XIX в. еще и потому, что соответствовал шариатским нормам, допускавшим подобное наказание в некоторых случаях. «За кровосмешение по шариату — побитие камнями, — читаем мы в бежтинских адатах. За кощунство также побитие камнями.»⁸¹

После административно-судебных реформ сельский суд собирался в состав судей (к 80-м годам в джамаате выбирался только один судья), помощников судей, кадия или муллы и старшины. Все перечисленные выборные должности обязательно утверждались окружной администрацией. Следующая инстанция — окружной суд, высшая — Дагестанский народный суд. Таким образом, любое решение сельского суда администрация имела возможность пересмотреть в ту или иную сторону. Расширились полномочия сельского суда, т. к. члены его были поставлены стражами новых административных, социальных и экономических отношений. Заинтересованная в пополнении джамаатской казны денежными средствами, за счет которых, в частности, содержался весь аппарат управления, царская администрация резко увеличила число денежных штрафов на местах. Так, были введены штрафы за оскорбление («гьакьир овал») должностного лица (до 10 руб.), за

⁷⁶ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 55.

⁷⁷ Там же. Л. 70.

⁷⁸ Там же. Л. 61, 83, 91.

⁷⁹ Там же. Л. 71.

⁸⁰ Бежтинские адаты. С. 74.

⁸¹ Там же. С. 76.

самовольное использование общинных угодий (до 5 руб.), казенных земель (до 25 руб.) и др.⁸². Здесь уместно, на наш взгляд, сравнение: за одно из тяжчайших преступлений с точки зрения бектинцев — изнасилование — адат предусматривал 30 рублевую выплату в пользу пострадавшей⁸³. Сфера приложения шариаата была предельно сужена, кадий или мулла в разборе адатных дел фактически не участвовали. «Отношение русского правительства к горскому адату — писал М. М. Ковалевский, — с самого начала нашего владычества приняло характер решительного и явного покровительства. Причина, побудившая русское начальство к такой политике, лежит в том, что оппозиция нашему владычеству всегда выходила из сфер, благоприятных шариаату»⁸⁴. Слабо выраженные в обычно-правовых нормах понятия «ссуда», «залог» стали активно включаться в местное судопроизводство: постепенное, хотя и очень замедленное проникновение капиталистических форм и отношений в Дагестан не могла миновать бектинцев. Все шире стал практиковаться разбор дел по доносу, все чаще судопроизводство основывалось на показаниях свидетелей. Запись и трактовка местных адатов производится уже не без влияния российского законодательства, например: «Когда муж прогоняет жену, имеющую младенца, последний остается при ней до окончания времени вскармливания, а затем вправе выбрать быть ли ему у отца или у матери.»⁸⁵ (Подчеркнуто нами — С. Л.)

В подавляющем своем большинстве все положения адатско-шариатских норм и судопроизводства бектинцев характерны и для других народов Дагестана. Здесь мы можем говорить о «едином адатном праве Горного Дагестана»⁸⁶ с его вариантами у различных народов, союзов сельских общин и отдельно взятых джамаатов, «следствием чего стало формирование этнографических особенностей в заданных пределах»⁸⁷. «Общий же взгляд на преступление и наказание и на способы доказательства виновности... один для всего Дагестана» — писал А. В. Комаров⁸⁸. Это положение подтверждал и М. М. Ковалевский: «Я считаю также более или менее установленным то общее положение, что несмотря на пестроту племенного состава и разнообразие языков, жители Дагестана придерживаются более или менее одинаковых начал права.»⁸⁹

Итак, живучесть патриархально-родовых пережитков теснейшим образом переплетавшихся в общественной жизни бектинцев с чертами развивающихся феодальных отношений и влияние ис-

лама предопределили одновременное функционирование у них сельско-адатного, посреднического и шариатского суда. Наличие автономных обычно-правовых систем вырабатывало у бектинцев этническое самосознание на джамаатском (община) и союзном (союз общин) уровнях. Адатная система суда была призвана охранять права и имущество членов общины, стояла на страже общинной собственности, охраняла интересы союза. Посреднический суд сохранился как пережиток более ранних этапов социально-экономического развития общества. Исламизация общества и укрепление социальных позиций мусульманского духовенства способствовали появлению шариатского суда, ограниченного в исследуемый период рамками семейно-бытового права. Оставив внешне традиционный судебный аппарат в неприкосновенности, царская администрация максимально использовала его в своих интересах, поставила себе на службу, изменив тем самым его суть и назначение.

§ 3. ОБЫЧАЙ КРОВНОЙ МЕСТИ («РЕЦЕЛ БОИОЛЪИ», «ИОЦЮЮЛЪИ»)

Этот обычай у бектинцев, как и у других дагестанцев, носил характер стойкого пережитка стародавних родовых отношений. «Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести» — указывал Ф. Энгельс⁹⁰. Сословная и имущественная дифференциация общества, черты антагонизма в общественных отношениях, распространение категорий частной собственности обусловили превращение обычая в правовую норму. «Месть из нормы бытовой, — пишет А. С. Омаров, — с появлением частной собственности на скот, землю и рабов становится правовым обычаем и в качестве такового пережиточно сохраняется у различных народов в течение весьма длительного исторического периода»⁹¹. Сохранению обычая и укреплению его позиций в традиционном правопорядке во многом способствовало усиление тухумной организации как важнейшего звена социального механизма общества. Немаловажна здесь и роль культа предков как одной из основ идеологических и морально-этических воззрений общества⁹². По представлениям бектинцев душа убитого (убить — «икъал») не найдет покоя пока не прольется кровь убийцы. Отомстить кровнику значило удовлетворить не только дух погибшего, но и его предков в несколько колен⁹³.

Обычай унес немало жизней мужчин-бектинцев. «В случае смертоубийства обыкновенно делается кровомщение между семействами убитого и убийцы, — писал И. И. Норденстам, — которое нередко простирается на самых дальних родственников и даже на

⁸² Рф ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 4.

⁸³ Бектинские адаты. С. 75.

⁸⁴ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 279.

⁸⁵ Бектинские адаты. С. 71.

⁸⁶ Агларов М. А. Указ. соч. С. 166.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Комаров А. В. Указ. соч. С. 9.

⁸⁹ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 9.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 138.

⁹¹ Омаров А. С. Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ. В. 4. Махачкала, 1966. С. 257.

⁹² См.: Берже А. П. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб. 1879. С. 20.

⁹³ См.: Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 115.

потомство.»⁹⁴ Несколько драматизируя события и сгущая краски, об этом же говорит и А. К. Сержпутовский: «В случае возникновения по тем или иным причинам кровной распри, во взаимном истреблении принимают участие все родственники, весь род одной и другой стороны. Мсть продлжается иногда многие годы; от нее погибают не только семьи, но нередко целые селения.»⁹⁵

Значение и место обычая кровной мести в общественной жизни меняется с развитием общества. Медленное, но неуклонное развитие феодальных отношений и рост имущественной дифференциации внутри общины способствуют перерастанию обычая в развитую систему композиций⁹⁶. Тогда-то, наверное, и появилась в народе поговорка: «Гье гьейд боцона бахъаас» — «Кровь кровью не смывается». Плата за кровь начинает занимать ведущее место в системе композиций и, разумеется, не только среди бегтинцев, но и в Дагестане и вообще на Кавказе.⁹⁷

«Принимаются определенные меры, — пишет А. С. Омаров. — для ограничения кровной мести и утверждения ее альтернативы — уголовных выкупов за деяния, вызывающие право мести, что было выгодно имущим классам. Такая система наказания за убийство выражала неравномерное имущественное и социальное положение членов общества»⁹⁸. Следствие из такого положения вещей — изгнание убийцы, часто — вместе с одним или несколькими родственниками, на несколько лет в другое общество, и детально разработанный обряд примирения (кьа бахъийелъи) и др. Тем не менее, бегтинцы, как и другие горцы Дагестана, зачастую предпочитали мсть как таковую, считая для себя и своего тухума унижительным получение выкупа. Характерен в этом отношении куплет аварской песни, записанный А. А. Ахлаковым, в котором мать так отвечает сыну на просьбу засватать за него девушку:

«Ей-богу, поженю, почему бы нет?,
Если убьешь врага, убившего отца,
Клянусь, сыграю свадьбу тебе,
Если прикончишь кровника отца»⁹⁹

Случалось иногда, — пишет И. И. Норденстам, — что за смертоубийство мирятся на деньги, но это чрезвычайно редко»¹⁰⁰.

⁹⁴ Норденстам И. И. Указ. соч. С. 327.

⁹⁵ Сержпутовский А. К. Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. Т. 25. Петроград, 1916. С. 288 — 289.

⁹⁶ См.: Комаров А. В. Указ. соч.; Адаты Дагестанской области...; Леонтович Ф. И. Адаты Кавказских горцев; Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Т. 2. Одесса, 1883 и др.

⁹⁷ См., например: Гарданов В. К. Общественный строй адыгейских народов. М., 1967; Харадзе Р. Л. Некоторые стороны сельскохозяйственного быта горных ингушей // КЭС. В. 2. Тбилиси, 1968 и др.

⁹⁸ Омаров А. С. Указ. соч. С. 258.

⁹⁹ Ахлаков А. А. Геронко-исторические песни аварцев. Махачкала, 1968. С. 208.

¹⁰⁰ Норденстам А. А. Указ. соч. С. 326.

А вот что пишет о тлядальцах Е. М. Шиллинг: «В тухумном строе Тлядал (капучинцы) существовал до сравнительно недавнего прошлого в деформированном виде институт кровной мести. Кровные отношения возникали главным образом между тухумами верхней и нижней группы, реже между тухумами одной группы и еще реже между агьлу. Цена крови исчислялась 40 ковами. Если примирение не устраивалось, то кровные взаимоотношения заканчивались по принципу «око за око». По решению стариков при отсутствии примирения убийцу без семьи высылали в соседние аварские аулы на срок от пяти до десяти лет»¹⁰¹. Общественное мнение требовало от ближайших родственников убитого немедленной мести убийце. Лицо, проявившее в этом вопросе нерешительность и малодушие, было бы обречено на всеобщее презрение.

Преследованию в качестве кровника подвергался у бегтинцев совершеннолетний мужчина или его ближайший родственник (ближайшие родственники) по отцу. Моральные установки не позволяли непосредственно мстить немощному старику, малолетнему, женщине, тяжелобольному, умственно неполноценному.

Джамаат ни в коем случае не оставался безучастным к вопросам кровной мести. Старейшины на джамаатском уровне, если убийство произошло внутри общины, и на межобщинном уровне, если убийца и убитый — члены разных общин немедленно собирались, совещались, старались найти для убийцы смягчающую вину обстоятельства и прилагали все усилия, чтобы не было нового кровопролития. Нередко благодаря такому своевременному вмешательству дело кончалось в конце концов примирением сторон. «Когда дело об убийстве кончалось платежом и примирением, убийца в старые годы одевался в белый саван с веревкой на шее, позади его вели быка. В этом виде он является к родственникам убитого, которые ждут его в определенном месте, сопровождают его родственники. Подходя к старшему родственнику убитого, убийца говорил ему: «Я перед вами, делайте, что хотите». Родственники убитого могут убить его, но обыкновенно прощают. И в том, и в другом случае следует прекращение мести, бычка режут и начинается угощение» — читаем мы в адатах бегтинцев¹⁰². Разные вариации такого обряда характерны и для других народов Дагестана¹⁰³. Более того, обряд примирения, которому предшествует изгнание убийцы на несколько лет из общины с последующей выплатой «цены крови», в общих чертах схож у большинства народов Кавказа. Например, у кабардинцев и осетин родственники убийцы выплачивали положенную сумму родственникам убитого, им же отдавалось оружие убийцы. После возвращения убий-

¹⁰¹ Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 32.

¹⁰² Бегтинские адаты. С. 76.

¹⁰³ См., напр.: Лугуев С. А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX — нач. XX вв. // Семейный быт народов Дагестана, Махачкала, 1980. С. 81.

цы из изгнания его родственники на свои средства устраивали угощение и, пригласив мужчин тухума пострадавшей стороны, сажались за общий стол¹⁰⁴.

Тяжесть последствий обычая способствовала выработке адатов, регулировавших отношения бежтинских джамаатов между собой и с соседними союзами общин. Таковы следующие соглашения:

1. Между джамаатами бежтинцев (с. Бежта, Хашархота, Тлядал): убийца подвергается преследованию лично, в случае примирения виновная сторона платит семье погибшего 40 быков (либо их стоимость, либо равноценное имущество), бязи на 9 саванов, 5 баранов черных, 5 къяли муки, 30 гиловка топленого масла. Кроме всего — по одному 4-годовалому быку в каждый из остальных джамаатов.

2. Между бежтинцами и цезами: убийца подвергается преследованию лично, цена крови — 40 быков или их стоимость, оседланый жеребец, 10 баранов черного цвета и быка обществу.

3. Между бежтинцами и анцужами: убийца преследуется лично, «цена крови» — быков или их стоимость, сенокосный участок на 10 выюков сена и бык обществу¹⁰⁵.

Среднему в отношении материального состояния хозяйству заплатить адатный выкуп было весьма сложно, почти невозможно. В этом случае, как и во многих других, проявлялась тухумная взаимовыручка. Все семьи родственной группы, в зависимости от степени родства, помогали своему однотухумнику в сборе необходимых в таких случаях средств. В сборе средств для уплаты «цены крови», пишет М. М. Ковалевский о народах Дагестана, участвовали все родственники убийцы, делавшие взносы в зависимости от степени родства¹⁰⁶.

Сразу же после убийства, как уже говорилось, старейшины отправляли убийцу в изгнание, в какое-либо аварское общество сроком на 5 лет. Родственники убитого могли убить там своего кровника (хотя чаще всего им это не удавалось, о чем чуть ниже), но после окончания срока изгнания и примирения жизнь убийцы была уже вне опасности. Изгнанные кровники иногда поселялись с соответствующего разрешения на незаселенных местах какой-нибудь общины, постепенно обустроивались, обретая статус гражданства в новом обществе, обзаводились пашнями, сенокосами и закладывали основы нового поселения. «Жители некоторых селений, — пишет А. В. Комаров, — спасаясь от кровомщения, переходили на другие места и обосновывали новые селения в чужих об-

ществах»¹⁰⁷. В любом случае, обретал ли чужак права гражданства или жил у знакомых, у кунаков, община несла ответственность за его безопасность. Убийство человека, искавшего приют в каком-нибудь джамаате, рассматривалось как оскорбление этого джамаата, а на это редко кто решался.

Примирившиеся семьи, тухумы вступали, как правило, в новые отношения, походившие на отношения родственных семей. Известны среди бежтинцев случаи, когда семьи примирившихся кровников скрепляли узы дружбы брачными связями. Подобное характерно и другим народам Дагестана, например, лезгинам¹⁰⁸.

Члены семьи убийцы и его близкие родственники по установленным морально-этическим нормам должны были оказывать подчеркнутое уважение по отношению к родственникам погибшего. В присутствии любого из них сторона виновного старалась вести себя тихо, скромно, спокойно, чтобы ни у кого не сложилось мнения о демонстрации пренебрежения к пострадавшей стороне.

Для возникновения кровной мести принимался во внимание лишь сам факт убийства. Механизм обычая приходил в действие независимо от того, произошло убийство при нападении или обороне, совершено оно совершеннолетним или ребенком, преднамеренно или нечаянно и т. д.¹⁰⁹ Если кто-либо умирал от нанесенных ран, виновный тоже преследовался как убийца¹¹⁰. Такому же преследованию, в отличие от адатов большинства других обществ Дагестана¹¹¹, подвергался убийца вора, хотя бы последний и был пойман с поличными¹¹². Ряд адатных норм предусматривал выплату дията в случае убийства члена семьи или ближайшего родственника¹¹³. Так, за убийство отца или брата виновный должен был заплатить «цену крови» другим братьям или их детям, а если братьев не было — дядям по отцу; если же родственников отца нет — платить следует родственникам со стороны матери. Убийца жены давал выкуп ее родственникам, даже в тех случаях, если жена была обличена им в прелюбодеянии. Если женщина умерщвляла своего внебрачного ребенка, она платила штраф джамаату и др.

Как видим, хотя кровомщение у бежтинцев и было главным образом делом семьи и тухума, община активно вмешивалась в этот вопрос, во все детали возникшей проблемы, регулируя и упорядочивая и сам обычай и его последствия. «В джамаатах Горного Дагестана, — пишет М. А. Агларов, — кровная мечь, как и множество других вопросов, которые по идее должны были бы на-

¹⁰⁷ Комаров А. В. Указ. соч. С. 44.

¹⁰⁸ См.: Агаширинова С. С. Патронимия у лезгин // УЗ ИИЯЛ. Вып. 14. Махачкала, 1965. С. 32.

¹⁰⁹ Бежтинские адаты. С. 75.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ См., напр.: Памятники обычного права Дагестана; Из истории права народов Дагестана; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа и др.

¹¹² Бежтинские адаты. С. 75.

¹¹³ Там же. С. 75, 76.

¹⁰⁴ См.: Калоев Б. А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 168. Миллер В. Ф., Ковалевский М. М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. Вып. 4. М., 1884. С. 575 и др.

¹⁰⁵ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 407. Л. 69. Инф. Газалиева А. М. М., 1925 г. р., с. Гутатли.

¹⁰⁶ См.: Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 93.

ходиться в компетенции семьи и тухума, перешли в компетенцию джамаата, а семья и тухум превратились в орудие его воли».¹¹⁴

Итак, обычай кровной мести у бежтинцев отражал специфику и уровень их социально-экономических отношений, хозяйственно-го быта и правовых норм народа, характеризовал этику и мораль на определенном этапе его развития.

Процесс разложения патриархальных отношений у бежтинцев в интересующий нас период еще окончательно не завершился, в быту и общественной жизни пережитки этих отношений переплетались элементами, характерными феодализму на начальных стадиях его развития. В этих условиях обычай кровной мести народа все больше развивается по линии замены акта мести выкупными платежами. Этот процесс усугублялся нарастанием имущественной дифференциации внутри общины, дальнейшим ослаблением кровнородственных связей, а также административно-судебными реформами 60-х годов. Число кровников уменьшается, преследованию все чаще подвергается только сам убийца.

§ 4. ГОСТЕПРИИМСТВО И КУНАЧЕСТВО

(Гостеприимство — «гьоболги», гость — «гьобол», кунак — «кумумалис гьобол», т. е. «отцовские гости», «предков гости»). Тесные экономические и политические связи бежтинцев с Грузией, Чечней, Азербайджаном, с цезами, тинухцами, гунзибцами, анцухцами и другими народами способствовали возникновению и развитию дружеских отношений народа на личном уровне, на уровне семей. Из внутривагстанских рынков бежтинцы чаще всего бывали на ботлихском, вследствие чего такие же отношения возникли у них с обществом Технуцал.¹¹⁵ С представителями перечисленных и других народов у бежтинцев складывались отношения гостей и кунаков. Гости делились на несколько категорий: приехавшие впервые; уже бывшие в гостях; случайные гости — односельчане, соседи, родственники, пришельцы из соседних селений и др.; кунаки.

Бежтинцы славилась гостеприимством, любили принимать гостей. Эта черта свойственна и другим народам Дагестана. Так, например, И. М. Анисимов писал, что горские евреи удивительно гостеприимны, с радостью принимают гостей, считают почетным для себя иметь гостя¹¹⁶. Любому гостю хозяин оказывал подчеркнутое уважение, в любое время дня пришедшего приглашали к столу, предлагали отдохнуть, следили, чтобы ему удобно было сидеть, любому гостю хозяин дома или его дочери без просьбы гостя чис-

тили или сушили его одежду и обувь и т. д., т. е. оказывали, чем бы заняты и озабочены не были, самый радушный прием. Особый почет оказывался гостям, приехавшим издалека и впервые оказавшемся в селении. Все лучшее в своем доме и домах родственников хозяин отдавал в распоряжение прибывшего: лучшие напитки, лучшую еду, лучшую постель, отводил ему лучшую комнату и т. д. Впервые в дом хозяина приезжий попадал случайно: либо в этот период на хозяина выпадала очередь по приему гостя, либо хозяин, случайно встретив прибывшего на дороге, в селении, на годекане, проявлял инициативу и приглашал его в свой дом. Последнее не только не осуждалось обществом, но считалось проявлением хорошего тона. Глава семьи находился при приезжем неотлучно, заботясь о его удобствах, развлекая его беседой и занимаясь проблемами приезжего в той степени, в которой последний находил нужным посвятить хозяина. Вечером родственники хозяина приходили поздороваться с гостем, и, недолго побеседовав с ним, расходились. За стол с гостем обычно садился только глава семьи и не столько ел сам, сколько прислуживал приезжему, предлагая ему то одно, то другое блюдо, напитки, следил за тем, чтобы гость насытился. Проявляя сдержанность, гость обычно больше беседовал, чем ел. О себе, о цели приезда гость обычно рассказывал сам, распросы хозяина считались не тактичными. Утром хозяин поднимался раньше гостя, чтобы успеть распорядиться насчет завтрака. Словом, принимая у себя приезжего, бежтинец руководствовался веками практикуемыми в народе правилами приличия, характерными для подавляющего большинства народов Дагестана. Во второй и в последующие приезды гостя, уже обязанного по нормам морали остановиться у того же хозяина, церемоний и условностей было меньше, но общий дух сердечности и радушия, готовность хозяина, отбросив все текущие хлопоты, заняться приезжим, оставались прежними. Хозяин полностью имуществом и честью отвечал за благополучие гостя, эту ответственность в значительной мере нес и тухум хозяина. Исследователи отмечают, что даже в конце XIX — нач. XX вв. в Дагестане и на Кавказе вообще гостеприимство не утрачивает архаических черт, выражавшихся, в частности, в заботе о госте и в ответственности за его жизнь и имущество прежде всего семейно-родственных групп¹¹⁷. За сохранность имущества и личной безопасности гостя отвечал хозяин и его родственники. Претензии материального или морального порядка адресовались ему же, а не гостю. Все это не столько фиксировалось в обычно-правовых нормах бежтинцев, сколько составляло основы их морально-этических устоев. Гость конкретной семьи — это не только гость от-

¹¹⁴ Агларов М. А. Указ. соч. С. 159.

¹¹⁵ См.: Гильденштедт И. А. Географическое положение и статистическое описание Грузии и Кавказа: Путешествие г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 годах. СПб., 1809. С. 129.

¹¹⁶ См.: Анисимов И. М. Кавказские евреи. СПб., 1881. С. 73.

¹¹⁷ См.: Егорова В. П. Из народных традиций Дагестана // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1970. С. 88; Гаглоева З. Д. Общественный быт осетин в XIX веке. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1975. С. 51 и др.

дельного тухума, но и всего джамаата, всего союза общин. Речь идет об «иммунитете чужаков и их имущества и нераспространении на них норм адатов данного общества, т. е. то, что принято называть экстерриториальностью», «вытекающей из полноты собственности на территорию»¹¹⁸ джамаатом или союзом сельских общин. Приезжий, уличенный в уголовных или моральных преступлениях, был неподсуден местному суду: претензии предъявлялись к хозяину, к тухуму, общине, союзу общин. Последние в установленном порядке могли потребовать удовлетворения у семьи, тухума, джамаата, союза сельских общин, к которым относился гость, и сделать это только после выдворения его за пределы своих территорий. Провожая гостя, хозяин сопровождал его до границ своего джамаата, перепоручив представителям союзного джамаата его дальнейшее передвижение. Не случайно адаты многих обществ Дагестана предусматривали штрафы, накладываемые на тех, кто сопровождал приезжего за пределы общинных земель¹¹⁹. Проявляя гостеприимство, бежтинцев исходил не из того, что оказывает кому-то услугу, а из уверенности, что выполняет свой долг. Поэтому любой путник, попавший в беду или преследуемый, мог в любом доме назвать себя гостем и тем самым обрести в лице главы и его родственников участие, кров и защиту. Это общее положение, так или иначе соблюдаемое всеми дагестанскими народами. Например, А. Т. Васильев описывает случай, когда лакец взял под защиту своего кровника, скрывавшегося от преследователей в его доме и получившего таким образом статус гостя¹²⁰.

Куначество, возникшее по М. О. Косвену в недрах материнского рода¹²¹, по сравнению с гостеприимством все же представляло собой последующий этап в развитии общественных отношений. Дружеские отношения между хозяином и неоднократно гостившим у него приезжим перерастали в куначество¹²². Отношение кунаков напоминали отношения близких родственников и передавались по наследству, нередко охватывая несколько поколений. «Абос гьалмагь-вагьлина бечелги гей абькьа ёкьое» — «Друг отца — это богатство, доставшееся по наследству» — говорили бежтинцы. Они взаимно несли наравне с родственниками расходы на свадьбы, похороны и поминках, при сборе средств для выплаты «цены крови», помогали при строительстве дома и т. д. Сохранение и развитие отношений куначества сопровождало веками длившийся процесс ослабления кровнородственных связей и усиления соседских. Иначе говоря, оно являло собой форму искус-

ственного родства близких по духу и питавших взаимную привязанность людей. Не случайно у бежтинцев куначество иногда приводило к побратимству — явление, думается, не столь уж редкое, если о нем упоминается в адатах бежтинцев: «Побратимство устанавливается питьем из одной чаши, в которую настругано серебро. Брак между побратившимися семьями возможен»¹²³. Закономерно, что исследователи общественного быта народов Кавказа подчеркивали значение куначеских отношений для горцев. «Кунак-побратим больше, чем брат» — писал, в частности, Н. И. Березин¹²⁴.

Мы уже подчеркивали, что обычай гостеприимства исторически перерос в одну из характеристик нравственных устоев бежтинцев, в морально-этическую норму. Однако, в XIX в., особенно во второй его половине, с оживлением экономики и торговли, наблюдается злоупотребление обычаем со стороны крупных перекупщиков и торговцев. Остановившись в доме гостеприимного бежтинца и пользуясь правами гостя, они нередко дело поворачивали так, что хозяин, и его домочадцы, зачастую и близкие родственники хозяина в ущерб своему хозяйству неделями были заняты скупкой, продажей и транспортировкой товаров для приезжих. На этот же период падает преднамеренно усиленное налаживание имущей верхушкой куначеских связей с рядовыми хозяйствами. Семьи последних, соблюдая обычай предков, бесплатно или за незначительное вознаграждение выполняли в хозяйстве своего кунака различного вида работы: заготавливали сено, дрова и строительные материалы, убирали урожай, смотрели за скотом и т. п. В этой связи В. К. Гарданов говорит о чрезвычайной гибкости обычая гостеприимства на Кавказе, умеющего приспособиться к новым условиям¹²⁵. О качественном, содержательном перерождении института куначества в период становления и развития феодальных отношений говорит и А. Н. Генко¹²⁶. В целом куначество у бежтинцев представляло собой добровольный и равный союз, основанный главным образом на взаимных симпатиях и дружбе людей из различных обществ. В. К. Гарданов отмечает, что по сравнению с народами Северного Кавказа в Дагестане институт куначества не поднялся до уровня «куначество-патронат»¹²⁷. Думается, что это не совсем точно: изложенные нами выше отношения имущей верхушки к своим менее состоятельным кунакам мало чем отличались по сути от отношений «кунак-патрон» — «кунак-сюзерен». С другой стороны, как отмечают исследователи,

118 Агларов М. А. Указ. соч. С. 101.

119 См.: Адаты аварцев // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59 Л. 37, 99 и др.

120 См.: Васильев А. Т. Казикумухцы // ЭО. № 3. С. 68.

121 См.: Косвен М. О. Аталычество // СЭ. 1936. № 2. С. 56.

122 См.: Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 308; Калоев Б. О. Осетины; Историко-этнографическое исследование. Изд. I. М., 1971. С. 188.

123 Бежтинские адаты. С. 71.

124 Березин Н. И. Кавказ. Петербург, 1919. С. 12.

125 Гарданов В. К. Указ. соч. С. 289.

126 См.: Генко А. Н. Задачи этнографического изучения Кавказа // СЭ. 1936. № 4 — 5. С. 15.

127 См.: Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — пер. пол. XIX в. // СЭ, 1964. № 1.

обычай гостеприимства и институт куначества уже по своей природе предполагают и «право покровительства».

Гостеприимство и куначество бежтинцев, как мы уже отмечали, это явление не локальное, этноспецифическое, а распространенное у большинства народов земного шара, «явление всеобщее, стабильное, вытекающее из родового строя»¹²⁸. Этот особый специфический вид взаимоотношений людей, позволял бежтинцам поддерживать дружеские связи со многими народами Дагестана и Кавказа. Тот очевидный факт, что значительная часть куначеских отношений бежтинцев падает на Грузию, опровергает бытующее мнение о распространенности института на «единомышленников и единоверцев»¹²⁹. Благодаря обычаям гостеприимства любой путник, независимо от сословной принадлежности, национальности и вероисповедования, мог смело отправляться в путь, будучи уверенным, что и в пути, и в пункте назначения он найдет радушие, участие, пищу и кров. «Лезгин (дагестанец — С. Л.) проедет весь Дагестан, не вынимая ни одного абаза» — писал Е. Марков¹³⁰. Поэтому исследователи называют главнейшими характеристиками обычая гостеприимства на Кавказе «право совершенно незнакомого человека остановиться в качестве гостя в любом доме и безусловную обязанность хозяина оказать ему самый радушный прием и представить все необходимое...»¹³¹, что в полной мере относится и к бежтинцам.

С развитием общественных отношений обычай гостеприимства все больше отрывается от кровно-родственной сферы, хотя в основном и питается ею. Это удобная и гуманная в своей основе форма человеческих взаимоотношений была для бежтинцев, как и для других народов Дагестана, средством межнационального общения, взаимовлияния культур. «Можно смело утверждать, что только священный обычай гостеприимства дает возможность проникнуть в эту почти недоступную страну» — пишет А. К. Сержпутовский¹³². Это мнение разделяют и другие исследователи¹³³.

Освященный веками обычай стал для бежтинцев, как и других дагестанцев, формой общений, морально-этической нормой общества, нравственной характеристикой народа.

§ 5. ОБЫЧАЙ ВЗАИМОПОМОЩИ

(Взаимопомощь — «комак», «гагы»). Обычай соседской и кровно-родственной взаимопомощи играл значительную роль в

¹²⁸ Кагаров Е. Г. Гостеприимство древних германцев по Ф. Энгельсу и в современной буржуазной науке // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1935. № 7. С. 219.

¹²⁹ См.: Лиллов А. Указ. соч. С. 71.

¹³⁰ Марков Е. Очерки Кавказа, СПб.-М., 1904. С. 567.

¹³¹ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 36.

¹³² Сержпутовский А. К. Поездка в Нагорный Дагестан. Петроград, 1917. С. 6.

¹³³ См.: Анисимов С. Кавказский край. Путеводитель. М.-Л., 1928. С. 11.

жизни бежтинцев. «Коллективная форма работы, возникшая в далеком прошлом, как неперемненное условие существования определенной общественно-хозяйственной группы людей — рода, тухума, общины — со временем становится обычаем взаимопомощи»¹³⁴. Возник обычай на основе коллективной трудовой деятельности в недрах общинно-родового строя в условиях общественного характера производства и потребления. Видоизменившись, обычай продолжал функционировать в обществе, где господствующей формой семьи установилась малая семья, выступавшая собственником в сложном социальном организме, где кровно-родственные отношения переплетались с соседско-общинными, а пережитки патриархальных — с формами феодальных. Сохранению обычая у бежтинцев, как и у других народов Дагестана, способствовало исторически сложившееся здесь многоотраслевое хозяйство, где земледелие, скотоводство, а также домашние ремесла и промыслы требовали значительной затраты времени и труда. Обычай органически вошел в систему хозяйственно-общественных отношений и рассматривался членами общества как норма джамаатского общежития, перерос в морально-этическую категорию. В качестве пережитка родовой солидарности обычай выполнял роль одного из регуляторов экономической жизни в сельско-общинной организации, проявляя себя во всех областях хозяйственного быта и взаимоотношений — в земледелии, скотоводстве, при свадьбах, похоронах, в институте куначества и гостеприимства и др. Следует подчеркнуть, что взаимопомощь проявляла у бежтинцев себя в качестве обычая именно родственно-общинного. Как мы уже неоднократно отмечали, тухумные связи играли в общественной жизни заметную роль, и это не могло не отразиться на обычаях и институтах общества.

В народе был распространен обычай взаимопомощи «гагы» (по аварски «гвай»). Родственники и односельчане собирались у того, кто срочно нуждался в рабочих руках: при строительстве дома (главным образом), при уборке урожая, в сенокосную страду, в период стрижки овец и др. При этом на помощь никто никого, как правило, не приглашал, каждый взрослый член общества прекрасно ориентировался в заботах и нуждах родственника, члена общины. Инициатором сбора выступал обычно кто-либо из друзей или соседей, который и извещал хозяина о решении группы людей в определенный день (дни) помочь ему.

Родственная и соседская взаимопомощь проявлялась при любых сельскохозяйственных работах: при вынесении удобрений на поля, при пахоте и севе, прополке, уборке урожая, обмолоте и threshing зерна. Хотя пахотные участки бежтинцев были небольших размеров, но располагались они, как правило, за селением, в раз-

¹³⁴ Исламмагомедов А. И. Традиционные элементы в современном общественном быту переселенцев // Традиционное и новое в современном быту дагестанцев-переселенцев. Махачкала, 1981. С. 22.

НБих местах, а сельхозработы надо было выполнить в сжатые, строго регламентированные сельской администрацией по длительности периоды. («Время и порядок производства сельских работ выкрикивается по утрам с мечети сельским старшиной» — читаем мы в бектинских адатах)¹³⁵. Подобные коллективные работы могли проводиться и на договорных началах: два или несколько хозяйств стоваривались о взаимной помощи в сезон тех или иных работ: одному помощь требовалась главным образом при вывозе навоза, другому при вспашке поля, третьему при уборке урожая и др. Такое объединение чаще всего носило разовый характер, но случались и долговременные трудовые объединения.

Скотоводство занимало важное место в хозяйстве бектинца, и здесь он не мог обойтись без участия родственников и односельчан. Помощь оказывалась любому члену коллектива, потерявшему значительное количество скота при стихийных бедствиях или эпизоотиях. Близкие и дальние родственники в соответствии со степенью родства выделяли пострадавшему то или иное количество скота, помощь могла быть оказана и со стороны друзей, соседей, односельчан. Формой взаимопомощи были и объединения по выпасу и перегонам овец. Объединялись в коши главным образом родственники, но отара могла быть составлена и из скота нескольких односельчан. Члены товарищества несли расходы в соответствии с количеством скота каждого.

Если при перегоне овец чабаны и отара попадали под стихийное бедствие (обвалы, оползни, разливы рек, снеговые заносы), все население окрестных селений и хуторов выходило на помощь, спасало людей и животных. Чабанов забирали к кому-нибудь в дом или распределяли по разным домам, оказывали им по необходимости медицинскую помощь, приводили в порядок их одежду, кормили и т. д. Пострадавший скот тоже разбирали по дворам, где его обязательно лечили и содержали столько, сколько потребуется, после чего возвращали хозяину. Часто такая помощь оказывалась чабанам, спускавшимся с высокогорных летних пастбищ на низину с отарой и приплодом-молодняком: заболевших или травмированных ягнят разбирали по хозяйствам и выхаживали их.

Особенно активно оказывалась помощь у бектинцев, как и у других народов Дагестана¹³⁶ во время строительства дома. Если односельчанин лишился крова в результате бедствия, пожара, например, то на работу выходило практически все население. В считающиеся дни родственники и односельчане возводили новое

строющему дом в обычном порядке, достраивающему его, расстроению, как правило, не хуже старого. Оказывалась помощь и ширяющему жилую площадь и т. д. Мужчины, родственники и сельчане, от 5—6 до 12—20 человек, выходили на чисто мужской вид взаимопомощи — «йо⁴сока ил¹ал» (от йо⁴со «стена» и ил¹ал «позвать», «пригласить») — т. е. класть стены. Один из собравшихся, работая и сам, выполнял роль распорядителя: представлял людей, давал им конкретные задания и проч. Работа проходила с шутками, розыгрышами, весело и непринужденно.

Различался и чисто женский вид взаимопомощи при строительстве дома — «мизак⁴а ил¹ал» «землю таскать». Женщины в числе 8—10 человек и более копали землю, доставляли ее к дому, поднимали на перекрытую крышу, рассыпали там ее ровным слоем и уплотняли (трамбовали) катками, деревянными и каменными. Земли нужно было много, ее рассыпали на площади, приблизительно равной 15—20 x 5—6 м. и толщиной до 60 см. (до уплотнения). Несмотря на физически тяжелый характер работы, женщины в процессе работы пели, весело, незлобиво переругивались, шутили, т. е. вели себя как на увеселении. Помощь при строительстве дома оказывалась, как и другие виды взаимопомощи, всеми народами Дагестана¹³⁷, Кавказа¹³⁸.

При женитьбе сына или замужестве дочери бектинцы несли значительные расходы, связанные с наделением новой семьи имуществом, обычаем на тухумном уровне обмениваться подарками, с созывом большого числа людей и др. Поэтому в проведении свадьбы принимал участие практически весь тухум и столько в организационном плане, сколько в виде материальной помощи. Соседи, друзья, односельчане, безусловные участники свадебного торжества, тоже оказывали помощь и в организации торжества, и неопременительными подарками при поздравлении молодых.

Не меньшие, если не большие расходы несла семья у бектинцев и при похоронно-поминальных обрядах. Помощь здесь оказывалась по тому же принципу: близкие родственники несли на себе значительную часть расходов, односельчане — посильную.

Функционируя в новых условиях социальных и экономических отношений в обществе, обычай взаимопомощи не мог не сохранить в себе черты ранних этапов исторического развития. Это положение наглядно демонстрируется следующей нормой: дичь, добытая охотником, принадлежала не столько ему, сколько членам джамаата. В бектинских адатах записано: «Охотнику, убившему зверя, кроме шкуры, принадлежит лучшая часть (фунта 2), год-

¹³⁵ Бектинские адаты, С. 72.

¹³⁶ См.: Материальная культура аварцев, С. 189; Материальная культура даргинцев, С. 147; Булатова А. Г. Указ. соч. С. 102; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин. XIX—нач. XX вв., М., 1978. С. 182; Асланова М. Ш. Обычай взаимопомощи у лезгин-переселенцев // Традиционное и новое в современном быту дагестанцев-переселенцев, С. 64—65 и др.

¹³⁷ См.; напр.: Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 281; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 199—200; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 149; Булатова А. Г. Лахцы: Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. С. 107 и др.

¹³⁸ См., напр. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С. 446.

ная на шашлык. Прочее делится поровну. Зверя тащат до селения все охотники, кроме убившего его»¹³⁹. М. М. Ковалевский рассматривал этот обычай как рудимент и отголосок бытования в прошлом общей собственности членов кровнородственного союза¹⁴⁰.

В хозяйственно-экономической жизни семей джамаата весьма значительна роль взаимных одалживаний (одолжить — «нагъилаъ нилгал»). Объектом одалживания служило все, начиная с продуктов питания и предметов одежды и кончая сельскохозяйственным орудием, конем, быком. Отказ в одалживании для бежтинцев означал совершение недостойного поступка и одновременно — нанесение тяжкой обиды просителю («НилГийо-шоъийо, нилГееъ — шоъаъаш») — «Дали — забыл, отказали — помнит»). Тяговая сила одалживалась чаще всего. Дифференциация по степени родства и степени межличностной близости в этом вопросе соблюдалась четко. Попросить что-либо у дальнего родственника или усыновленного, зная, что искомое есть у брата, дяди по отцу, двоюродного брата означало вызвать у людей молчаливое недоумение, граничившее с осуждением. Точно также считалось противоречащим этическим установкам обойти при одалживании друга или соседа и более того, такой поступок расценивался последними как акт недоверия, как нанесение обиды. Здесь мы наблюдаем интересный процесс накладывания отношений, «схемы» кровно-родственной организации на сельскохозяйственные, соседские отношения.

Суровые условия жизни способствовали развитию у бежтинцев объединения в одно целое тяжелого физического труда по оказанию тухумно-соседской помощи члену джамаата с элементами развлечений. Именно в подобную форму был облачен такой вид взаимопомощи, как «боцолко». Молодые люди мужчины в количестве от 4—5 до 8—10 человек собирались в доме того, кто нуждался в помощи, и некоторое время проводили там, угощаясь приготовленной для них едой, упражняясь в остроумии, проводя полтора-два часа с шутками, песнями, занимательными рассказами и др. Затем вся компания отправлялась на работу, чаще всего на заготовку для хозяев строительного камня, строительного леса, дров, на сенокос и др. Песни, шутки и веселые розыгрыши продолжались и по пути на работу, и при возвращении в селение, хутор, и даже в процессе работы. В доме хозяина их опять ждал накрытый стол и веселье продолжалось до поздней ночи. Утром, если в этом была необходимость, все повторялось сначала.

К женским видам взаимопомощи относились собрания, род посиделок, где девушки и женщины, помогая родственнице, односельчанке в какой-либо работе (расчесывании шерсти, ее щипание, прядение нитей, их сучение и др.), рассказывали друг другу забав-

¹³⁹ Бежтинские алаты. С. 73.

¹⁴⁰ Ковалевский М. М. Общинное земледелие, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879. Ч. 1, С. 29.

ные истории, делились новостями, пели, плясали и т. д. Этот вид взаимопомощи перекликается с аварским «цудухче»¹⁴¹; кумыкским «булгъа» и др.¹⁴².

В подавляющем большинстве случаев хозяин дома, которому оказывалась помощь, угощал собравшихся хорошим ужином, который как правило проходил под всеобщим весельем и шутками.

По утвердившимся в быту нормам бежтинцев без уважительной причины не мог не откликнуться на призыв о помощи. Оказывая кому-то посильную помощь, член общества мог рассчитывать на такую же в случае необходимости и сам. Однако побуждали бежтинца забросив все свои дела заняться делами родственника, друга, соседа, односельчанина не столько практические соображения, сколько (и главным образом) заложенные в нем предками нравственные и этические начала. А установки эти были таковы, что любой прохожий, встретивший группу занятых коллективной работой людей, не мог пройти мимо, не приняв участие в этой работе или хотя бы не предложив группе свои услуги. Большинство видов взаимопомощи носило в народе развлекательный характер — не по содержанию и цели труда, а по сопровождающей его форме. Поэтому на помощь члену джамаата человек шел как на праздник, на развлечение, хотя отдавал себя работе как таковой целиком.

Как видим, бежтинцы практиковали у себя все три формы взаимопомощи, определенные как наиболее характерные для Дагестанцев в XIX — начале XX вв.: оказание помощи соседу, односельчанину; использование традиционного института в целях наживы; помощь оказываемая с целью взаимообщения¹⁴³.

Развитие общественных отношений и связанный с ним рост имущественной дифференциации не мог не отразиться на некотором изменении содержания обычая родственной и соседской взаимопомощи у бежтинцев, особенно заметном во второй половине XIX в. Феодализирующийся управленческий аппарат и имущая верхушка зачастую использовали традиционный обычай в своих корыстных целях. Под видом обычая местами стала процветать эксплуатация указанной категорией населения рядовых членов общины, безвозмездно или за небольшое вознаграждение работавших в хозяйстве зажиточного скотовода, земледельца, старшины, старейшины и др. «Эксплуатация непосредственного производителя была прикрыта пережитками патриархально-родовых отношений — пишет В. Г. Гаджиев, — эксплуатируемый крестьянин обычно считался родственником «богатея» и выполнял у него работы под видом помощи»¹⁴⁴.

¹⁴¹ См.: Никольская З. А. Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в. М., 1948. С. 113.

¹⁴² См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 68.

¹⁴³ См.: Исламгагомедов А. И. Указ. соч. С. 22—23.

¹⁴⁴ Гаджиев В. Г. Союзы сельских общин Дагестана: Проблемы, история изучения, перспективы // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX вв. С. 19.

Итак, зародившись в недрах родовой общины, обычай взаимопомощи продолжал развиваться в условиях новой социальной организации — сельской общины. С развитием последней, оставляя преимущественной родственно-тухумной, взаимопомощь все больше приобретает и соседский характер. Использование обычая имущей прослойкой в своих целях не могло изменить его внутреннего содержания. В тяжелейших условиях борьбы за существование обычай помог выжить сотням семей. Выросший на экономической основе, на базе коллективной трудовой деятельности, обычай взаимопомощи перерос в нравственную категорию, стал морально-этической нормой для подавляющего большинства бежтинцев.

Таким образом, здесь мы рассмотрели основные положения и особенности общественно-бытового функционирования аппарата управления и судопроизводства, а также наиболее характерные; институтированные общественные обычаи. Все это в совокупности крайне необходимо для получения отчетливых представлений о социализированном образе жизни рассматриваемого народа, о функциях механизма джамаата в рамках союза общин, о способах самовыражения этого механизма. Сельская община джамаата бежтинцев развивалась и как самодеятельная социальная единица с тенденцией к обособлению и замкнутости, и, в то же время, как хозяйственно-политический организм, регулирующий широкие каналы взаимодействий и взаимоотношений внесоюзного и внутрисоюзного порядка — в области собственности-правовой, экономической, культурно-бытовой, идеологической. Отсюда исходит и некая противоречивость функций аппарата сельского управления и способов, приемов реализации традиционного правопорядка: то и другое, направленное на упорядочение хозяйственно-экономических, правовых и общественно-бытовых отношений в джамаате, именно в силу такой направленности одновременно решало и задачи четкого определения подобных же отношений с другими джамаатами и союзами общин.

В общественной жизни бежтинцев феодальные отношения только зарождались, позиции патриархальных порядков все еще были сильны. В этом состоянии народ пережил в XIX в. такие события, как вхождение в подданство Российской империи, активное участие в народном освободительном движении и, наконец, окончательное присоединение к России в составе Дагестанской области. Это — исторический фон, на котором развивались общественно-бытовые отношения у бежтинцев в XIX в. Характерная черта общественного быта бежтинцев (как и других народов Дагестана) — это преобладание в формах управления, судопроизводства в функционировании обычаев кровной мести, гостеприимства и куначества, родственной и соседской взаимопомощи. Общество ушло вперед, условия жизни изменились, изменилась сама структура общества, а форма общественных отношений законсервировалась. «Существующие в некоторых «вольных обществах» порядки не были пережитком первобытно-общинных отношений, а являлись результатом

процесса замедленного классового образования», — поясняет такое положение вещей Л. И. Лавров¹⁴⁵.

Членство джамаатов в союзе носило в основном формальный характер: их объединяли соображения безопасности, интересы владения пастбищами. На этом уровне и решались проблемы т. н. вольного общества. Вся остальная совокупность вопросов внутренней жизни и внешних отношений полностью находилась в компетенции каждого из обществ.

Высшим организмом самоуправления был сельский сход, представленный мужчинами общества и призванный выражать волю, защищать интересы большинства. Выборное сельское управление и сельский суд также были призваны защищать имущество и права членов общества. Социально и экономически обслуживали джамаат и обычай кровной мести, который, несмотря на свою архаичность, в значительной степени выполнял функции социально-правовой регуляции, и обычай гостеприимства — важнейший инструмент межджамаатских и межэтнических взаимосвязей, и обычай взаимопомощи, закономерный институт в сравнительно малочисленном обществе с многоотраслевым хозяйством полунатурального и натурального характера. В обществе, где члены аппарата управления и имущая верхушка медленно, но неуклонно обретала черты феодализирующего сословия, а тухумная организация представляла заметную силу, демократические основы самоуправления не могли не обретать характер сословности. Так, сельский сход нередко принимал решения, фактически продиктованные представителями крупных по численности и богатым тухумов, членами сельского управления чаще всего становились опять-таки представители этих тухумов и имущей верхушки, обычай кровомщения все больше вырождался в систему композиций, а обычаи куначества, гостеприимства и взаимопомощи порой стали использоваться как завуалированные формы эксплуатации. Все эти тенденции усилились с проведением у бежтинцев административно-судебных реформ 60-х годов XIX в., в результате чего аппарат управления был максимально приспособлен к требованиям и интересам царской администрации, а институтированные обычаи все больше нивелировались под общедагестанские, теряли специфичность и постепенно обретали тенденцию к их полному забвению и исчезновению.

¹⁴⁵ Лавров Л. И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 8.

ГЛАВА VI
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
§ I. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В сс. Бежта, Хашархота и Тлядал до 20—30 гг. были действующие мечети. При каждой из них функционировали мектебы, где каждая семья могла обучать своих детей, достигших 6-летнего возраста, чтению, письму. Здесь же дети заучивали наизусть отдельные молитвы и суры Корана. Срок обучения строго не был определен. От обучающегося требовалось, чтобы он усвоил арабский алфавит, мог бегло читать и запомнить в определенной последовательности определенное количество молитв и сур. Этот объем один учащиеся усваивали за пол-года, другим для этого требовался год, третьим — полтора и т. д. Учил детей, как правило, мулла, однако, этим мог заняться практически любой представитель старшего поколения, хорошо усвоивший курс мусульманского обучения. При мектебе обучались исключительно мальчики, девочкам приблизительно тот же объем знаний преподавался дома, родителями, близкими родственниками, соседями. Кроме того, преподаватель мектеба и родители с 5—6 летнего возраста посвящали детей в основы идеологии ислама, давали им понятия о едином боге, о пророке Магомеде и других пророках, о мусульманской нравственности, о грехе и добродетели, о рае и аде и др. Основы элементарного счета, главным образом сложения и вычитания, дети постигали на практике, в бытовых ситуациях повседневной жизни. Закончивший начальный курс обучения, ознакомившись со специальной огласовой арабского алфавита, мог на родном или аварском языке составить простейший документ, расписку, свидетельство, написать кому-либо письмо, прочитать адресованное ему послание и т. д. Иначе говоря, это был грамотный человек, и это обстоятельство следует, на наш взгляд, еще раз подчеркнуть: в дагестановедении долгие годы утверждалось ошибочное мнение о сплошной безграмотности трудового населения в дореволюционном Дагестане. Такой элементарной грамоте обучался практически каждый человек: общественное мнение резко осуждало родителей, не позаботившихся о своевременном обучении сына или дочери. Обучающий за свои труды плату не получал, его деятельность считалась благодеянием. По окончании определенного этапа обучения, определяемого усвоением учеником очередной молитвы, суры, родители обычно готовили праздничное блюдо, угощали им родных и близких и приглашали на трапезу учителя. Если у ученика или его родителей воз-

никало желание продолжить учение, подростка определяли в мектебе (в сс. Ботлих, Хунзах, Карата и др.). Здесь учащиеся проходили более углубленное изучение Корана, учились арабскому языку, ознакомились с основами астрономии, алгебры, геометрии, географии, читали советскую арабоязычную литературу (исторические хроники, стихи, сказания и др.). Желаяющий и дальше совершенствовать знания и имеющий для этого возможности определялся в ученики к известным в Дагестане арабистам, просветителям, мыслителям (в Кумухе, Акуша, Хунзахе и др.). Таким образом, у бежтинцев появлялась целая плеяда образованных по тому времени людей, свободно владеющих арабским, нередко турецким, фарси, знающих Коран на богословском уровне, переведивших религиозную и светскую литературу с этих языков на аварский, иногда на бежтинский, несшие в народ свет просвещения и знаний. Так; далеко за пределами с. Бежта были известны имена ученых-арабистов XIX в. Магомма — Абдулмеджида и Умалали-Дибера. Хорошо зная восточную научную литературу, они на основе этих знаний написали на аварском языке трактат о Вселенной, их перу принадлежит краткая история возникновения, утверждения и распространения мусульманского вероучения, трактат о соотношении шариата и адата (то и другое тоже на аварском языке)¹ и др. В конце XIX — нач. XX вв. жил и творил ученый арабист Кебед-Магомед. В свое время он был кадием мечети Темир-Хан-Шуры, наибом в Гунибе, председателем шариатского суда в Ботлихе. В частности, Кебед-Магомед был известен страстными проповедями, направленными против Нажмутдина Годинского. Блестящий богослов — толкователь, он кроме того составил пособие для обучающихся арабской грамоте и счету (четыре арифметических действия) на бежтинском языке. Далек за пределами Аварии были известны имена бежтинских лекарей Мусы Чулухе и Жарахава. Они хорошо знали арабский, пользовались переводной турецкой и персидской литературой. Изучали они главным образом лечебники и другую медицинскую литературу. Знания, почерпнутые из сочинений авторов Востока, они успешно использовали для лечения своих земляков, дагестанцев вообще. Очень ценна их деятельность по сбору сведений о приемах лечения и лечебных средств народов Дагестана. Из просветителей Тлядала наиболее известны Туку и Али-Дибир. Они в совершенстве владели арабским, а Али-Дибир говорил и по-турецки. Эти ученые тоже работали над переводами арабоязычной религиозной и светской литературы на аварский язык. В народе говорят, что у Туку был составленный им свод религиозных праздников и обрядов, написанный на арабском. Кроме того, оба они фиксировали и систематизировали местные адаты. Списки этих адатов (бежтинцев, хашархотинцев) многие современники якобы видели, но следов их отыскать пока не удалось. В 20 — 30 годах в с. Тлядал известностью пользовался мест-

¹ Экземпляры этих работ нам обнаружить не удалось.

ный поэт и композитор Абдулгамид Тлядалский, его стихи и песни пользовались в народе неизменным успехом.

Таким образом, в XIX—нач. XX вв. образование народа у бежтинцев находилось преимущественно в ведении лиц духовного звания. Обучения детей в примечетской школе в значительной степени сводилось к заучиванию молитв и глав Корана. Однако, ставшая традиционной система обучения позволяла подавляющему большинству населения приобретение навыков элементарной грамотности. Более того, отдельные представители народа, получив сравнительно неплохое образование, довольно успешно развивали просветительскую деятельность. В этой своей деятельности просветители опирались главным образом на достижения ученых и мыслителей стран арабского востока, Ирана и Турции.

§ 2. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Наиболее полно и ярко духовная культура народа раскрывается в его устном народном творчестве. В сказках и песнях, поговорах и поговорках и др. отражены и идеалы народа, и его ценностные ориентации, его мечты и чаяния, его представления о благородном и низком, достойном и недопустимом, справедливом и несправедливом. Здесь в красочной форме подается мировоззрение народа, его мироощущение, миропонимание, нравственно-этические и эстетические идеалы.

Самобытны сказки («акичар») бежтинцев. Тематика и общая сюжетная линия их обычно далеко выходит за рамки местных традиций и по сути дела интернациональна². Однако, даже та их часть (составляющая большинство), которая представляет собой широко распространенные варианты сказок других народов мира, представляет собой не просто пересказ, а переработанный народным творчеством (порой до неузнаваемости) образец коллективного сотворчества. Таковы, например сказки «О Зумруд (Айше) и Гасане» (вариант «Сказки о спящей царевне»), «О хитроумном Шапи-Гаджи» (вариант «Сказки о Иване-царевиче и сером волке»), «О Халаде-воине» (вариант сказок о Кашее Бессмертном), «О Ризуле-бедняке» (вариант сказок о Садко), «О Хизри» (вариант сказок о Сивке-бурке) и др. Обработываясь в творческом сознании народа, творчески переосмысливаясь, эти и другие сказки обрастают деталями и подробностями из традиционной общественно-бытовой, семейно-бытовой, хозяйственно-бытовой жизни бежтинцев. Например, Зумруд засыпает на белом войлоке у очага открытого типа, отдавая члгга (бузы), а ее возлюбленный, чабан Гасан (собственно — Гасан), узнает о беде (люди считали Зумруд мертвой), вернувшись с овцами из Кахетии; Шапи-Гаджи упрекает волка, что тот травит овец бежтинцев, вместо того, чтобы охотиться на более многочисленные стада цезов; Халад-воин сражается с джином,

² Как и у других народов Дагестана, сказки бежтинцев названия как такового не имеют.

смерть которого хранится в желудке трехгодовалого быка: повод для сражения — платок, снятый джином с головы сестры Халада; Ризул упрекает водяного царя, что тот своенравен и себялюбив как хунзахский хан; Хизри приобретает чудо-коня еще жеребенком у лакцев, отдав за него столько сыра, что кумухцам его хватило бы на 3 года — и т. д. При этом персонажи сказок готовят и едят хинкал с чесночной подливкой, с курдюком; спрашивают совета у старшего тухума или старейшины вообще; считают своей обязанностью «привести в свой дом» жену погибшего брата и его детей; отказываются брать «цену крови» с шайтанов и джинов («кровь смывается только кровью») и др. Таким образом, известный сюжет обрастает деталями сугубо местного быта и сама сказка представляет уже образец творчества народа.

Распространены у бежтинцев и сугубо местные сказки: сказки о животных, сказки-новеллы, волшебные сказки, сказки авантюрного типа. Первые из них по жанру напоминают басни:³ в них в краткой, емкой и выразительной форме подчеркиваются положительные качества и черты характера людей и осуждаются отрицательные. Это по сути дела сказки-поучения, сказки-наставления, сказки-притчи. Другие виды сказок приблизительно однотипны со сказками других народов Дагестана, других народов аварской группы.

Удивительно богат и разнообразен мир пословиц и поговорок бежтинцев. Каждая из них — сгусток народной мудрости, средоточие житейского опыта, наглядно-художественная иллюстрация к понятиям добра и зла, человеческого достоинства, идеям гуманизма. Родившись в народной среде, они отражали особенности традиционного общественного и семейного уклада бежтинцев. Так, в поговорке «Билло ехал айда, мадугьанлги биякъела» («Прежде чем купить дом, узнай о соседях») отражены вековые традиции соседско-общинных отношений. Сложность внутрисоюзных (союз сельских общин) и внешних отношений бежтинцев иллюстрируется изречением: «Суклола адамлал бегала кьуват, мизолал акьло» («Чужим людям покажи силу, своим ум»). Ряд пословиц и поговорок имеет социальную окрашенность, в них отражается протест труженика, задавленного нуждой: «Мискинаб сукло аллагьлинна атгаъас» («Бедного и бог не любит»); «Бечелги гьолола гфажатаб жо гаъа» («Богатство — это еще не достоинство»); «Сийона гьосна зогъаъда, гьули лъинхъана гьицлал маце гаъа» («Тот, у которого ничего нет, ничего и не боится») и др. Отражена в фольклоре и тема набегов: «Онкъова суклол зарзи ахъна топи глутлал мальцийоваъас» (Пришедшего с набега стрелять не учат). Пережитки патриархальных отношений были живучи в семейном быту бежтинцев: «Биллоъ талигь бахъаъас биллос хизан нийоди яхъда» («Несчастен дом, где главенствует женщина»); «Шугошавал — цлицлова, ахъал-

³ См.: Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1959. С. 221; Абдурахманов А. М. Жанр басни в прозаическом фольклоре народов Дагестана // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1979. С. 269.

бетергъан» («Коню — плеть, жене — муж»); «Дибола або гьалдийо шугошова цюдоло гейло нисода, цюдоло бахъца» («Если отец белого коня называет черным, значит он черный») — и т. д. По внутреннему содержанию сюда же относятся и такие изречения: «Кид кетло жо гей бадлола агъбаъ» («Дочь — это навоз для удобрения чужого поля»). Значительное место в морально-этнических ориентациях народа занимал культ старшего по возрасту: «Укъо сукло гачел гьалтин бахъаъас» («Без старшего работы не бывает»); «Або бакьелло кюбала, дибола ождилна бацца» («Палка, которой побил отец, пригодится сыну»); «Ицила або нисо жо, дибола або хъа нисалакъа» («Сказал дед — не переспрашивай у отца») и др. В хозяйстве бежтинцев на плечи женщины падала значительная нагрузка. Поэтому о жене-хозяйке, жене-матери, жене-труженице бежтинец отзывается с уважением: «Ветергъан билос хазан, билос больо» («Муж — голова семьи, жена — шея семьи»). Нашел в устном народном творчестве отражение и старозаветный обычай гостеприимства, например: «Умумалис гьобол вагълина бечелти гей абокъа ёкъоё» («Кунаки — это богатство, доставшееся по наследству»). Обычай кровной мести осуждался в народе; что тоже не могло не отразиться в пословицах и поговорках, например: «Гьен гьейад боцона бахъаъас» («Кровь кровью не смывается»). Расходы на традиционные похоронно-поминальные обряды тяжким бременем ложились на семьи бежтинцев: «Угъо сукло огъал бигъаяб гей» («Покойника накормить трудно») и т. д. Разумеется, приведенные здесь пословицы и поговорки, говорящие о культурно-бытовых особенностях народа, далеко не исчерпывают богатства изречений бежтинцев на эту тему.

✓ Пословицы и поговорки бежтинцев — это детально разработанный кодекс чести и достоинства; краткие по форме и емкие по содержанию формулы этических ориентаций. Они требуют борьбы со злом («Нагагъ ицло яхъал ятлаъда, ицлова хемухавас ягъал нуцос» — «Чтобы не было сорняков, надо вырвать все жорни»; «Жужу намус ахъца, бадди намус оъда» — «Позорится тот, кто позорит другого»); «Кетлона цаццона исна бахъца» — «Хорошее и плохое — братья»; «Ургьеллихъа бизона бекца» — «От поря и гора разрушается» и др.), творить добро («Дул лъиклти батина зогъда, мина бадлол лъиклти бова» — «Хочешь добра — сделай доброе дело»; «Кетло яже-якис ига яхъца» — «Ласковое слово — это ключ к сердцу» и др.), быть скромным, сдержанным («Къабм ахагъа кьодда яхъал нуцос» — «Голова расположена выше живота»; «Ургьеллихъа — гьажат гаччо жо яхъца» — «Голос обиды — неразумный голос»; «Эдеъзи ахъиелън гьицазу балагъ» — «Вспыльчивость и беда рядом»; «Тели лъиццале вой сила гулаас» — «Лающая собака не укусит» и т. д.), самокритичным («Лъацай лъос агъейа билейякъа» — «Смеялось решето над дырявым кувшином»; «Дукъа лъовалти кетло гегъ бадлокъа лъовацал» — «Хорошо шутит тот, кто шутит над собой» и др.); великодушным («Нилгийо — шоъийо, нилъезш — шоъаъаш» — «Дали — забыл,

отказали — помнит»), стойким («Балагълидойс цумзнахъ, балагъ мокъал айда» — «Беды берегись, пришла не бойся»; «Эгъал ухольда, иягъ бова изал» — «Начал бороться — старайся победить» — и др.), не забывать об осторожности («Цюдорлти йолъи — вагълина бикинчилти гей» — «Осторожность — это тоже мужество»), ценить дружбу («Тушман ова гьалмагъ, гьалмагъ овакъа тушман» — «Врага сделай другом, но друга не делай врагом»; «Кетло тушман ахо гей, чикейа гьалмагълигъа» — «Лучше хороший (достойный) враг, чем плохой друг»), быть трудолюбивым («Эхе яхъца итгина клаклакъа» — «Река рождается из капель»; «Иттина огъо букъо хохо бекинна бахъца» — «Маленький топор большое дерево рубит»), бережливым («Эхена ёлъоцас адат гей» — «Даже река иссякает») и т. д. Они говорили о том, что о человеке надо судить прежде всего по его достоинствам («Адамлис кьимат бос гьинила адлолакъа рекъон» — «Человека судят согласно его поведению»; «Букъа хохис гьидоци йукъо яхъца» — «От большого дерева и тень бывает большая»; «Якоъ йахъдана месед йохъца» — «Золото в навозе — все равно золото»; «Къоргияли тютл бохаъас» — «Орел мух не ловит»; «Онсилъ тига бодаъас» — «Козел быка не бодает» и др.), учили не требовать от жизни слишком многого («Шугошовакъана къайкъена, шугошова мизакъа» — «Не ищи коня, сидя на нем верхом», «Гьинода кьода йейакъ-ещасна, лъиёда йейакъещасна яхъца» — «Дорога без подъемов и спусков не бывает»; «Лиле гьоогъаклина бахъезшла, онс багъиъ лакъа» — «Ягненка не поднял, а хочешь быка поднять» и др.), различать в жизненных ситуациях причинно-следственные связи («Хохкъаш экал гьичледа, хохкъа экъакъа» — «Боишься упасть с дерева, — не лезь на него»; «Вая балъго, клайлош, бише бадлолна бегагъа бос» — «Корова гуляет тайно, а телится открыто»; «Ваяс айо гаъа, ваяла аъакъа ми хаба гухъинна зогъда» — «Корова не виновата, если ты наступил на ее навоз»; «Къацлолал бихало мро бацца, сидина ицлолъал атлаъас» — «Все хотят долго жить, но никто не хочет состариться» и др.), главное и второстепенное («Онс бахънас оллолаги ихъос» — «Имеющий быка найдет и пахаря»; «Шугошова гьелл якъело, аъу хаба гулло» — «Подковывали коня — ишак ногу подставлял»; «Сила гьалдия, якло цюдоло» — «Зубы белые, душа черная»; «Кид ниясолал айда, иё икъела» — «Святая дочь, узнай о матери»; «Акълло гагъия сукло, талигъ гагъия сукло хаба низабас» — «Умный счастливому ноги моет»; «Чикейе соя» — чикейе кьодо къайкъеё сукло» — «Глупый конь — плох, глупый наездник — еще хуже»; «Гьинбахова цитла хлажат гатга гей балъотегъа» — «Оставшиеся ножны лучше утерянного кинжала»; «Во адамликъа лъиццаъас ко кюбала гагъийакъа лъицца» — «Собака лает не на палку, а на человека с палкой»; «Сойяс кьимат къайкъенакъа бараб гаъа» — «Качество коня от сбруи не зависят» и т. д.). Пословицы и поговорки бежтинцев говорят о значении воспитания («Къова лиле муцода, укълъиль букъо онс муцос» — «Ребенком украден телят — взрослым украдет быка»; «Аудой мицова шшугошова, ауслъиё амал бахъца» —

«Конь, привязанный рядом с ослом, приобретает ослиные привычки» и т. д.), о значении слова («Миц лѳонва гаччо бахъца, амма лѳонва йийашелца» — «Язык без костей, но кости ломает»; «Гьолули икье шгьос сукло, мица икьеш аѳона» — «Пуля убивает одного, язык десятки»; «Бишун кѳетѳо маче мицал гей йихъѳе сикѳо» — «Самое лучшее место для языка — закрытый рот»; «Тели икьла-щецалагъа, яже гаччо кѳетѳо гей» — «Лучше немой, чем болтун» и др.), прославляют мастерство («Кѳетѳа онсола болѳо бугъолаъас» — «Хороший вол борозды не портит»), осуждают воровство («Юѳова жойлас хайр бахъаъас» — «От краденого пользы не бывает») и т. д. Очень часто в них в аллегорической форме передается поколениям веками накопленный общечеловеческий опыт, житейская мудрость, например, «Духаъаѳакъа гъичейахъа, ми гъицѳакъа» — «Бойся того, кто тебя боится»; «Ахо ахъиѳелъи гей тушо огльиѳе (тушешла огъа)» — «Лучше быть острием топора, чем его обухом»; «Нагагъльун кечъ якѳил къабул бахъада, гьоло кечъ гаъа» — «Если песня до сердца не дошла — это не песня»; «Якѳил иѳилѳолъи икъаъас» — «Сердце старости не признает»; «Войца кокъкъа лъи ѳкъона мугъатта вой энхе ягъос» — «Когда вода доходит до зада, собака начинает плыть»; «Ми гъадур йѳѳешла топилакъа тѳутѳакъа» — «Из ружья, тобой не заряженного не стреляй»; «Сукѳос кид берцинай яхъца» — «Чужая девушка красивой бывает»; «Урумийа орралилъ лнѳкъа мекъецалаъ итгоѳѳ, къоллакъа гугъцалаъ итгоѳѳакъа» — «Хватайся за колесо арбы, идущей вверх, а не вниз»; «Буртиналиъ ѳѳо эдо гунна яхъаъас» — «Огонь в бурку не завернешь» и др. Очень часто менторский, нравоучительный тон народного изречения смягчен юмором, облачен в форму шутки, например: «О"х йѳѳийѳо гьѳбол аѳхъа говаѳѳос» — «Насытившийся гость на порог смотрит»; «Кетѳиъ яхъца шагѳиъ гьелеѳе жо» — «В ложке будет то, что сварить в котле»; «Сиис мигъ йѳѳѳал пигъа гей, дугъа айда баѳо си бикъеда» — «Хвост медведю легко отрезать, если его до тебя кто-нибудь убьет»; «Аукъас ѳкѳал, шугошовакъас ѳкала» — «Если падать, то лучше с коня, чем с осла»; «Тели уудаѳас мамали, тели гьилъгъаъас» — «Петух, поющий не во время, долго не проживет»; «Мамали уудаъда вагъло гуда бахъца» — «Если петух не кукарекает, значит это курица и т. д.

Таким образом, мир пословиц и поговорок бежтинцев необычайно широк и глубок и по сути дела охватывает все сферы материальной и духовной жизни народа.

Большое место в духовной жизни бежтинцев занимают лирические песни. Их пели и в будни и в праздники, в радости и печали, на вечеринках, свадьбах, в домашнем кругу. Не будет особым преувеличением сказать, что песня сопровождала бежтинца, бежтинку на всем жизненном пути, от рождения и до смерти.

Песни бежтинцев — это главным образом произведения малого жанра, предоставленные двустихьями и четырехстихьями. В памяти народа они отложились как миниатюры на бежтинском, аварском и цезском языках: часто песня, звучащая по-бежтински или

по-аварски, имеет в себе вкрапления (отдельные слова, обороты) аварского и цезского или бежтинского и цезского языков. Иногда в содержание куплета вводятся отдельные грузинские слова. Стих бежтинцев — силлабический, главным образом одиннадцатисложный, что вовсе не исключает наличия десяти-четырнадцати сложных строк. Особенность бежтинского стихосложения (в том числе и прежде всего и песенного) — это нередко встречающееся сочетание одиннадцатисложной строки с десяти-четырнадцатисложной. Наряду с наиболее распространенной любовной лирикой, мы находим у бежтинцев песни-размышления, песни-раздумья. Сюжеты песен просты, содержание их изобилует сравнениями, метафорами, аллегорическими оборотами. Для наглядности приведем здесь несколько лирических народных песен.

Кѳокѳосинаб сукѳо угъослас тухъца,
Суд югъече гей ди гъейо кѳокѳодана.
(Заболев, люди быстро умирают,
Болит моя грудь — как же я осталась)⁴

— Хетѳѳа гьудаль ѳѳона ако лънсаъас,
Гьаликъатаб дукъа дѳона къухъаъас
(Толстые дрова с трудом разгораются,
Тебе, подлому. ох, я не гожусь).

— Йикъена залѳона, гугъна оз-водѳна
Алѳина угъос до ле, дие Патѳимат.
(От буйного ветра и крепкого холода
Простудившись, умру, я моя Патѳимат)

— Икъела къайбакъас бихало хохо
Бучѳа, бучѳа ми, Маллакѳол Иса.
(На прошлогодней стоянке длинное дерево
Руби, руби его ты, Маллакол Иса.)

— Ванаъла хохилъѳо къѳкъѳѳе гени,
Табанаб мех гей, ахъѳо дул йихъал.
(Дикорастущая гнилая груша,
Долго будешь ждать, не находя жены)

— Я Аллагъ, гувала нушшозу водо,
Водо гуѳѳѳо нѳсона алѳаъ бовачал.
Я Аллагъ, зогъакала ѳѳо ѳвал гьудо,
ѳѳо гаъалѳо нѳсона мокѳолаъ беѳаѳ.

⁴ См.: Раджабов М. Д. Календарно-обрядовая поэзия бежтинцев. Махачкала, 1989. Машиннопись дигл. работы. Последующие тексты взяты нами из этой же работы.

Я Аллагъ, зогъала хъуссо мокIол,
Хъуссо мокIол гейлo нсона альода йовацIал.
(О, Аллах, пусть пойдет мелкий дождь,
Скажем — дождь идет — и убежим в селение.

О, Аллах, пусть в доме не будет для огня дров.
Скажет — нет огня и ляжем в постель.
Пусть постель окажется как можно уже,
Скажем — узка постель и обнимемся).

Значительное место в народном творчестве занимают песни-плачи. Потеряв близкого, дорогого человека, женщина-мать, жена, сестра, оплакивая покойника, причитала по нему, сопровождая куплеты рыданиями. Чаще всего, однако, плачи исполнялись не ближайшей родственницей умершего (умершей), а именно плакальщицей. В каждом селении были такие женщины, которые, пользуясь традиционными стандартизированными оборотами, импровизировали, вплетая в канву — «заготовку» свое, применительно к данной, конкретной ситуации, поднимаясь порой до вершин народного творческого поэтического мастерства. В этом виде народного творчества превозносились личные качества покойного, доводимые нередко до гиперболизации, оплакивалась тяжкая судьба тех, кого покойник оставил на этом свете и т. д. Несмотря на наличие в бехтинских песнях-плачах творческого начала, они в какой-то степени однотипны для народов Горного Дагестана. Поэтому здесь мы приведем плач женщины по погибшему ребенку — в том виде, в каком он записан Ш. Д. Раджабовым:^{4а}

— Ру-ру, кид дие^б, налIчизокъо, кид зие!
— Ру-ру, кид дие, Шура-гъай, кид дие!
— Ру-ру, кид дие, мой-миха, кид дие!
— Ру-ру, кид дие, тIиган бицо, кид дие!
— Ру-ру, кид дие, къокъдена хаба, кид дие!
— Ру-ру, кид дие, цулло охцо, кид дие!
— Ру-ру, кид дие, зурна ма^ч, кид дие!
— Ру-ру, кид дие, азаки къамчо, кид дие!
— Ру-ру, кид дие, зукIла котIас, кид дие!

(«После смерти матери девочка осталась сиротой с отцом. Отец женился на другой и куда-то выехал.

Мачеха отправила девочку за коровами, побив и помучив ее, бросила ее.

Волки убили девочку. Как только вернулся отец девочки, его жена, обращаясь к нему, заплакала и запела:»)

^{4а} См.: Раджабов М. Д. Там же. С. 150.

^б «Ру-ру, кид дие» — «Ру-ру, дочь моя» — начальные слова — рефрен традиционных колыбельных песен бехтинцев (для девочек).

— Ру-ру, дочь моя, палец как иголка, дочь моя!
— Ру-ру, дочь моя, Шургай, дочь моя!
— Ру-ру, дочь моя, спина как молотильная доска, дочь моя!
— Ру-ру, дочь моя, рука как лом, дочь моя!
— Ру-ру, дочь моя, нога как лопатка, дочь моя!
— Ру-ру, дочь моя, обжора, дочь моя!
— Ру-ру, дочь моя, нос как зурна, дочь моя!
— Ру-ру, дочь моя, головка как кувалда, дочь моя!
— Ру-ру, дочь моя, с тяжелой попкой, дочь моя!

Самобытен детский фольклор бехтинцев. Часть этих произведений устного творчества, восходящих к глубокой старине⁶, представляют собой тип считалок, легко запоминающихся и произносящихся обычно скороговоркой. Другой тип — это, главным образом, двустушья, реже — трех или четырехстишья, занимательно-развлекательного характера. Однако, думается, что в подавляющем своем большинстве они воспринимались в качестве таковых, т. е. развлекательных, в самое последнее время (приблизительно последние 100 — 150 лет). До этого, надо полагать, большинство из них, или, по крайней мере, значительная их часть, представляла собой магические формулы и заклинания, «перешла к детям от взрослых»⁷. Такой взгляд на них требует специального исследования, с приведением большого фактического материала, с углубленным научно-теоретическим и сравнительно-историческим анализом. Поэтому здесь мы ограничимся общим взглядом на произведение детского народного фольклора, как на вид устного творчества рассматриваемого этноса.

— Иёна абона бувагъона,
Акона бозана якъона гугъу
Город, город, город!
(Папа и мама умерли
С лопатой и киркой приходите
Город, город, город!

— Мина дона Лъаракъа,
Цанна цIикIена цимакъа.
(Я с тобою в Тлярата,
Чтобы козы приумножились).

— Къорон нузо охал.
Гъанкъа ГъалIод екъал.
ЧIокъинас баба мухъал.
Гъенилдас хокIа бовал.

⁶ См.: Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1975. С. 112.

⁷ Абакарова Ф. З. Дагестанская детская игровая поэзия // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1979. С. 102.

(Вдова ловит себе мужа,
В Гунзиб, Тлядал поедет.
Ржаной хлеб поем,
Из лебеды пельмени сделаю).

— Мала, малла, чай малла,
КутIарика аданаб микIе.
ЗантIури, зантIури, зантIури!
(Малла, малла, чай малла,

Короткое круглое бревно.
ЗантIури, зантIури, зантIури!)

— Гюллиллине лилликию,
Адда ут'гала, адда эчала.

Кьаг'гада ие, бех'гада або — кьач!
(Гюллиллине лилликию.
Пусть умрет, пусть жив будет,
На плоскости мать, в горах отец — кьач!)

Хай, гитIа — гитIассаъа,
ХатIа бакъа — бакъассаъа,
ГитIдана — хулIассаъа,
ХулIодана — оцIас — саъа,
ОцIдана эассаъа.

(Хай, заливай — не залью,
Возьми тарелку — не возьму,
Если даже нальешь — не выпью,
Если вылью — не напысь,
Буду сытым, не буду есть).

Как мы видим, элементы заклинаний, ставящих цель активизировать силы природы и, таким образом, имеющих непосредственное отношение к важнейшей форме традиционного хозяйства бежтинцев — земледелию, просматриваются даже при поверхностном ознакомлении с приведенным материалом. Детские куплеты иногда имеют своей основой заклинание духов, носителей активного отрицательного начала, чертей, например:

— ШайтIан, шайтIан, дие жо якъа,
Дибос дибала тIиякьа тикъа мекъе!
(Шайтан, шайтан, мне отдай мое,
Сам иди своей дорогой (букв. — иди по своему мосту).

Отголоски древних верований можно увидеть также и следующей детской песенке:

«Гьос кибба дил кIекIе нилIна,
КIекIе до гудил чIалIена,

Гуди дил цIемуцI нилIна,
ЦIемуцI до гьеммал нилIна,
Гьемма дил ожо нилIна,
Ожо до гьаса-мусаъ эгьна,
Гьаса дил водо нилIна,
Водо до мицаъ эгьна,
Мицаъ дил муькьоб нилIна,
Муькьоб до гьабакъа ежена,
ТIьянна тIьна гаъанна гьаъона,
Ицида иена, ицила абона,
Юхъна охаъ эгьна ёлIолна.
ХурупIри— харапIи!»

(Одна девушка мне зерно дала,
Зерно я курице дал (-а),
Курица мне яйцо дала,
Яйцо я об столб разбил (-а),
Стол мне сына дал,
Сына на небо послал (-а),
Небеса мне дождь дали,
Дождь я земле дал (-а),
Земля мне урожай дала,
Урожай я на мельницу отнес (-ла),
Мельница муку смолола,
Старый мужчина, старая женщина
приготовили кашу и съели.
Хурапи — харапи!)

Устное поэтическое творчество бежтинцев во всех его жанрах⁸ — неиссякаемый источник для исследователя духовной культуры народа. Рассмотренные нами жанры дают лишь общее представление о художественном мышлении и творчестве данного этноса. Богат мир бежтинских сказок, прозаических басен, новелл, баллад, анекдотов, притч и т. д. Всю эту тему можно поднять, даже при наличии материалов-первоисточников, лишь в специальном исследовании.

§ 3. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Лекарское искусство у народов Дагестана стояло достаточно высоко⁹. Об этом говорили и писали путешественники, чиновники, ученые, так или иначе посетившие горный край. С удивлением и уважением говорил о врачевателях горного края Н. И. Пирогов.

⁸ См.: Халилов Х. М. Песенные жанры фольклора народов Дагестана // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1979. С. 10—25.

⁹ Подробно см. об этом исследования Дибирова М. А. по народной медицине народов Дагестана // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 505.

Были свои лекари и у бежтинцев, представленные категорией людей, мужчин и женщин, овладевших складывавшимися веками эмпирическим опытом поколений, сложившимися на основе наблюдений над природой, человеком и их взаимоотношениями. Так, в конце XIX—начале XX вв. в с. Бежта жил Мусалаев Чулухи, прославившийся как лекарь далеко за пределами Дагестана.

Известным знатоком целебных снадобий и средств от внутренних болезней прослыл хашархотинец Тагиров Абакар, умерший в начале века. В первые десятилетия XX в. успешно лечили страдающих различными недугами АбокIе Муса, а в настоящее время лечит Султанова Айшат из того же селения. Бежтинцы, как и их соседи, за врачебной помощью обращались к Джараху из Гунзиба. Память народа с благодарностью сохранила имена лекарей более позднего поколения — 30-х — 40-х годов. Это Устар-Магомед из Родора, Исаева Муьминат из Тлядала, Хабибулаева Патимат из Хашархоты и др. Сохраняли преемственность, более позднее поколение бежтинских лекарей, опираясь на опыт предков, и в наши дни продолжают и продолжают дело своих отцов и дедов. Так, например, успешно лечил переломы и вывихи ныне покойный Зайнабов Газимагомед из с. Бежта, во многом перенял у своего отца лекарское искусство Чулухиев Магомед Мусаевич, еще в 70-е годы практиковал в с. Бежта ныне покойный Аншов Сулейман, 15 лет назад скончался Шейхов Рамазан, отлично разбиравшийся в травах и их лечебных свойствах и др.

Известные своим лекарским искусством врачеватели старались вылечить от недугов любого, обратившегося к ним за помощью. Лекари-бежтинцы оказывали медицинскую помощь и цезам, и гинухцам, гунзибцам и др., жители селений Бежта, Хашархота, Тлядал и окружающих хуторов прибегали к помощи не только своих лекарей, но и лекарей соседних народов и т. д. Поэтому принципы и приемы диагностики и лечения заболеваний у бежтинцев тождественны, в частности, с цезскими на которых мы подробно остановились в исследовании «Дидойцы-цезы».¹⁰ Поэтому речь здесь будет идти либо о каких-то частностях, характерных для лекарского искусства только бежтинцев, либо о новых данных, полученных в последних научных изысканиях.

Бронхит (ецIукуь) лечили цветами мать-и-мачеха (охальгь гьалдиё кьапа), собранными в конце апреля — начале мая или листьями, собранными в конце июня — начале июля. Цветы следовало собирать вечером, перед заходом солнца, а листья утром, после испарения росы. Хорошо излечивали болезнь корни алтая (гьарахо), собранные в апреле или в сентябре — октябре, а также стебли фиалки трехцветной, она же Иван-да-Марья (ничдиё дии), собранные весной — летом (с мая по август). Из корней алтея готовился отвар, из остального — настой, которыми полоскали гор-

¹⁰ См.: Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Дидойцы-цезы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1988. С. 177 — 196. (Машинопись).

ло или потребляли внутрь (настой цветов мать-и-мачеха). Различного рода легочные заболевания (пIитIи кIюкIюлIи) вылечивали порошком засушенной и растертой стрекозы (хашIо), разбавленном в молоке ослицы. Хороший эффект давал такой же раствор помета куropатки (ванагъас гуда). Гастрит (ох кIюкIюлIи) лечили соком листьев подорожника, собранных летом, обязательно ранним утром (хилалис кьапа), соком плодов смородины (шIуддо гьацо), земляникой (шIуддо лье). Частым заболеванием была дизентерия (пухи), наиболее эффективным средством от которой считались ягоды черники (цIодоло лье). Отваром чебреца лекари отпавляли страдающего метеоризмом (ох ябеё льи), а также прописывали ему промывание желудка густым отваром цветов ромашки. То и другое следовало заготавливать в период с мая по июль. При изжоге (якIю яхеллолIи) лекари рекомендовали больному разбавленный в теплой дождевой воде высушенный кал рыси. При гепатите (шебо кIюкIюлIи) и холецистите (симо кIюкIюлIи) больному предлагалось потребление в больших порциях отвара тыквы (кIабах), а также отвар корней девясила, собранных в мае, ночью (уклийис дийи). При воспалительных процессах в почках (нефрит-кома кIювакIюлIи) лекари-бежтинцы поили больных сывороткой козьего молока. Сыворотку заболевший должен был потреблять вместо воды, по нескольку раз в день, в течение 2 — 3 месяцев. Если человек заболел маларией (си сIюлIюлIи), ему прописывался отвар листьев барбариса (сино) и плоды боярышника (кIунули), собранных в начале лета. Хорошим средством от оспы (чIаллеё) считалась сырая печень жеребенка — самца: ее давали больному мелко порубив, небольшими дозами, по 2 раза в день, утром и вечером, в течение 2 — 3 дней. Такое снадобье могло помочь лишь в начальной стадии заболевания.

При различных болезнях кожи, сопровождавшихся появлением на теле шелушений, нарывов и язв, Тагиров Абакар из с. Хашархота вылечивал больных сложным бальзамом. Ягоды калины (юж) кипятили в воде с добавлением березового сока (мие). Жидкость должна была полностью выкипеть, полученную коричневато-бурую массу, убрав из нее косточки и не дав ей остынуть, смешивали с золой черной бараньей шерсти и паутиной (паук — калагъас кьи), добавляли меда. Эту смесь помещали в серебряный сосуд, который в свою очередь, наглухо закупоренный, должен был в течение 2 — 3 дней пролежать в проточной воде (зимой достаточно было одного дня). После этого в смесь добавляли порошок от высушенной и перетертой мохнатой гусеницы (сорабетIе). Этим составом смазывались язвы и шелушения: состав должен был высохнуть на теле, покрывая пораженные участки корочкой, которая постепенно крошилась и опала. Дозировка (в переводе на современные меры): 400 гр. ягод, 1 л. сока, 50 гр. золы, паутины — 10 гр., меда — 100 гр., сушеных гусениц — 10 гр. Распространен был и такой способ борьбы с лишаями (качалIи)

различного вида: пораженные участки тела натирались чесноком.

При ревматических болях лекари-бежтинцы рекомендовали ванны с донником (азал-либо), собранным в разгар лета или с ивовыми ветками, сорванными в мае (ива-эхегъойко).

Таким образом, здесь мы только дополнили те сведения о народной медицине бежтинцев, которые изложены в соответствующем разделе главы «Духовная культура» упомянутого нами исследования. Совокупность данных об этой составной духовной культуры народа позволяет нам еще раз подчеркнуть, что лекарское искусство горцев Дагестана, в частности, бежтинцев, стояло достаточно высоко. Оно не только соответствовало уровню производительных сил общества и характеру его производственных отношений, но и несколько опережало то и другое: основное на вековом опыте народа, обогащаясь из поколения в поколение новыми эмпирическими наблюдениями, дополняясь сведениями из стран Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока, народная медицина с достоинством выполняла свою благородную миссию.

§ 4. НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ И СЧЕТ ВРЕМЕНИ

Преимущественное занятие земледелием и скотоводством предопределили развитие у бежтинцев своего календаря, основанного на опыте поколений в их наблюдениях над явлениями природы. Такие наблюдения и основанные на них закономерности были необходимы народу в его хозяйственной деятельности: сфера жизнеобеспечения во многом зависела от оптимальных сроков пахоты, сева, прополки, перегонов скота и т. д. Поэтому не случайно у бежтинцев истари бытовали названия календарных месяцев, главным образом по роду хозяйственной деятельности, соотносимых с климатическими условиями того или иного отрезка года. Так, период с декабря по январь назывался «къай», — шуба: очевидно имелся в виду период холода, период шитья шуб; период с января по февраль назывался «къай — къапо» — т. е. «домашнее имущество», «скарб»: здесь, видимо, имелось в виду наличие свободного от сельскохозяйственных работ времени, когда можно было заняться работами по дому; февраль — март назывался «яко» — «навоз» — период вывоза навоза на поле; март — апрель «болло-хулло», т. е. «сев»; апрель — май и сентябрь — октябрь назывались одинаково — «гъайван» — «скот»: здесь подразумевался видимо, период отгона и пригона овец. Май — июнь был известен как «гатохъна» — «прополка»; июнь — июль как «мукъо» — т. е. «зерно», «ячмень»; июль — август как «жатва»; август — сентябрь как «ягъогъал», что означает «косить»; октябрь — ноябрь считался временем заготовки дров, ноябрь — декабрь носили наименование «голод».

Календарным месяцем считался месяц лунных фаз, начало месяца совпадало с новолунием. Период лунных фаз равнялся 29,5

суткам, поэтому в лунном календаре 29-дневные месяцы перемежались с 30-дневными (для удобства счета). Год состоял из 354 дней, с промежутком в 2 года к одному из 29-дневных месяцев добавлялось по одному дню, и, таким образом, среднее количество дней в году в 31-летнем цикле равнялось 365 дням (354+11).¹¹

Год (ли) делился на четыре периода: зима (лине), весна (эмеда); лето (азо) и осень (сибова), каждый из которых состоял из трех месяцев (боцо). В свою очередь месяц делился на недели (анкъ), по 7 дней в каждой (день «водо»). Кроме вышеназванного, у бежтинцев были и другие наименования месяцев:

- Цикас боцо — месяц блохи (декабрь — январь)
- Якос боцо — месяц навоза (январь — февраль)
- Готанийас боцо — месяц плуга (февраль — март)
- Боллос боцо — месяц сева (март — апрель)
- Водис боцо — месяц дождя (апрель — май)
- Бацис боцо — месяц волка (сентябрь — октябрь)
- Сийс боцо — месяц медведя (октябрь — ноябрь)
- Соралис боцо — месяц лисы (ноябрь — декабрь)

В с. Хашархота мы записали названия месяцев, поименованных насекомыми и птицами. Причины соотношения временных отрезков с этими названиями пока выяснить не удалось, вопрос нуждается в доработке.

Итак:

- Декабрь — январь — гъгъудо (сова)
- Январь — февраль — хъоршон (клоп)
- Февраль — март — килагъас къи (паук)
- Март — апрель — кукутло (кукушка)
- Апрель — май — хачло (ласточка)
- Май — июнь — папатло (бабочка)
- Июнь — июль — бирзола (овод)
- Июль — август — илба (голубь)
- Август — сентябрь — глотI (муха)
- Сентябрь — октябрь — ванаъас гуда (куропатка)
- Октябрь — ноябрь — болкъа (улитка)
- Ноябрь — декабрь — гъада (ворона)

Возможно, что в названиях месяцев отражено в данном случае наблюдение над активизацией различных циклов жизнедеятельности птиц и насекомых, имевших то или иное отношение к каким-то периодам в земледелии и скотоводстве.

Как и у других народов,¹² у бежтинцев в процессе хозяйственной деятельности получили развитие лунно-солнечный календарь, где счет дням и месяцам велся по фазам луны, а наступление времен года, времени суток, сроки начала и завершения сельскохозяйственных работ определялись по солнцу.

¹¹ Подробно об этом см.: Цибульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1964. С. 11—124.

¹² См., например: Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987.

Многовековая хозяйственная практика позволяла бежтинцам определять начало или конец времени года по тем или иным приметам. Так, на юго-запад от с. Бежта расположено урочище, известное как «Ущелье, откуда приходит весна». На стене одного из старых жилых домов селения (ныне разрушенного) была метка. Когда луч солнца падал на эту метку, подмечено в народе, наступает первый день весны. Таким же признаком служило падение луча солнца на местность «НахьолI»: считалось, что на следующий после этого день нужно проводить обряд Первой борозды; признаком начала весны было также появление солнца у седловины горы «Къовала хелаъ» или появления утром звезды «Бабалоца» — Венеры. Если рано утром солнце появляется из-за горы «Отоо», считали в с. Тлядал, значит пришла весна. Ее приход определялся также появлением подснежников (гьокIа) и первым кукованием кукушки. Период, когда солнце закатывается за верхушку сосны в местности «БоцIбакъа» у тлядальцев считали началом весны. Чем дальше от сосны отходит солнце, тем больше уходит дней весны. Когда солнце восходит в местности «Акъагъа» — значит наступило лето. В с. Бежта начало лета определялось появлением солнца в средней части горы «Зидаъ», где оно задерживалось на 6 дней. Когда солнце появлялось между двумя соснами на горе «Нахьотбизе», считалось, что настал самый короткий день. Здесь солнце тоже задерживалось на 6 дней. В с. Хашархота наступление осени определялось появлением на небосклоне созвездий «Муррукъо» (...) и «ГьелIо» (...). Считалось также, что с наступлением осени созвездие Большой медведицы — «КъацIобакия пада» (т. е. «Ряд», «По-очереди») появляется на юго-востоке в 10 — 11 часов вечера («спустя — 2 — 3 часа после вечернего намаза»). По приметам хашархотинцев утренняя звезда «Хисакъасца» появляется на небе рано утром в феврале и движется на запад в течение трех месяцев, а потом исчезает. Самый короткий день года определялся тем, что солнце восходило со стороны Анцуха, а заходило за вершину горы на Генужском перевале. Этот день считался днем начала зимы и назывался «МукIолаъ бохъ махецаI» — «Солнце спускается к постели». Если солнце восходило со стороны горы «Тинногъа», значит наступила середина зимы. приметой наступления зимы у бежтинцев служила и остановка солнца над тремя рядом расположенными вершинами «Оккъа».

На восток от с. Тлядал расположена гора Отоо. Восход солнца над вершиной этой горы считался наступлением зимы. Приход зимы определялся и по взаиморасположению созвездий из трех «Мурукъо», или «Муррукъо» («Молотильные доски-ярмо») и из пяти звезд «Цан-чикIе» («Коза-козлята»).

Самым жарким временем года («бицунго боркъи гатъиё заман») считался период, начинающийся после двух недель от начала лета и длившийся 40 дней. Также определялось и самое хо-

лодное время года («кыкыйо заман») — после двух недель от начала зимы и длительностью в 40 дней. Самое ветреное время года у бежтинцев это «кьало кьокылца», длительностью в 20 дней со дня начала зимы. Ему на смену приходит «болIоос — мех» («плуг-ярмо»), длительностью в 25 дней. Этот период в народе считается наиболее неблагоприятным для здоровья человека. 20 дней длился период «цIилIолъи», начало которого определяется точкой у кошек. (то дни пробуждения от спячки всего живого, дни страсти).

Трудовой опыт и многовековая практика позволяли бежтинцам делать фенологические наблюдения для прогнозирования состояния погоды. Так, к северо-западу от с. Бежта расположено урочище «Цадбаъ» — «Место дождя». Если туман или сгустившиеся тучи появлялись над вершиной ГьемилI (на юго-запад от с. Хашархота), это считалось верным признаком скорого проливного дождя. Дождя следовало ожидать также, если туман скапливался над вершиной горы Шубли-меэр. В народе приметили, что если даже погода стоит солнечная, ясная и ничего не предвещает дождя, но река, протекающая у селения, начинает издавать характерный глухой шум, то это тоже признак скорого дождя. Если в начале весны, приметили тлядальцы, на небосклоне то и дело наблюдается обилие звезд, значит будет дождливой весна и засухи можно не опасаться. Обильный снегопад до конца листопада предвещал мягкую и снегообильную зиму. Таким же предвестником хашархотинцам служило обилие на лугах в июле — августе зонтичного растения «пикIоI». Повсеместно у бежтинцев низовой ветер с северо-запада предвещал туман, резкое уменьшение количества летающих ласточек знаменовало сильные ветры, закрытые в предполуденное время бутоны цветов говорили о возможном градобитии и др.

Сельскохозяйственный год у бежтинцев начинался в конце марта, с ритуала проведения первой борозды. Затем наступал период окота овец, а через две недели заканчивался период выноса (вывоза) навоза на поля. Дней 10 спустя начинались пахота и сев. Недели через три женщины выходили на первую прополку, которая длилась около месяца с перерывами в 8 — 10 дней. Первый период прополки совпадал с началом периода доения овец. До жатвы и сенокоса мужчины, не занятые скотом, производили ремонтные работы жилища, хозяйственных построек, обрабатывали овчину и кожу, чинили сбрую, приводили в порядок сельхозинвентарь, понемногу начинали заготовку дров на зиму и др. Период жатвы по срокам совпадал с периодом обмолота зерна и его помолом — до конца сентября — начала октября. С сентября — октября по февраль — март многие мужчины уходили на заработки, чаще всего в Грузию, нередко в Азербайджан, иногда в Чечню и др. Сенокосная страда по времени совпадала с периодом стрижки овец и с пригоном скота с высокогорных пастбищ на присельские. Здесь скот 10 дней — две недели подкармливался, а затем перего-

нялся на зимние пастбища, расположенные на территории Грузии. Часть скота содержалась стационарно на хуторах и в селениях, где в зимнюю пору иногда подкармливалась на пригревах. Последнее время совпадало с началом выноса навоза на поля, а период второй прополки — со временем отгона скота на летние высокогорные пастбища.

Отсчет суток у бежтинцев начинался с вечера. «Народы, которые в качестве основной меры времени использовали лунные месяцы, считали за полный 24-часовой день период времени от одного вечера до следующего вечера» — пишет Э. Бикерман.¹³ Итак, бежтинцы различали следующее время суток: вечер (марчЮкЮль), время вечерней зари (колЙухона), ночь (нишекЮо), полночь (яЮо охьовадда), время утренней зари (качетЮугЮе), рассвет (хиссалдайлил), утро (хисакья), день (яЮохьей), полдень (Юобакья, ялокос водо). Счет ближайших дней вперед и назад был такой: сегодня (жейса), завтра (хиса), послезавтра (хисалал), послепослезавтра (хиса-хисалал), вчера (гьул), позавчера (гьуллал), позапозавчера (гьуллаллал). Как и у других народов, у бежтинцев были приметы наступления того или иного времени суток. На южной окраине с. Хашархота, у реки, еще лет 15 назад были развалины оборонительной башни, ныне полностью разрушенной. Когда солнце появлялось над этой башней (местность «Окья»), считалось, что наступил полдень. У тлядальцев приметой наступления полдня служило освещение солнцем вершины горы «Акьатья». Рассвет определялся по появлению самой яркой звезды созвездия Большой Медведицы («Букьо ца»), Венеры («Бабало ца») и Утренней звезды («Хисакьяс ца»). Кстати, звезду «Букьо ца» в народе считают «помощником месяца», «вторым месяцем». Сумерки наступали с появлением «Маленькой звезды» — «Буверо ца» (с. Тлядал). Когда солнце достигало вершины «Кьилмалитис бизо» («Южная гора») горы «Бацбакья» («Местность выпаса крупного рогатого скота»), наступал полдень (у тлядальцев). Время вечерней молитвы определяли появлением первых звезд на небе. Наступлению вечера у тлядинцев предвещало появление солнца над вершиной «Сорад» (по названию одноименного хутора). Такое расположение солнца в месяц Рамазан означало, что постящиеся мусульмане могут подкрепиться.

Таким образом, сельскохозяйственный календарь бежтинцев, соответствующий уровню социально-экономического развития народа, был максимально приближен к трудовой деятельности населения, и более того, базировался на этой деятельности. Схожесть исторических судеб, условий экономического и культурного развития, а также природно-географических особенностей у бежтинцев с другими дагестанцами, народами Закавказья и Северно-

¹³ Бикерман Э. Хронология древнего мира. (Ближний Восток и античность). М., 1975. С. 10 — 11.

го Кавказа,¹⁴ породили и сходные принципы отсчета времени, способов определения времен года, внутрисезонных членений и т. д. Общие черты и признаки объединяют календарь бежтинцев с календарем других народов сопредельных республик и мира.¹⁵

§ 5. НАРОДНЫЕ УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ, ПРАЗДНИКИ, ИГРЫ

В часы и дни, свободные от сельскохозяйственных работ, население, оставшееся в селениях, организовывало досуг так, чтобы можно было отдохнуть, пообщаться, отрешиться от повседневных забот, повеселиться. Наиболее распространенными мероприятиями этого плана были коллективные праздники, приуроченные к началу или завершению тех или иных циклов хозяйственных работ.

В конце марта бежтинцами отмечался день вывоза навоза на поля. Накануне вечером каждая семья готовила праздничный ужин, которым домочадцы угощались сами, угощали тем или иным блюдом родственников и соседей. Навещая друг друга, люди собирались небольшими компаниями пели, танцевали, веселились. Также весело проходили и другие дни, знаменующие «зачин», несущий с собой, по народным представлениям, благоприятные условия для хорошего урожая, а также приплода и сохранности скота. Таковы день весны «их чезибахьейльги», день прополки «гатохьнакья», день лета «азо чезибахьейльги» или «азодос водо», день осени «сировас водо», день жатвы «мукьобох ёЮолцас водо», день сенокоса, день отгона овец «акля ильеельги»

¹⁴ См.: Гаджиева С. Ш., Кумыки. С. 73 — 75; Ее же. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989; Трофимова А. Г. Обряды и празднества лезгин; связанные с народным календарем // СЭ, 1961. № 1; Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана // Материалы VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964; Материальная культура даргинцев. С. 54 — 59; Ихиллов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967; Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — нач. XX вв.) Махачкала, 1967. С. 30; Булатова А. Г. Лакцы. С. 44 — 46; Ее же. О некоторых семейных и общественных обрядах народов Горного Дагестана в XIX — нач. XX вв., связанных с весенне-летним календарным циклом // Семейный быт народов Дагестана в XIX — XX вв. Махачкала, 1980. С. 89 — 106; Сельскохозяйственный календарь народов Дагестана. С. 183 — 212; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — нач. XX вв. М., 1978. С. 38 — 42; Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987; Сохадзе А. К. Из истории хозяйственного быта грузинского народа: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тбилиси, 1965; Одабашян А. Праздник Нового года (Аманор) в земледельческом календаре армян: Автореф. дисс. канд. истор. наук. Ереван, 1967; Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976 и др.

¹⁵ См. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX — нач. XX вв.). М., 1973; Бурнев А. Б., Руссулов Р. Мужские объединения и община у узбеков и таджиков на рубеже XIX — XX вв. // Крат. содерж. докл. средиземноморско-кавказ. чтений. Л., 1983 и др.; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Зимние праздники (XIX — нач. XX вв.). М., 1977; То же: Летне-осенние праздники (конец XIX — нач. XX вв.). М., 1978; То же: Исторические корни развития бытчаев.

или «боцИ бежеллишас водо», день возвращения стада «боцИ кьа мокьошас водо», и др.

Для потребления в семье и главным образом для благочестивых жертвенных раздач в семьях в эти дни пекли лепешки, пироги, готовились ритуальное блюдо «горо». Существовала целая серия предпочтительных и запретных действий, приуроченных к перечисленным дням, общих для всех этих дней или соблюдаемых только в одном, определенном случае и т. д.

До начала XX в. бежтинцы отмечали и другой календарный праздник «Лилмас водо» — день встречи зимы. Проводился он 19 — 20 декабря и имел целью, вероятно, задобрить силы природы, умилостивить их, оградить от них дремлющее животворное начало, дающее плодородие и плодovitость растениям и животным. Накануне этого дня в каждой семье в обилии готовилась еда, закуски, выпивка. Родственники и односельчане навещали друг друга, поздравляли с наступлением зимы, угощались, переходя из дома в дом, организовывали танцы, пели, устраивали шуточные розыгрыши и т. д. Обязательным считалось приготовление в каждой семье каши из пшеничной муки «хъибос яхъо», которую члены семьи, никого из посторонних не угощая, ели с маслом сами. Вечером по селениям и хуторам зажигались костры, при этом каждое селение, каждый хутор старался разложить у себя костер более крупный по сравнению с соседским. В этот же вечер ряженая молодежь с факелами ходила по селению от дома к дому и, напевая шуточные куплеты, поздравляла хозяев с праздником, за что получала от них лепешки, колбасы, орехи и проч. Возглавляли процессию двое ряженных, один из которых был в маске козла «Тига», другой изображал козу «шами». Напевая и приплясывая, они время от времени импровизировали подобие похотливых оценок, что в этот день считалось допустимым. Видимо, здесь мы имеем дело с отголосками подобий стародавних поверий культа Диониса в древней Греции.¹⁶ Надо думать, не только отдельные составные, но и весь праздник сохранился как рудимент древней культовой символики.

Зимние календарные праздники отмечали и другие народы Дагестана¹⁷. Распространены они были и у других народов Кавказа. «С древнейших времен, — пишет в частности Н. Ф. Такаева, — осетины, как и грузины, отмечали языческий календарный праздник, связанный с зимним солнцеворотом... Этот праздник был связан с предстоящим урожаем»¹⁸.

¹⁶ См.: Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. М., 1955. С. 73.

¹⁷ См.: Карпов Ю. Ю. Указ. соч.; Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX — начале XX вв. Л., 1988. С. 113 — 142; Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Дидойцы-цезы: Историко-этнографическое исследование. XIX — нач. XX вв. Махачкала, 1988 (машинопись). С. 211 — 212.

¹⁸ Такаева Н. Ф. Погребальные поминальные обряды осетин в XIX в. // СЭ, 1957. № 1. С. 147.

Особенно популярным у бежтинцев был праздник, известный в литературе как праздник первой борозды, по-бежтински «БолПошос багьольи», «БолПошс водо». Проводился он 21 — 23 марта. Сразу же по окончании праздника сельчане назначали на следующую год ритуального пахаря — «оллолаги». Это должен был быть человек выше среднего или старшего возраста, крепкий, здоровый, пользующийся репутацией мудрого и справедливого человека, хорошего хозяина. Праздник начинался с того, что все сельчане собирались у дома «оллолаги», который специально для их угощения резал быка, корову или несколько овец. Пришедшие в свою очередь приносили с собой хлеб, яйца, мясо и др., чтобы облегчить «пахарю» материальные расходы. После коллективного обильного угощения толпа сельчан во главе с «оллолаги», несшего на плече деревянный плуг, направлялась на заранее условленное место. За «пахарем» народ вел быков, уже запряженный в ярмо. Как и повсеместно в Дагестане, «пахарь» был в вывернутых наизнанку шубе и папахе. Кроме того, и «оллолаги», и быки, и плуг, и ярмо были украшены лентами, отрезами материи, платками и др.

Придя на место, жители селения располагались большим кругом, с пахарем и быками в центре. Помолвившись, «оллолаги» приступал к обрядовой вспашке, делая 2 — 3 символические борозды по кругу (по часовой стрелке). Присутствующие при этом забрасывали «пахаря» и быков комками земли и навозом, а также специально для этого припасенной старой одеждой, носками, обувью и т. д., обливали быков и пахаря водой. По окончании ритуальной вспашки быков выпрягали и гнали с поля, бросая в них тряпье. Все это, и вывернутая мехом наружу одежда, и забрасывание старьем, и обливание водой должно было способствовать обилию влаги и хорошему урожаю («подобное-подобным»). Старье и тряпье собирали в одну кучу и здесь же, на поле, сжигали. Это, очевидно, символизировало желание — мольбу покончить со старым, худосочным, убогим и дать новое — обильное и добротное.

Сразу же после обряда в селении начинались спортивные соревнования юношей и мужчин в беге, метании тяжестей, в борьбе и скачках. Победители получали в награду «шебло» — бок барана, а также ритуальный антропоморфный хлебец. Их чествовало все селение, «призеров» было принято приглашать домой, угощать их и одаривать кинжалом, кisetом, ножом и др.

Таким образом, празднование бежтинцами для первой борозды характеризует народ как преемника древней земледельческой культуры обставленной различного рода ритуально-магическими обрядами, сохранившимися до нового времени в виде рудиментов и интерпретаций.

Отмечались бежтинцами и религиозные праздники.

В месяце Курбан (на 10-й день 12-го месяца) здесь, как и повсеместно в мусульманском мире, проводились дни поминовения

умерших родных. Привнесенный мусульманством праздник Курбан нашел благодатную почву для распространения в Дагестане, где истари культ предков был одной из основ комплекса местных поверий и верований. В эти дни в каждом хозяйстве резали барана и организовывали семейные и общесельские общественные моления — моллюды, на которых поминались все покойные родственники, начиная с самых близких и кончая дальними. Мясо раздавалось жителям селения, в каждом доме обязательно в изобилии готовили блюда с мясом, ели сами, обязательно угощали всех прохожих, проезжих и т. д.

После 30-дневного поста в месяце Рамазане наступал праздник «Клал её водо», широко известный как Ураза-байрам. В этот день в доме всего должно быть в изобилии: различных блюд с мясом, пирогов, сладостей, фруктов (если сезон позволял) и т. д. С раннего утра жители селения выходили из дома и шли поздравлять старших по возрасту родственников, соседей и односельчан с праздником. Любого пришедшего сажали обычно за стол, уставленный всякими яствами и хорошо угощали. Пришедший и хозяева обменивались подарками: это могло быть что-нибудь из продуктов, а также подарком бытового или сувенирного типа. В эти дни люди прощали друг другу взаимные обиды, поссорившиеся мирились, враждующие подавали друг другу руки (за исключением кровников). Считалось неприличным в дни «Клал её водо» проявлять раздражение, печаль, озабоченность; смех и веселье царили повсюду.

Как праздник отмечали правоверные мусульмане и день рождения пророка Магомеда, приходящийся на 12 день месяца зулгуджа. В этот день, прослушав проповедь в мечети, люди расходились по домам. Многие устраивали семейные моления по поводу даты, обязательно проводился и общеджамаатский моллюд. В домах накрывались праздничные столы, хозяйки дома организовывали пожертвования — благодеяния в виде раздачи односельчанам и тем, кто оказался в селении, лепешек, пирогов, сладостей и др.

В свободное от работы время молодые люди устраивали увеселительные собрания — юноши и молодые мужчины отдельно, девушки и молодые женщины — отдельно.

В период после пахоты, сева весной или после жатвы и сенокоса осенью молодые люди собирались на увеселительные сборы «бихъцо», в количестве до 15 — 20 человек. Собрание происходило либо у кого-нибудь из молодых людей, по тем или иным причинам оставшихся на это время в одиночестве, либо в пустом доме родственников кого-либо из собравшихся, либо за плату нанималось жилое помещение у односельчан и др. Группа выбирала старшего — ведущего, «шаха», которому каждый из участников сборов в вопросах организации и проведения собрания безоговорочно подчинялся. Юноши и молодые мужчины вскладчину поку-

пали одного — двух баранов, хмельное и, кроме того, каждый из них приносил из дома какие-нибудь продукты: муку, хлеб, мясо, сыр, колбасы и проч. «Шах» начинал с того, что распределял обязанности: один должен был позаботиться о топливе, другой о посуде, третий о соли, четвертый о музыкальных инструментах и т. д. Сборы длились три, пять или семь дней, по договоренности. Без особо уважительной причины никто не имел права покидать собрание. Спали собравшиеся здесь же, где и на чем придется, чаще всего на кусках войлока, принесенных из дома, нередко завернувшись в овчинные шубы. К 5 — 6 часам утра назначенный на кухню готовил завтрак, ответственный за порядок в помещении — наводил чистоту, и молодые люди садились за стол. Завтрак проходил весело, с шутками и розыгрышами без хмельного. Часам к 7 — 8 утра молодые люди выходили за селение и устраивали там спортивные состязания в беге, метании камней и борьбе. «Шах» в состязаниях не участвовал, его функции сводились к судейству. К полудню все возвращались в дом и устраивали веселье. При этом тот, кто вышел в соревнованиях победителем, мог потребовать от побежденных станцевать, спеть песню, рассказать занимательную историю, сказку и т. д. То же самое любому из присутствующих мог предложить и ведущий. К 2 — 3 часам дня молодые люди садились обедать. Хмельное и единственный бокал находились у «шаха», который, провозгласив здравницу в честь присутствующих, передавал бокал одному из участников веселья, стараясь соблюдать при этом очередность по возрасту. Принявший бокал должен был обратиться к собравшим с шутливым тостом, выпивал содержимое, отпивал немного или только подносил хмельное ко рту — по собственному усмотрению, — и передавал бокал ведущему. Так, за время обеда, длившегося часа два, каждый из присутствующих трижды принимал бокал и трижды пытался рассмешить собравшихся. Малейшее проявление неприличного поведения, признаков опьянения наказывалось позорным изгнанием участника веселья из общей компании. Часам к пяти вечера молодые люди гурьбой обходили хозяев селения, посещали родственников участников увеселения и с шутками, остроумиями, взимали с них продукты — хлеб, яйца, мясо и проч.: никто в подобных случаях молодежи не отказывал. Возвратившись с продуктами, молодежь снова приступала к песням и танцам, прерываемыми часам к восьми плотным ужином. За ужином «шах» опять пускал бокал по кругу, только на этот раз тост произносился в честь кого-либо из присутствующих или его близкого родственника — серьезный или шутливый. После ужина веселье длилось еще час-полтора, после чего молодые люди отходили ко сну, чтобы с утра все начать с начала.

В те же весенние или осенние дни у кого-либо из подруг собирались девушки и молодые женщины. Они также проводили время в песнях, танцах и шутках-розыгрышах, угощаясь в промежутках горохом, морковью, отварными злаками, вареным картофе-

лем и др. Собрание длилось с сумерек до околополучного часа, после чего все расходилось по домам, чтобы на следующий день собраться снова. Взрослые мужчины — хозяева дома на все это время уходили куда-нибудь и обычно возвращались лишь после того, когда девушки и женщины разойдутся. Если во время сбора женщин в такой дом попадал мужчина, его задерживали, долго не отпускали, устраивая «перекрестный допрос», дразня и подкалывая «пленника», высмеивая его привычки, физические данные, нелестно отзывались о его жене (которая могла находиться тут же) и т. д. В довершение всего у мужчины отбирали папаху, шапку и возвращали лишь после того, когда он приносил собранню какое-нибудь угощение, лакомство.

Кратковременные собрания типа посиделок у бежтинцев назывались «Цогъа» — «у огня». Они также делились на мужские и женские. Собиралась молодежь на вечер, часто на второй день собрание переносилось к другому хозяину, к третьему и т. д. Собраться молодежь практически могла в любое время, но чаще всего это происходило после или до сельскохозяйственной «страды», весенней или осенней. Юноши и мужчины просто приходили к кому-нибудь, собравшиеся женщины приносили с собой, как правило, какое-либо рукоделье. Те и другие проводили время в песнях, танцах, шутках, в импровизированных состязаниях в остроумии. Здесь рассказывались сказки, были, играли в различные игры и т. д. Вот одна из таких игр, «Хасандела».

Играющие садятся кругом, в руках у одного из них палка. Он молча стучит об пол палкой один раз и передает ее по часовой стрелке второму. Этот стучит уже два раза и передает палку третьему — и т. д. Допустим, что игроков — 10 человек. Когда палка, обойдя круг, возвращается к тому, кто начинал, он должен постучать ею 11 раз, следующий 12 раз и т. д. Тот кто ошибается, сбъется в счете (стукнет, скажем, на раз больше или меньше), штрафуются. Его ставят спиной к стене, лицом к участникам игры, при этом «проштрафившийся» закрывает лицо папахой. Остальные участники по одному бросают в него носком, башмаком, папахой и др. Стоящий у стены должен отгадать, кто именно в него бросил и стоит «под обстрелом», пока не отгадает. Если же имя названо правильно, бросивший становится у стены, а «обстреливаемый» занимает место среди остальных играющих. Игра идет до последовательной смены у стены троих участников игры, после чего все садятся в круг и опять начинают стучать палкой.

Играли на Цогъа и в «Гьасаас ца» — «Звездочку». Эта игра розыгрыш. Сговорившиеся собравшиеся предлагали вновь пришедшему посмотреть на небо через рукав шубы (все мол, это уже проделали), и постараться увидеть звездочку: увидеть ее, мол, сможет только счастливый человек. Если новичок соглашается, на него набрасывают шубу так, чтобы она его накрыла с головой, а лицо оказалось у плечевого отверстия. Делая вид, что

помогают новичку, двое из собравшихся натягивают рукав, поднимая его вверх, а третий льет в него холодную воду, обливая под общий смех ничего не подозревающего пришельца.

У бежтинцев были традиционные места юбора молодежи, куда молодые люди приходили испытать силу и ловкость. Так, например, подобным местом для тлядалцев служила поляна недалеко от селения, на берегу реки, у старого моста. Здесь соревнования в беге, борьбе, в метании камней и поднятии тяжестей нередко сопровождались игрой на зурне и барабане. Последние сборы молодежи и болельщиков здесь происходили в конце 50-х годов. На таких местах сборов юноши и даже зрелые мужчины нередко играли в традиционные спортивные игры. Кратко опишем две из них:

Игра «Кларакбалъ». В нее играет четное количество игроков, от 4-х до 10 человек, делящихся на две команды. Производится жеребьевка, определяющая нападающую команду (№ 1) и защищающуюся (№ 2). Обе команды располагаются на линиях, расстояние между игроками одной команды 2—3 м., расстояние между командами 8—10 м. Позади защищающейся команды стоймя устанавливалась каменная плита размером около 0,5x0,5 м. В руках у каждого игрока этой команды была палка в 1 м длиной и больше, это «Клетги» и на всех играющих один брусок длиной в 20—25 см. «Кларак». Один из игроков команды № 2 брал Клетги в руки, держа ее перед собой за один конец, другой конец был направлен вниз. Кларак в этом случае кладется на Клетги в виде буквы «Т», он одновременно покоится и на согнутом указательном пальце игрока. Производился удар «бизалбакья»: сбросив брусок легким движением руки, игрок, не меняя положений кисти, ударом палки от себя старался отбить Кларак как можно дальше. Каждый из игроков команды № 2 проделывал это по три раза. Если игрок команды № 1 успевал на лету поймать брусок в папаху или в подол рубахи, то наносящий удар выбывал из игры, если же Кларак не пойман и падал на землю, то игрок первой команды с того же места, где лежал брусок, должен был попасть им в Клетги наносившего удар, которую последний ставил на линии своей команды, концами на двух камнях. В случае удачного броска игрок второй команды опять-таки выбывал из игры. В том случае, когда каждый из игроков второй команды успешно производил по три удара «бизалбакья», наступал черед для удара «кикякокья». Теперь брусок укладывался на дальний от захвата конец палки, которую игрок держал горизонтально. Подбросив Кларак палкой, игрок бил по нему, опять-таки стараясь нанести удар сильнее. Условия те же: пойманный на лету брусок означал для наносившего удар выбытие из игры, каждый из игроков второй команды производил кикякокья трижды. Упавшим на землю Кларак игрок первой команды теперь должен был с места его падения попасть в каменную плиту позади игрока второй команды, и если падал, то игрок, нанесший этот удар, выбывал из игры. Однако игроки команды № 2 имели право ма-

хоть палками вдоль площади плиты, стремясь помешать такому падению и отбить брусок подальше. Если в любом из случаев «Караки» был отбит на расстоянии, не менее 25 длины палки, отбивший зарабатывал 1 очко, что давало ему право остаться в команде, когда он по вышесказанным условиям должен был ее покинуть. Игра считалась законченной, когда все игроки команды № 2 выведены из игры. В следующей игре команды менялись местами.

Игра «Алалла». В нее играло обычно 5 игроков. По жребию одному выпадало водить, — это — «беллагъа», т. е. «недойная овца».²⁰ «Алалла» — это брусок, сечением в 5 см. и высотой 10 — 15 см. Беллагъа стоял у бруска, поставленного на-попа, стоймя. В 10 — 15 м. от него, в одну линию, с интервалом в 2,5 — 5 м. выстраивались остальные игроки, с палками-битами в руках (дл. до 1 м), поставив носок левой ноги в небольшую ямку. Играющие по очереди бросали биты в брусок, стараясь попасть в него и откатить подальше. Как только последний из них завершал бросок, все игроки бросались за своими битами, стремясь поскорей вернуться и занять свои ямки. Если ведущий раньше успевал к какой-нибудь ямке и наступал на нее, то он менялся с этим игроком местами. Если же один из бросков «алалла» был сбит, то игрок мог за палкой и не побежать: брусок мог откатиться недалеко, и ведущий в таком случае успевал поставить его на место и занять ямку раньше игрока. Поэтому первый же или второй игрок, сбивший брусок, нередко ждал, пока свои биты бросят и остальные игроки.

Обе описанные игры могли продолжаться долго, от одного часа до нескольких часов.

В народных собраниях, играх и праздниках, во всей сфере организации обыденного или ритуализированного досуга отразились хозяйственно-бытовые условия жизни бежтинцев. В ритуалах праздников; в сопровождавших их образцах фольклора, в особенностях организации мужских и женских увеселительных собраний, в играх и забавах народа отразились его стародавние представления мировоззренческого и этического характера, сохранились отголоски древних представлений, что в совокупности определяет своеобразие духовной жизни малого по численности народа.

Собрания, в которых отразились пережитки некогда функционирующих ритуальных мужских и женских союзов, характерны и для других народов Дагестана²¹. Описанные игры бежтинцев как

²⁰ «Беллагъа» — чабанский термин: обычно тот из чабанов, кто чем-либо проstrapился (проспал, вовремя не напоил овец, забил при выезде из дома котел, флагу и т. д.), в наказание отправлялся пасти бесплодных овец.

²¹ См.: Попов Н. Кавказские спартанцы: Игры народов Дагестана // Вестник знаний. № 2. М., 1926; Шиллинг Е. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949, С. 148 — 173; Егорова В. Некоторые формы досуга сельского населения Дагестана // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 3. Махачкала, 1972; Лугуев С. А. Реликты мужских союзов у лакцев // Всесоюзн. конф. по итогам

отдельными деталями, так и общей композицией напоминают подобные же развлечения аварцев, даргинцев, лакцев и др.²²

§ 6. ДОМОНОТЕИСТИЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

Исламизация Дагестана, начавшаяся в VIII в., проходила, как известно, неравномерно. В Западном Дагестане ислам утвердился поздно, путешественники и исследователи новейшего времени называли народы этого края язычниками²³, а В. Ф. Минорский прямо указывал, что в XVIII в. жители «Дидо-Капуча» приняли ислам только частично²⁴. Вполне закономерно поэтому, что в XIX в. у бежтинцев, как и в Дагестане вообще, с сфере идеологии сложился некий синкретизм, где позиции ислама были преимущественными, языческие представления, приспособившись к новым условиям, все еще достаточно заметно о себе заявляли, а христианство проявляло себя рудиментными вкраплениями в отдельные понятия и ритуалы. В свете изучения духовной культуры народа нас прежде всего и главным образом интересуют его домонотеистические представления, веками складывавшиеся и определявшие специфику мировоззрения и миропонимания, влиявшие на выработку и развитие этических и эстетических ориентаций. Кроме того, уместно вспомнить, что язычество как таковое — это «огромный комплекс первобытных верований, воззрений и обрядов, складывавшийся на протяжении многих тысячелетий и послуживший основой, на которой сформировывались в классовом обществе все мировые религии».²⁵

Пережитки поверий, обычаев и ритуалов, связанных с магией, древнейшей формой религии,²⁶ занимали большое место в семейном и общественном быту бежтинцев, в повседневной жизни каждого человека.

Прибегали бежтинцы иногда к любовной магии. По поверьям ответное чувство могли вызвать косточки трех плодов калины (юж), незаметно вшитые в одежду парня или девушки. Этой же цели служила половина яблока, спрятанная под порогом дома

полевых работ 1980 — 1981 гг. Нальчик, 1982. Тезисы докл.; Исламмагомедов А. И. Общественные праздники народов Дагестана (аварцы, даргинцы) в XIX — XX вв. // Всесоюзн. сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1982 — 1983. Черновцы, 1984. Тезисы докл.; Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX — нач. XX вв. Л., 1988. С. 113 — 134 и др.

²² Дибиров М. Дагестанская народная физическая культура: Опыт историко-этнографического исследования. Махачкала, 1975.

²³ См.: Вахушти — царевич Грузии. География Грузии. Тифлис, 1904. С. 131; Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728 // ИГЭД. С. 116.

²⁴ См.: Минорский В. Ф. Очерки истории Кавказа // Р.Ф. ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 321. С. 19.

²⁵ Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. № 1. 1974. С. 4.

²⁶ См.: Семенов Ю. И. О сущности религии // СЭ. № 2, 1980. С. 56.

юноши, девушки (другую половину перед этим надлежало съесть), и добавление в пищу высушенного и мелко раскрошенного стебелька клевера с четырьмя листочками (попадающегося довольно редко), и ярчкообразная кость скелета древесной лягушки, которой якобы достаточно было дотронуться до желеемого субъекта — прием, известный многим народам Дагестана и др.²⁷ Наряду с этим существовали приемы отвращения юноши от девушки и наоборот: этой цели служили стертые в порошок ногти пальцев рук или волос с головы одного, добавленные в пищу другого, окуривание юноши дымом жженных волос девушки (и наоборот), добавление в пищу одного из них содержимого воробьиного яйца, над которым произнесена не установленная нами словесная формула и др. С утверждением мусульманства влюбленные стали прибегать к различного рода амулетам с записанными на них молитвами и заклинаниями. Девушки, менее свободные в выборе партнера, спутника жизни, прибегали к любовной магии чаще, чем юноши.

Обряды вызывания дождя, прекращения дождя и градобития, вызывания солнца также имели под собой магическое начало. Все они когда-то входили в состав семейной обрядности, потом отпочковались от целого и стали рассматриваться как самостоятельные магические действия. Совершая эти обряды, в XIX в. бежтинцы то и дело обращались к богу, прося милости именно у него, хотя изначальное обращение было адресовано к олепетворенным в стихиях силам «высшего порядка», что зачастую без особого труда «читается» в дошедших до нас текстах и заклинаниях.

В большинстве случаев при исполнении обрядов вызывания дождя* («хъима водо» или «водо ючӀиӀӀи») обязательным считалось наличие в процессии персонажа, ряженого в зелень (их могло быть и несколько), — «хъима водо» или «цӀойс аӀу». Рядились обычно в связки высокого бурьяна «заз», связав пучок его в конце и одев на тело в виде шалашика. Чаще всего роль «хъима водо» играли мальчики, иногда юноши или молодые мужчины. При исполнении обряда присутствие муллы считалось желательным, именно он и руководил процессией, организовывал коллективное чтение молитв.

В дни засухи рано утром все население Бежта, Хашпархоты и Тлядала неспешно направлялось к реке, обходя по пути коллективные и частные уголья, посещая могилы святых, кладбища и отдельные захоронения и читая молитвы. На реке делались запруды, шестые делилось на две группы, мужчин и женщин, и каждая из них, замутив в запруде воду, толкала в реку «хъима водо», друг друга, брызгалась и обливалась. В послеполуденное время про-

цессия достигала ущелья «Балукуваъ», «Балукуваъэдо», где на поляне «Гъабогъа» каждый собирал белые камушки. Из них складывали семь окружностей, диаметром около 2 м., в каждом из которых садился мужчина и читал молитву. После этого следовали коллективные моления о дожде, по окончании которых люди подкреплялись продуктами, принесенными с собой, угощая друг друга.

По другому варианту на той же поляне население собирало 30 тысяч камушков. Каждый из участников обряда, прочитав короткую молитву и поплевав на камушек, бросал его в общую кучу. Домой возвращались с молитвами, обходя свои пашни и сенокосы, кладбища и могилы. Подходя к селению люди пели:

«Баркат гагӀнӀ водона гугӀна,
ЦӀоб гагӀнӀ ракъмат нилӀала.
Дибола цӀоблид лъина хулӀона,
Гъайран бовагъа ми, Аллагъ!»

«Щедрый дождь пусть пойдет
И изобилие принесет.
Водой с твоего неба
Ублажи нас Аллах!»

(Текст Раджабова М. Д.)

Действенным средством против засухи бежтинцы считали коллективное посещение священной местности «БудалаӀалас», расположенной высоко в горах, на Богосском хребте, у ледникового озера. Здесь резали купленных в складчину овец таким образом, чтобы кровь сливалась в воду озера («э^ххъ гъе мейал» — «пролить кровь в воду») мясо варили и тут же съедали. Затем следовали обычные в таких случаях ритуалы: собирали камушки, и, прочтя молитву, бросали их в озеро, обливая водой друг друга и т. д. Возвращаясь домой, женщины на двух длинных шестах несли вдоль реки лягушку, громко читая при этом молитвы. Вблизи селения лягушку бросали в реку.

Подобный же обряд совершался у озера на вершине горы «Шамшал-КӀара». Обряд с лягушкой здесь не совершался и заканчивался тем, что несколько юношей бросались в воду и барахтались в ней, смешивая с водой кровь жертвенных животных.

При упрощенном варианте этого обряда шли к ближайшей реке (обычным порядком, обходя уголья, читая молитвы и др.), где после действия «эхеэ гъе мегъна», обливания и раздачи присутствующим свежего мяса, совершали обряд «эхеэ мегъна лӀаблагъе» — «пустить в воду лягушку»; ловили лягушку, тут же шили ей штанишки и платице из дорогого материала, после чего бросали ее в воду.

Чаще всего для совершения обряда все население селения собиралось в поле, на условленное место, неся с собой съестное. Здесь мужчины и женщины усаживались на земле двумя отдель-

²⁷ См.: Гаджиев Г. А. Донсламские религиозные верования и обряды народов Нагорного Дагестана (XIX — нач. XX вв.). Махачкала, 1985 // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 216. Л. 49.

* В обрядах вызывания дождя и соответствующих фольклорных текстах использован главным образом материал Раджабова М. Д.

ными группами, между ними располагался мулла с Кораном. Исполнив коллективно молитвы, выслушав наставления муллы нравственно-этического порядка и подкрепившись, все двинулись к реке, хором произнося известную формулу «Нет бога, кроме Аллаха...!» По дороге дети собирали камушки и передавали их взрослым, которые, прочтя короткую молитву, бросали их в сторону. У реки начинались моления о дожде, и процессия возвращалась в селение. В этот вечер девушки селения, собравшись у кого-либо в доме, пели:

«Гитина гувала водо, гувала водо! Амин!
Льницей гувала водо юкбольнйе! Амин!
Ливелал бохйатина гей! Амин!
Къовал баба батина гей! Амин!

«Да пойдет дождь, да пойдет! Амины!
Водяной дождь, да пойдет! Амины!
Ягнята просят травы! Амины!
Дети просят хлеба! Амины!»

(Здесь и далее — тексты Раджабова М. Д.)

Или:

«Гувала, Аллагъ, гитиназу водо!
Гитгала, Аллагъли, чухригъцойна клавцой!
Ювагъала, Аллагъ, якос байгъола!
Ничднйе бох югъал тухъна гей,
Гургънзи ахъ, Аллагъ, ми илокъа!»

«Пусть пойдет, Аллах, сильный дождь!
Пусть полетит, Аллах, из желоба!
Пусть вымрут, Аллах, навозные жуки!
Зеленая трава высохла,
Пожалей, Аллах, нас!»

Практиковался и такой обряд, в котором участвовали только девушки и женщины, руководимые двумя старухами.²⁸ Они трижды обходили селение, кладбище, мечеть с молитвами и молениями, а затем хором пели на аварском языке:

«Гъарун бай, мушун бай
Шуго къояль цъад бай, Аллагъ!
Бестгала лъималазе голо бай, Аллагъ!
Бецгаб сордояль чъакун бай, Аллагъ!
Кинабго къояль гъаритун бай, Аллагъ!
Херал руччабазе голо бай, Аллагъ!»

«Дождь проливной
Дай на пять дней нам, Аллах!»

²⁸ В наше время еще совсем недавно подобной процессией руководила Нуцадохова Жаннет и Шавлоева Патимат из с. Бежта (по данным Раджабова М. Д.).

Ради сирот темной ночью, Аллах!
Дождь проливной дай нам, Аллах!
Светлым днем проливной дождь, Аллах!
Ради старух дай, Аллах!

В отдельных разновидностях обряда значительную роль играли дети. Организовывалось шествие к воде, с исполнением заклинаний и молитвы. По дороге собирались камушки, над каждым из которых мулла нашептывал короткую молитву и складывал их в небольшой мешочек. Мешок с содержимым бросали в воду после совершения обряда пускания крови в реку, мясо животного раздавали мелкими кусками участникам процессии. Этот вид пожертвований назывался «водо гуваллалъ садакъа» — «дождевое дарение (милостыня)». К реке среди прочих шли дети в наряде «хъима водо», которые пели:

«Гувала, гувала гитиназу водо,
Зободола ашшо воде, Бетгеръан!»

«Дождь пусть пройдет проливной,
Проливной, с палец толстый, Всевышний!»

С такими же песнями дети с ряжеными во главе обходили дома в селении, где хозяева их одаривали хлебом, мясом, сладостями и др. Исполнялась ими и такая песня — заклинание:

«Гитина гувала водо,
Зокъодола йукъо.
Кудайад гитиняцой;
Ми ея, Аллагъ!»

«Дождь, лей,
Проливай,
Лей с палец
Лей как из кувшина,
О, Аллах!»

По другому варианту такого обряда дети во главе с несколькими «хъима водо» обходили дома селения и собирали съестное, сладости, орехи, яйца и др. Затем процессия детей направлялась к реке, все собранное делилось и съедалось. Главное место занимало здесь битие яиц «гъеммаъ цъемуц», которому приписывалось воздействие на силы природы, способные ниспослать с небес влагу. Обряд завершался тем, что дети толкали друг друга в воду, пока все не промокали.

В период засухи бежтинцы прибегали и к обрядовой вспашке. При стечении народа «пахарь» в вывернутых наизнанку шубе и папахе проводил несколько борозд на своем или чьем-либо поле. Женщины при этом обливались из кувшинов водой, триговаривая: «Пусть таким же вымокшим вернешься ты с поля!»

Наряду с этим бежтинцы совершали магические действия, призванные прекратить градобитие, ливень, вызвать солнце. Так, во время града или продолжительных дождей люди устанавливали на крышах котлы вверх дном. Установлению солнечной погоды способствовало якобы веяние золы из окон и дверей помещений или втыкание веток в землю с деревьев. Чтобы выпадение дождя или града прекратилось, люди раскладывали во дворе топоры и ножи лезвием вверх. Град прекратится, верили в народе, если под него с непокрытыми головами вывести близнецов (отголоски древнейшего культа-близничного)²⁹ или сына-первенца. Прекращению дождя и установлению солнечной погоды способствовало, по поверьям, катание вареных яиц по земле у берега реки. Такое же действие приписывалось молоку, вылитому по склону горы и блюду из смеси сваренных злаков «гъелейо хъибо», приготовляемому коллективно.

Заметное место в традиционной культуре бежтинцев занимали отголоски культа земли. Почитание земли с ее плодоносящей силой было широко распространено у народов мира.³⁰ Нормы поведения предписывали бежтинцам, как и у древних дагестанцев³¹, бережно, с уважением относиться к земле: по ней не рекомендовалось бить палкой, без особой надобности резать ее острыми предметами и др. Бытовала клятва землей, сохранились отголоски обычной есть землю в знак нерушимости клятвы и др.³²

Почиталось у бежтинцев, как и во всем Дагестане, животворящая сила солища, связанная с земледелием. На каменных стенах домов, старых и отстроенных заново из материала развалившихся строений, и в наши дни сохранились разновидности солярных знаков. Отголоски былого почитания солнца сохранились в народе в обычае обращаться с мольбой к богу именем восходящего светила, в клятвах солнечным светом, в «очищении» так или иначе «оскверненных» предметов, утвари и других солнцем, его лучами и т. д.

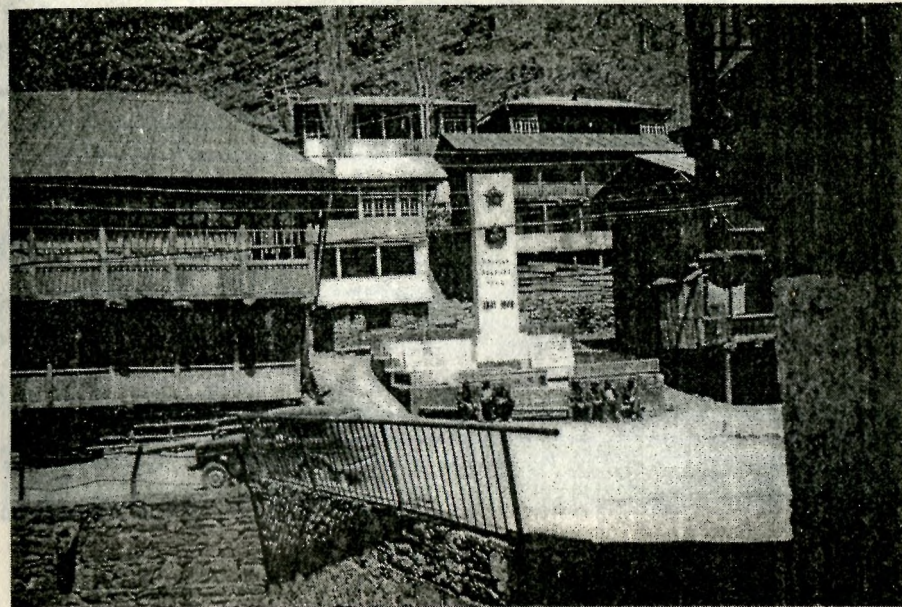
Неписанные нормы предписывали членам коллектива бережно относиться к огню, не бросать в очаг или костер мусор, стриженные ногти, волосы, не плевать в огонь и др. Цикл имущественных запретов распространялся у бежтинцев и на огонь, который нельзя было выносить из дома после захода солнца. По местным поверьям рекомендовалось из очага старого дома во вновь отстроенный прежде всего принести угольки и зажечь от них очаг. Олицетворяя в себе семейно-родственное объединение, культ очага

²⁹ См.: Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 127.

³⁰ См.: Фрезер Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Изд. 2. М., 1986. С. 143—144, 271—275. и др.

³¹ См.: Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 95.

³² То же у восточных славян. См.: Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов. М., 1957. С. 74.

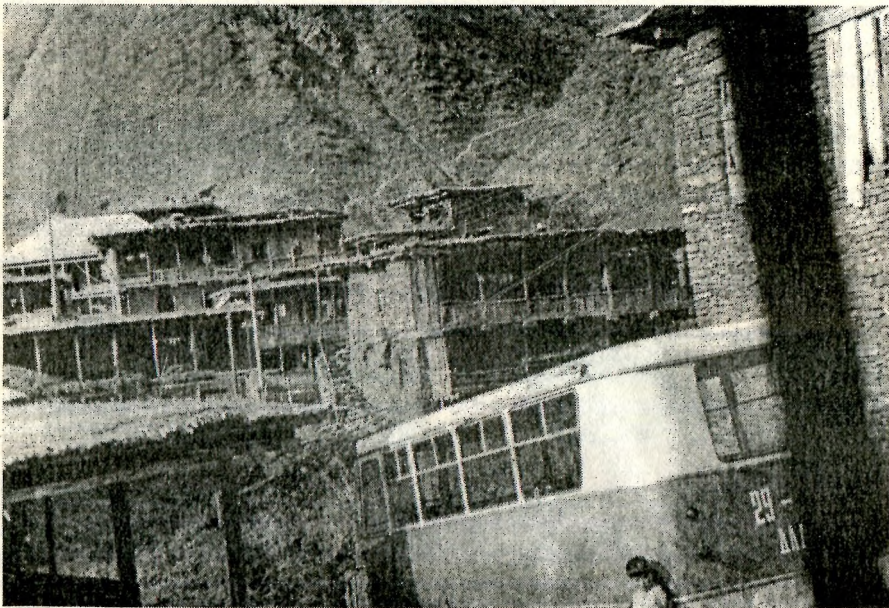
Часть селения Бежта

Часть селения Хашархота

Часть селения Бежта

Часть селения Ханархота

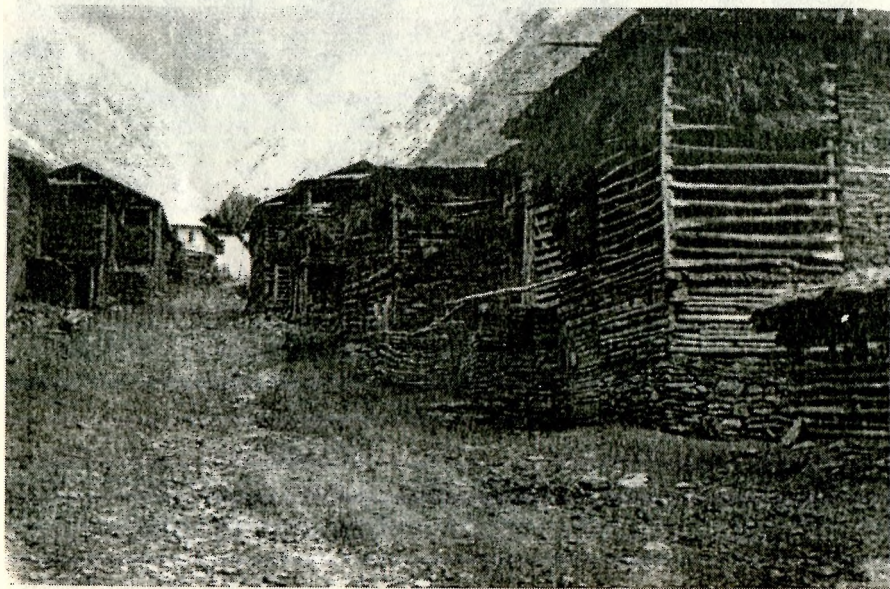
Часть селения Бежта

Селение Тлядал

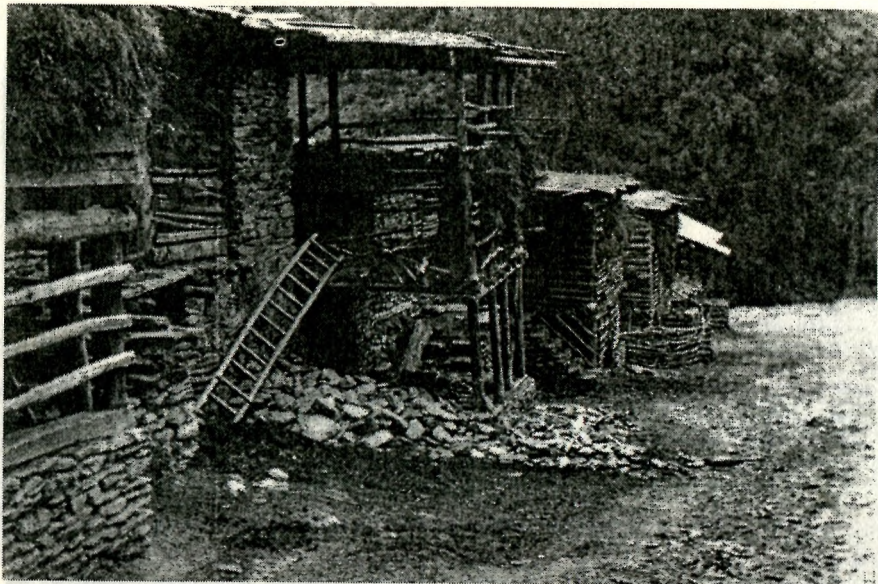
Современный бежтинский дом

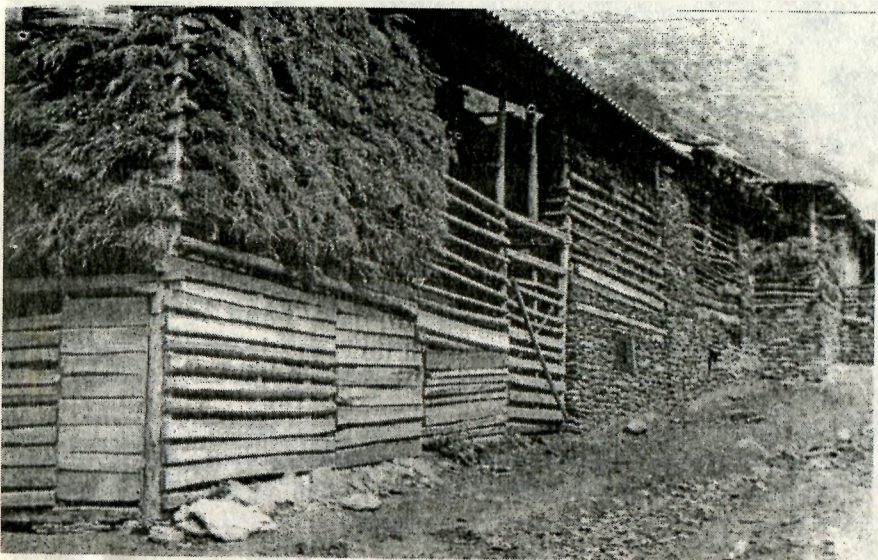
Хозяйственные постройки селения Тлядал

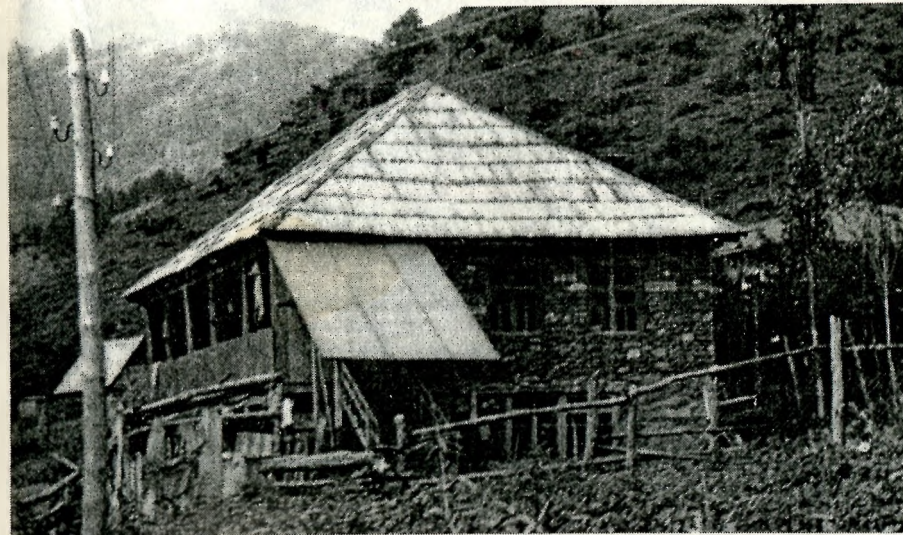
Улица селения Тлядал

Тлядал. Хозяйственные постройки

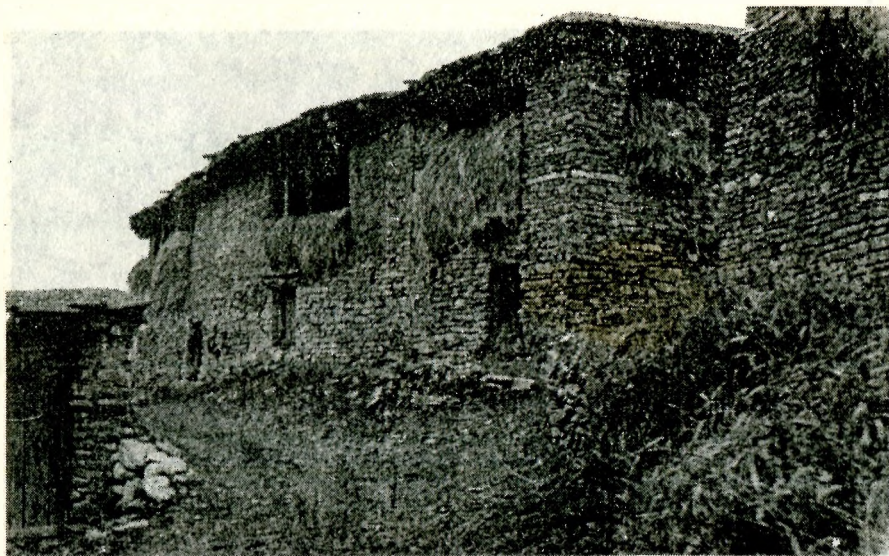
Селение Бежта. Хозяйственные постройки

Усадьба селения Тлядал

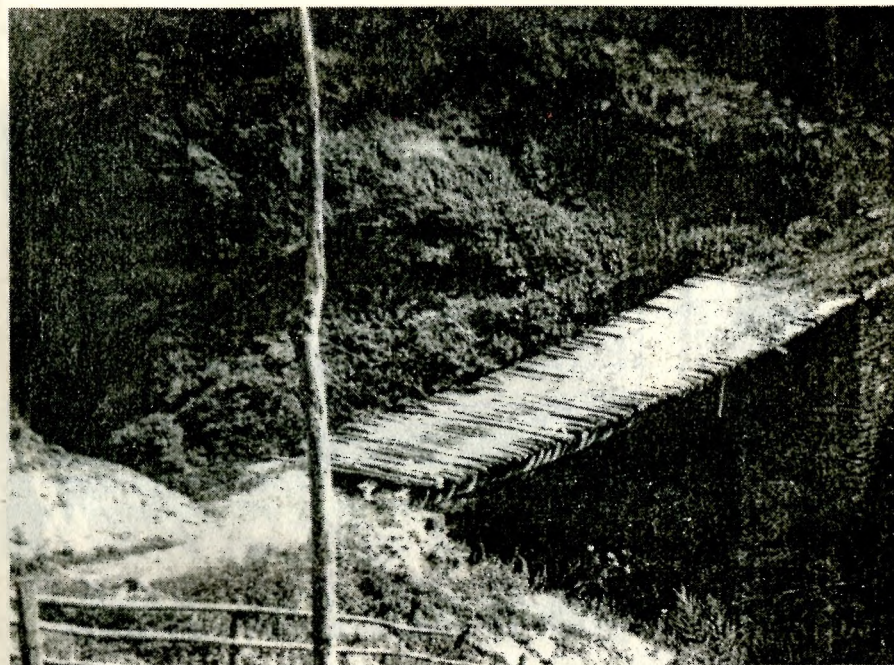
Сеновал селения Тлядал

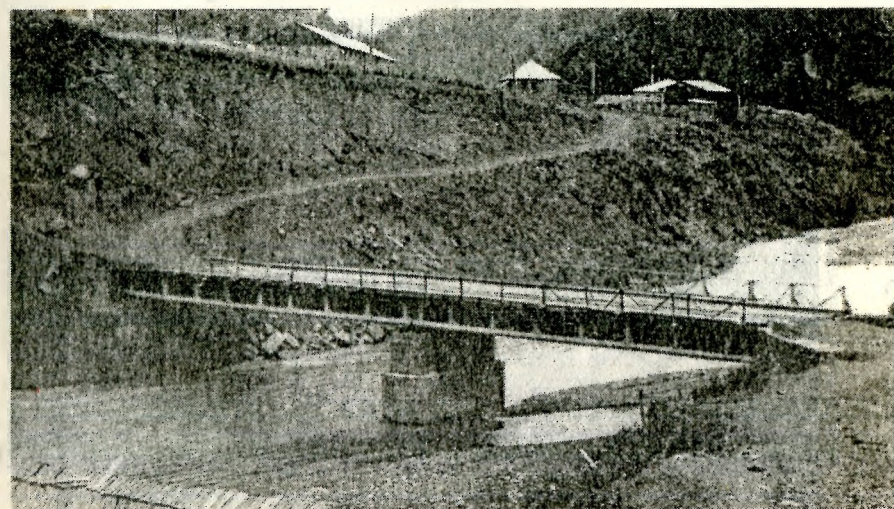
Хозяйственный комплекс. Селение Хашархота

Кладка "елочкой". Селение Хашархота

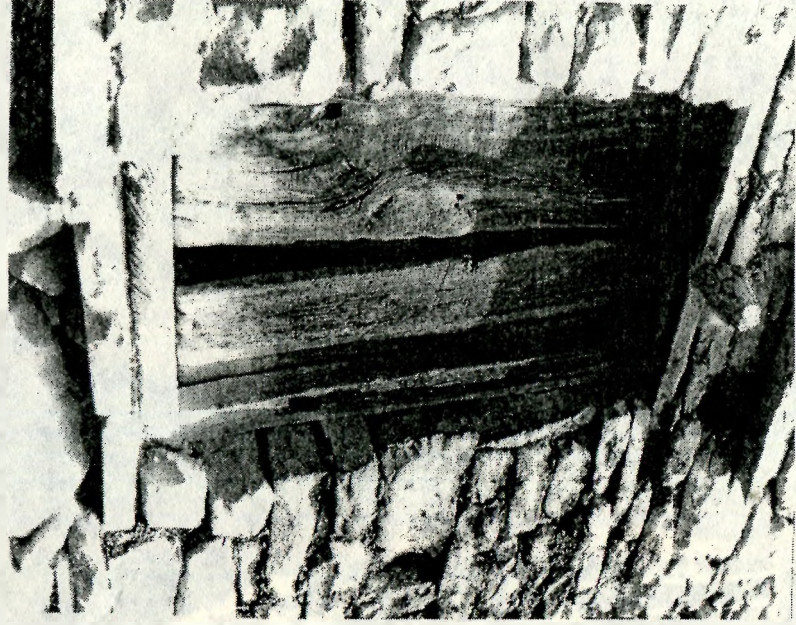

Мост селения Тлядал

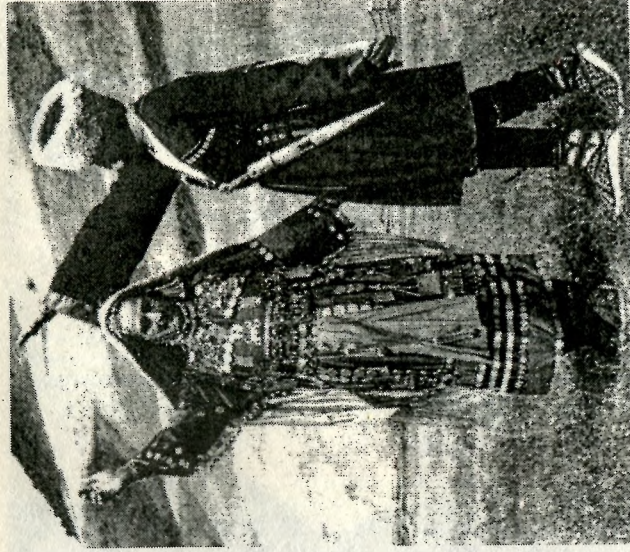
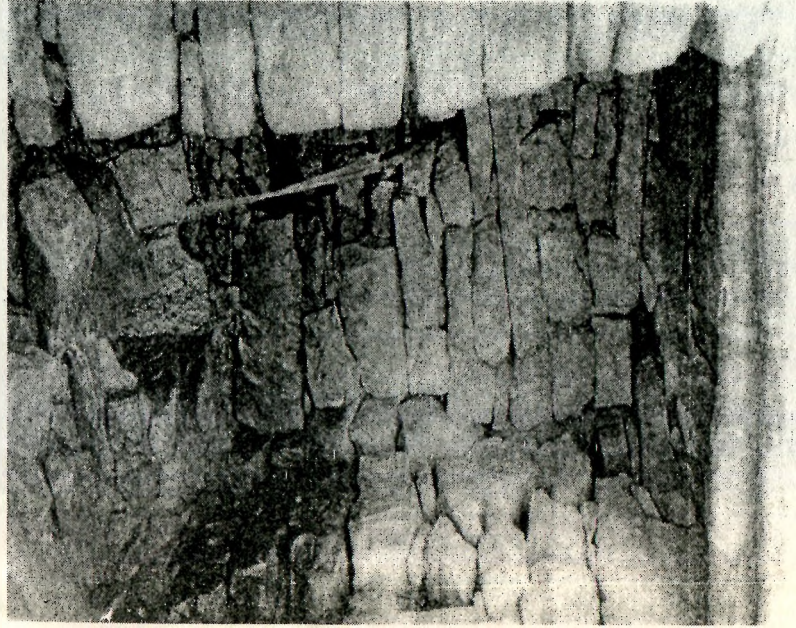

Мост селения Тлядал

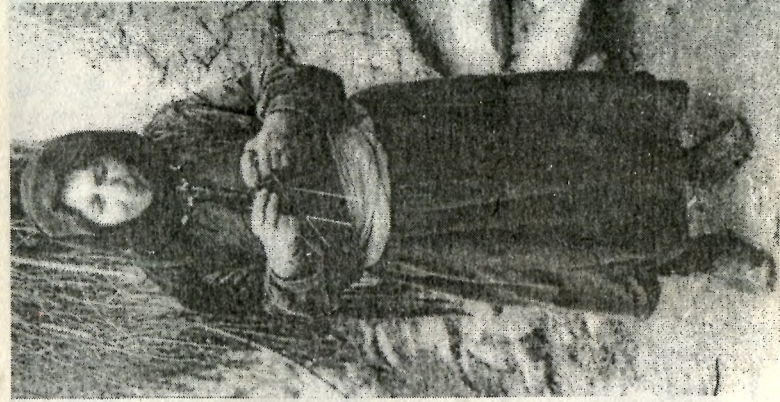
Дверь. Селение Бежта

Источник. Селение Хашархота

Национальный танец

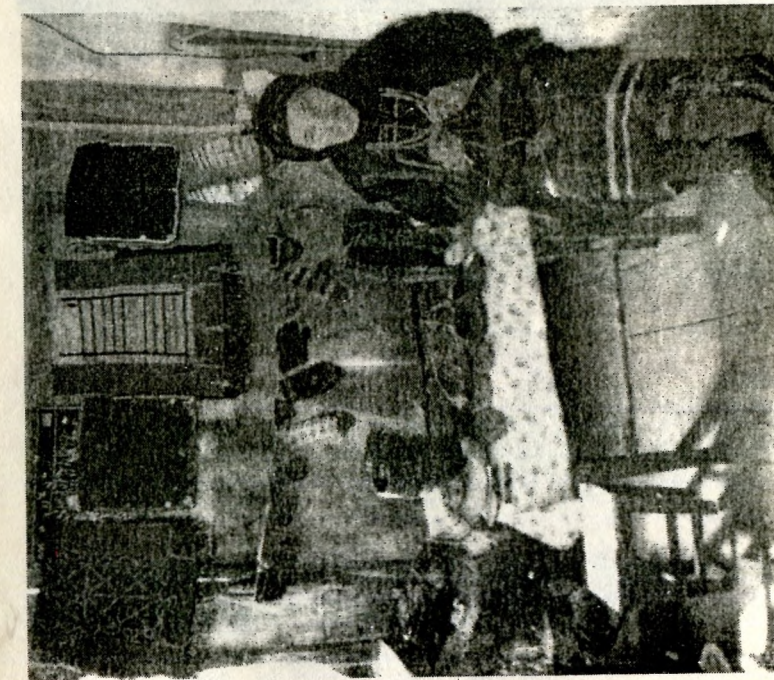
Бежтинка в национальной одежде

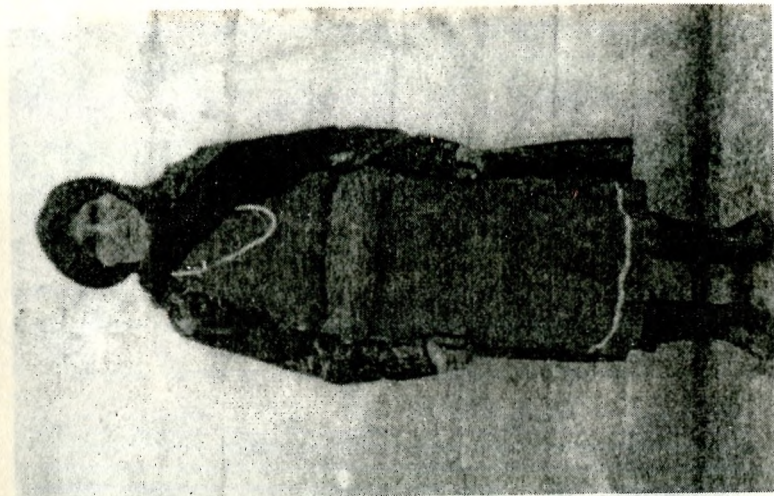
Бежтинка в национальной одежде

Бежтинец
в национальной одежде

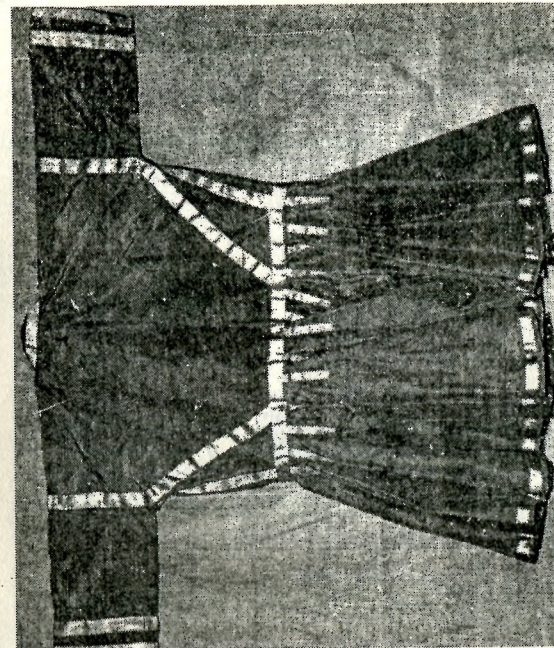
Вязальщица из селения Бежта

Бежтинка в национальной одежде

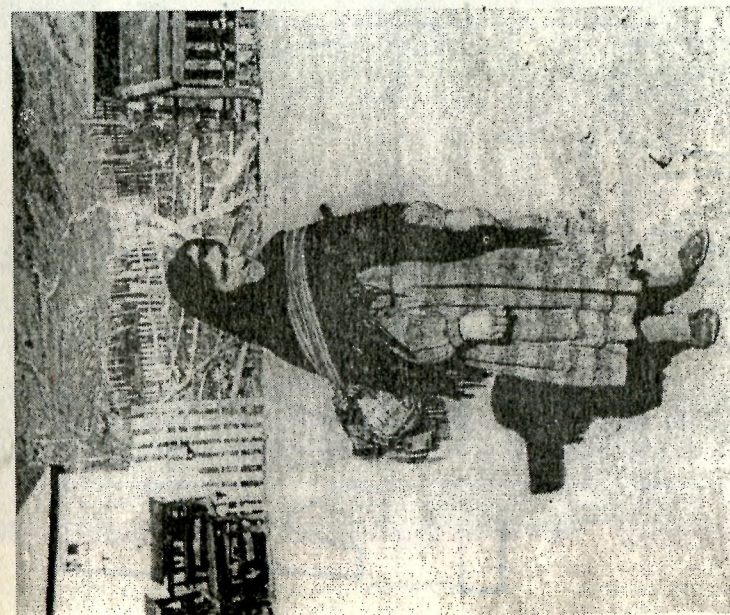

Бежтинки. Группа женщин

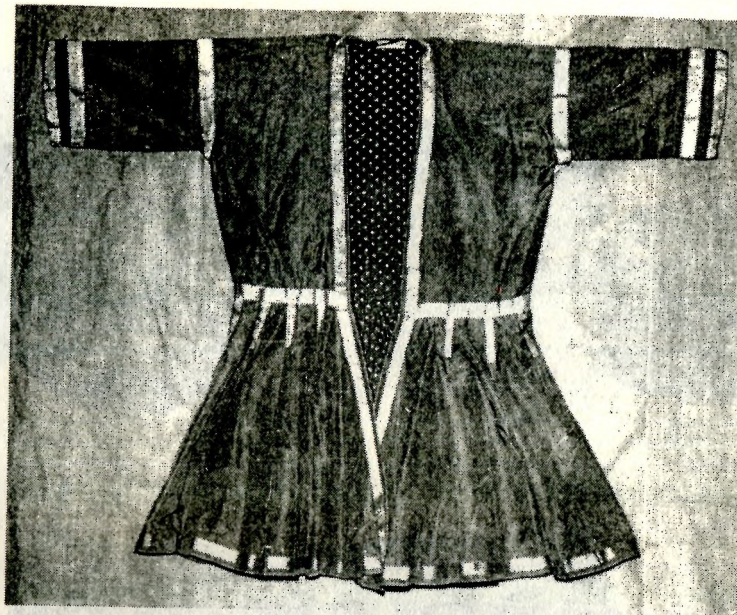
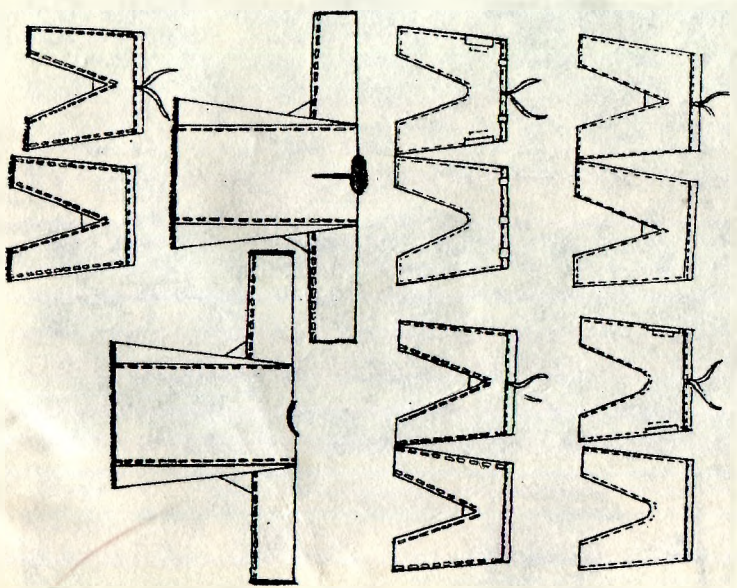
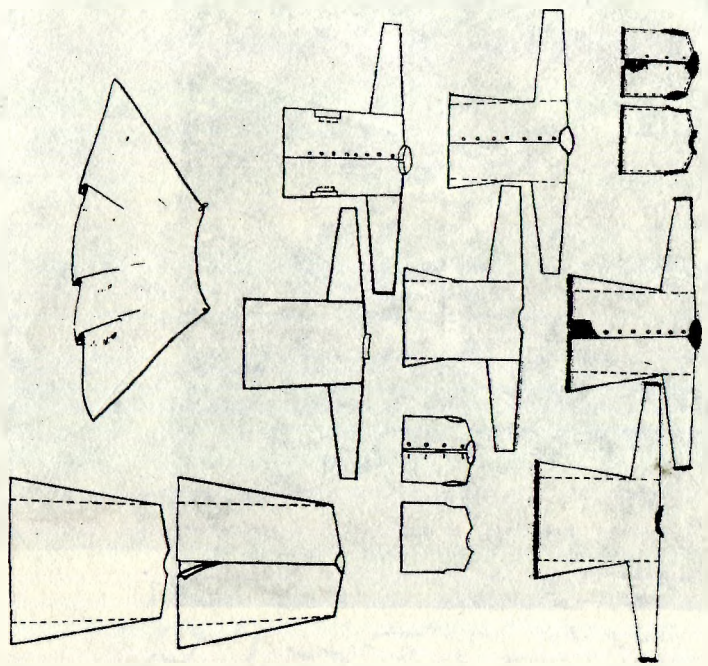

Архалук

Женщины
в национальной
одежде

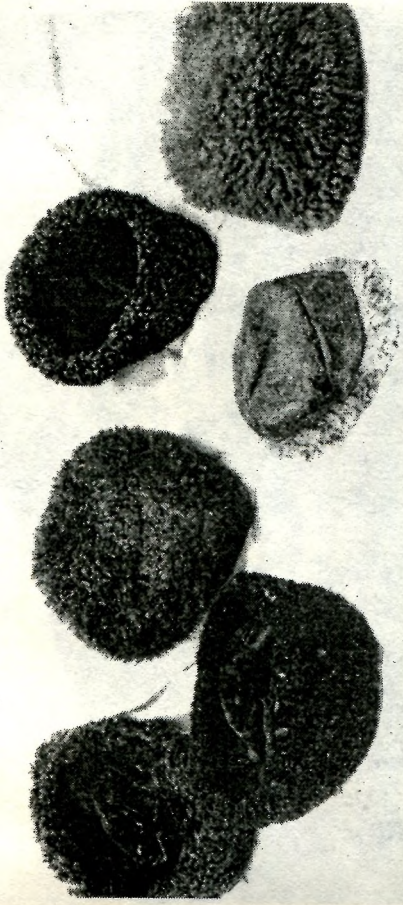
Бежтинка в современной одежде

Архалук

Архалук

Папахи

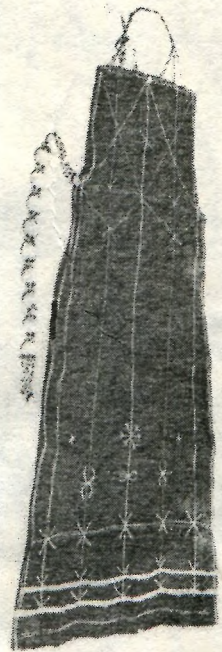
Шуба

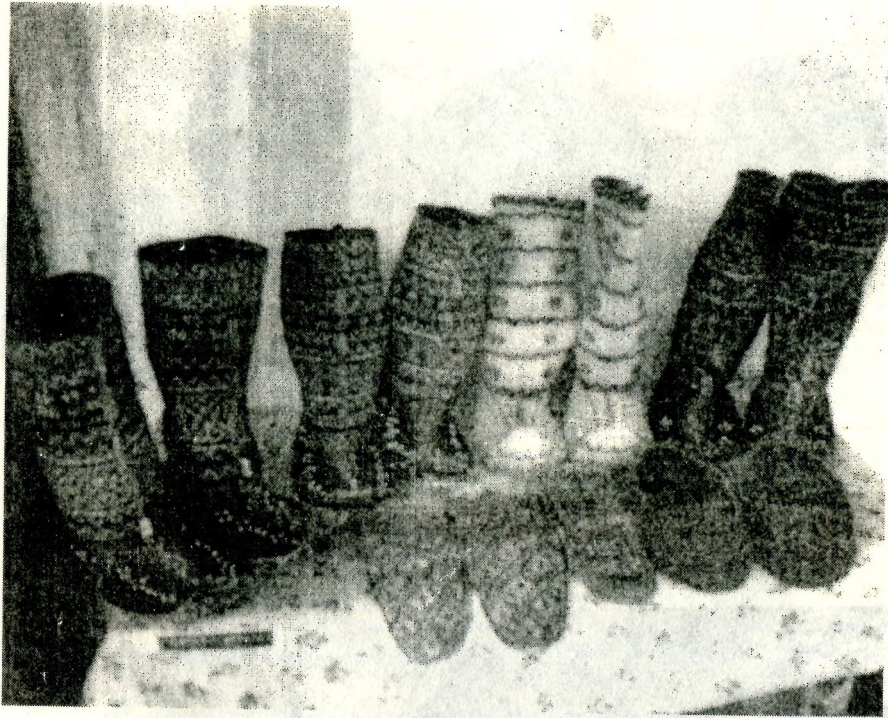
Чухта

Чухта

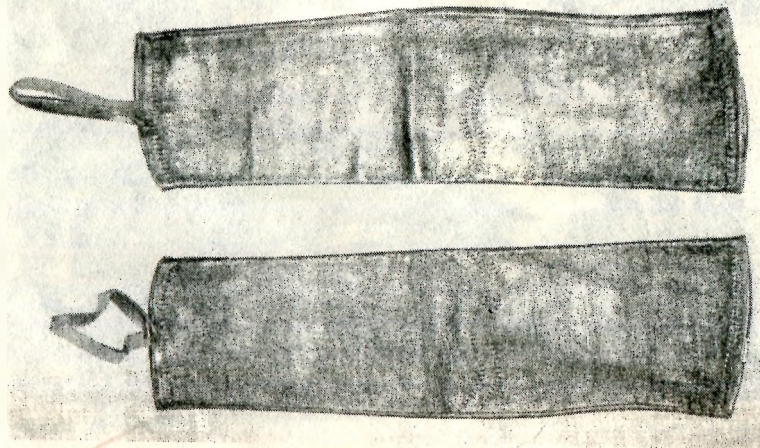

Передник

Вязаные шерстяные сапоги и носки

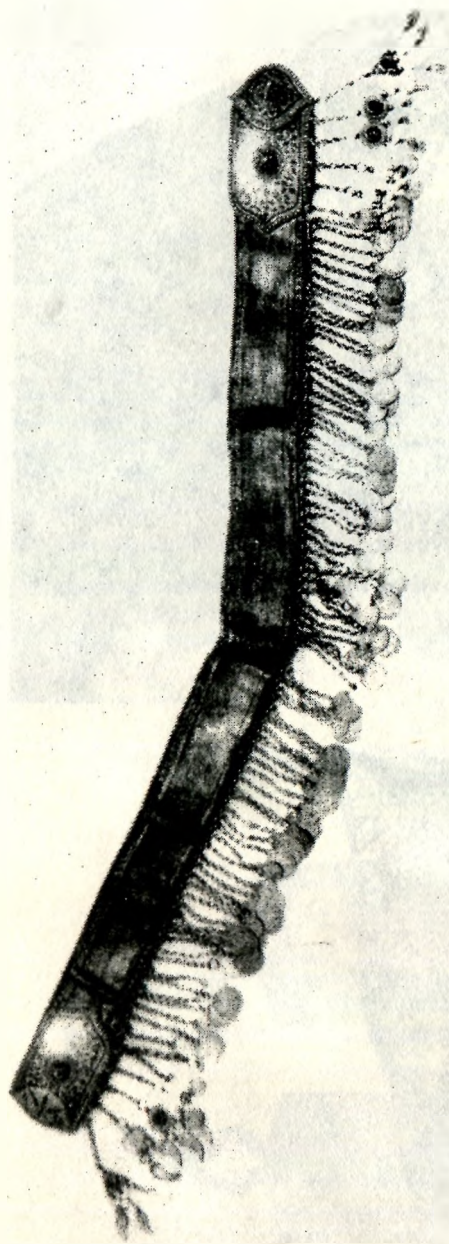
Ноговицы

Нагрудное украшение

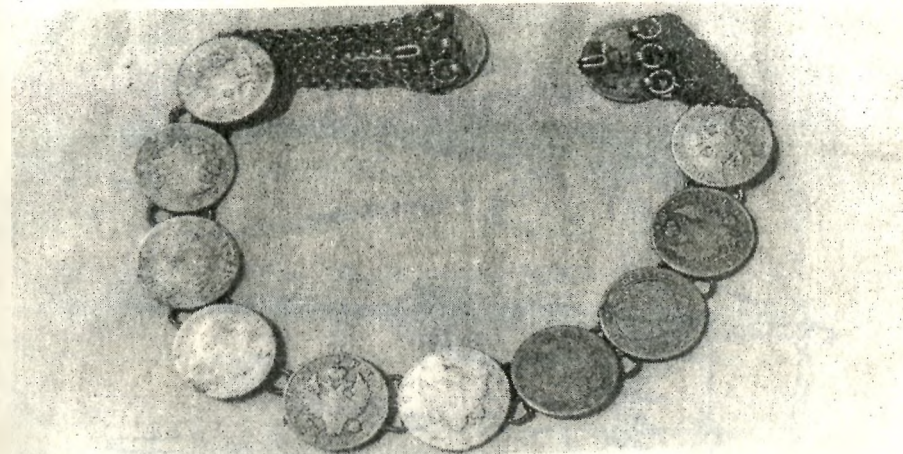
Носки

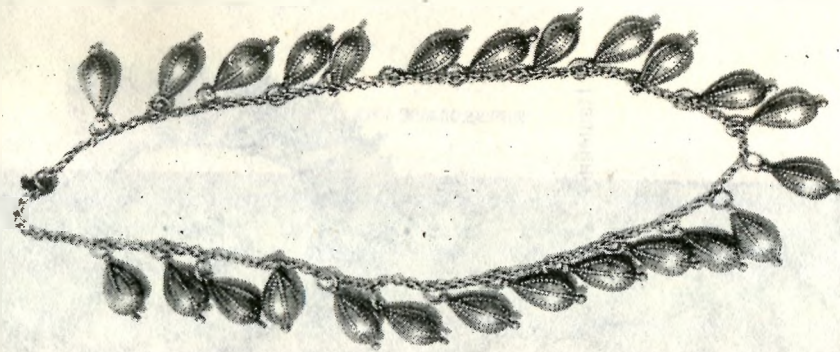
Женский пояс

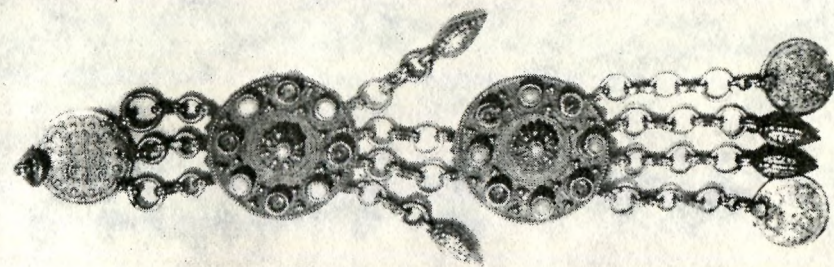
Кинжал

Колье

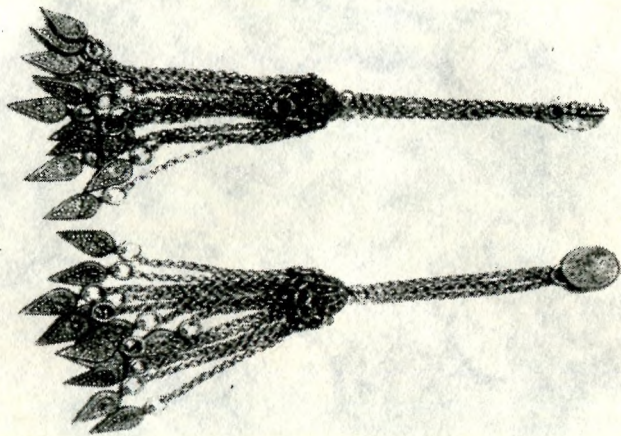

Серебряные бусы

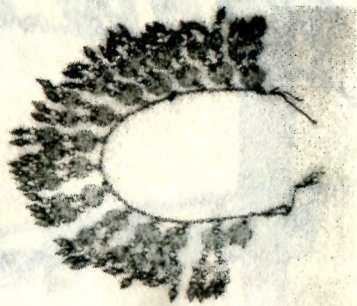

Подвеска

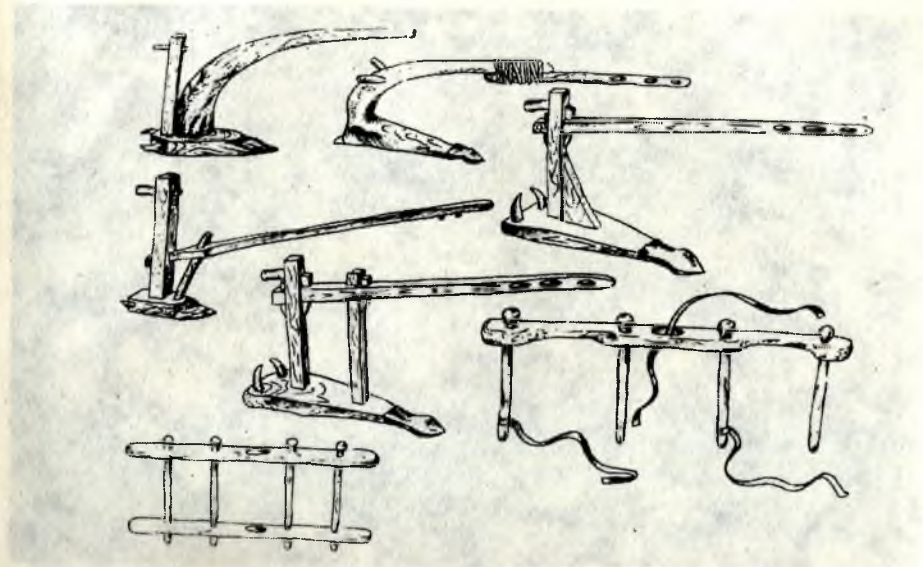
Серьги

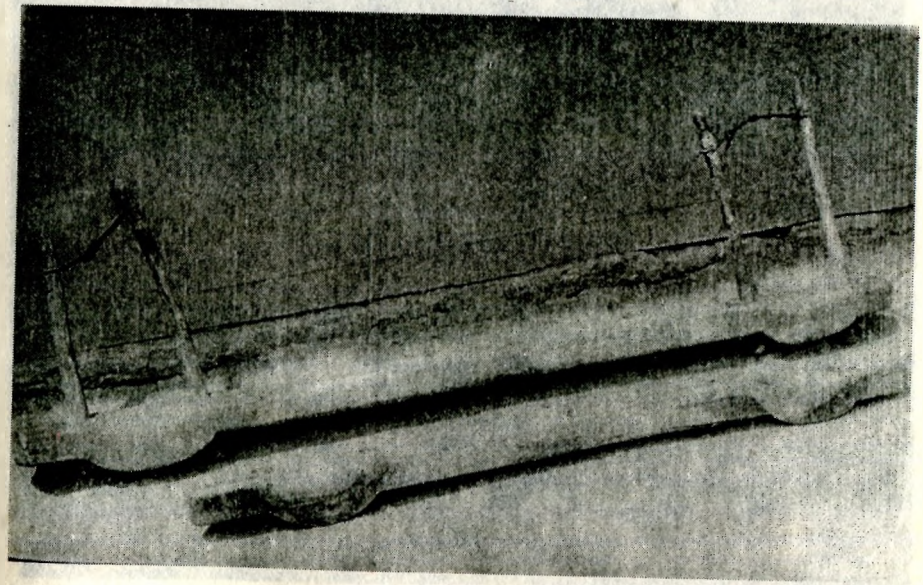
Нашейное украшение

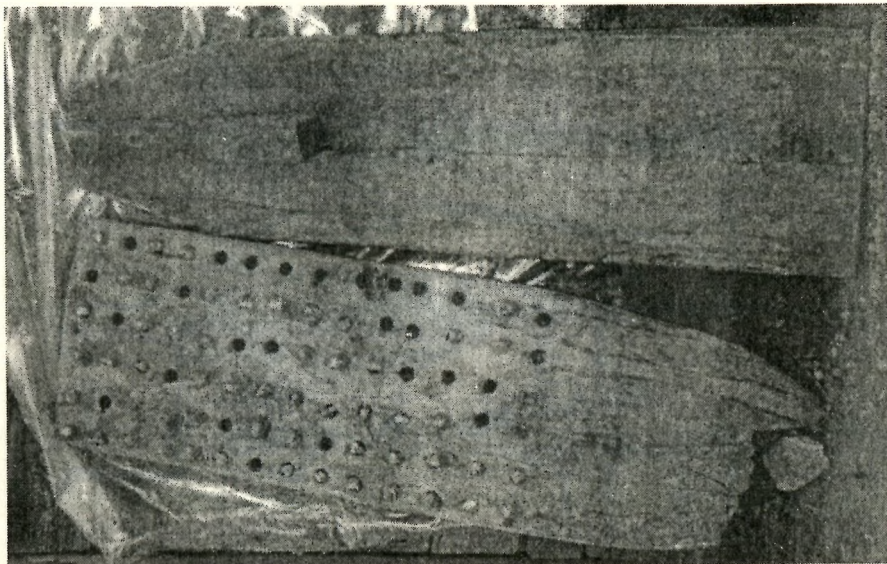
Серебряные бусы

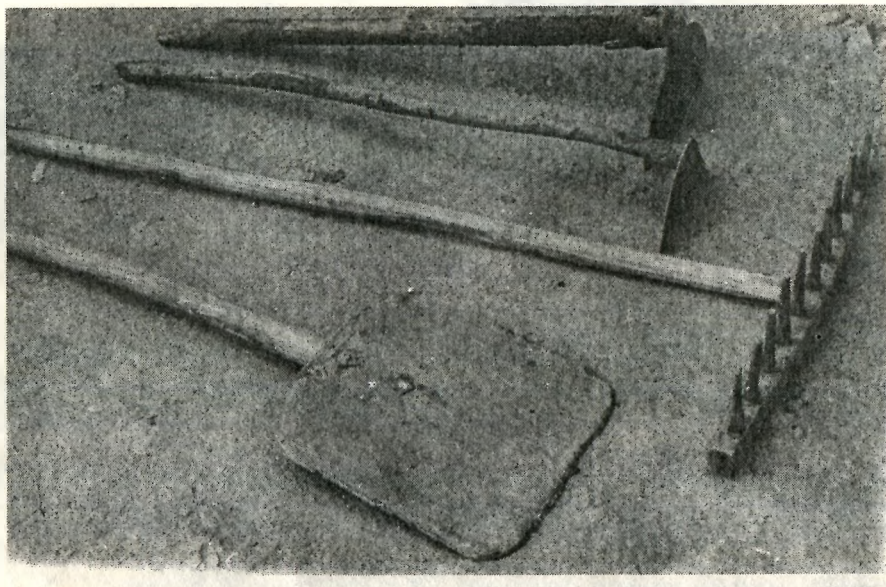
Орудия земледелия

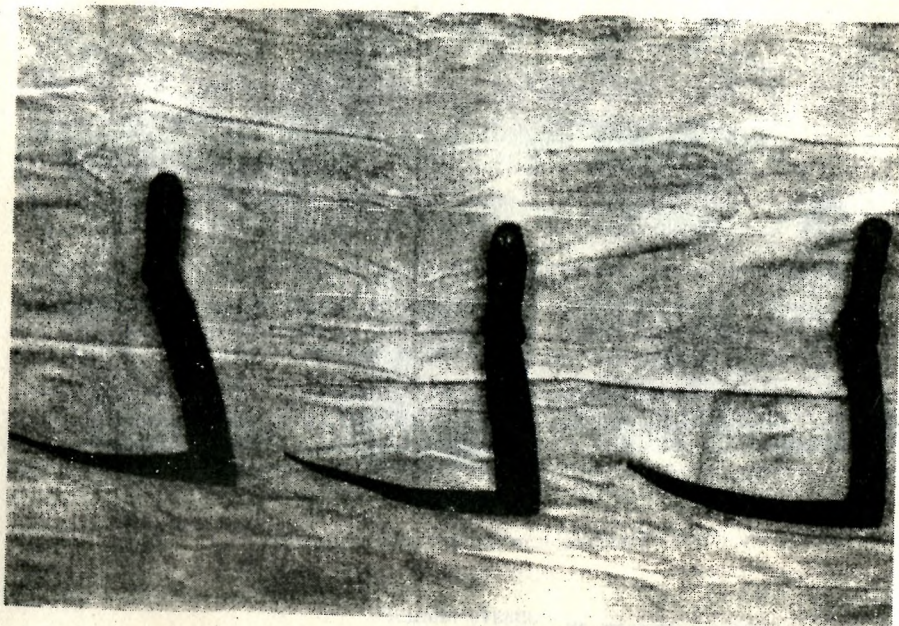
Ярмо

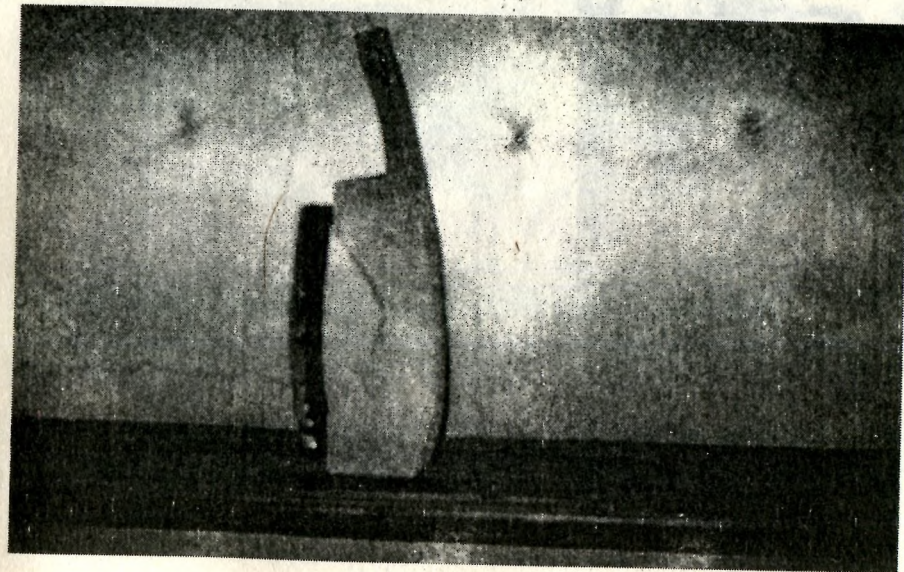
Молотильные доски

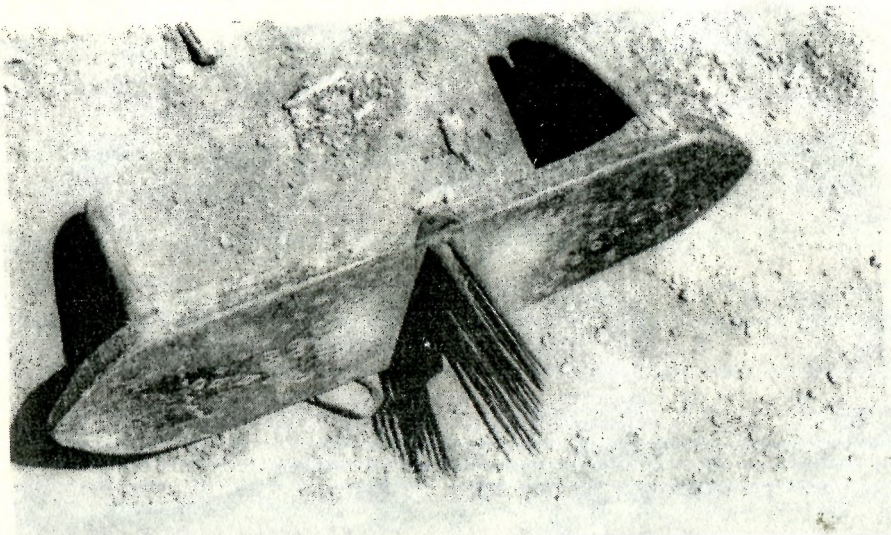
Сельскохозяйственные орудия

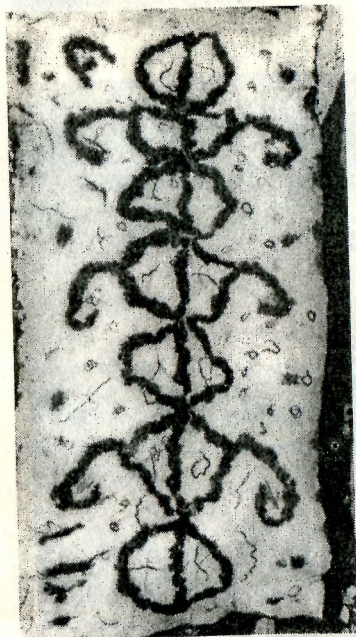
Серпы

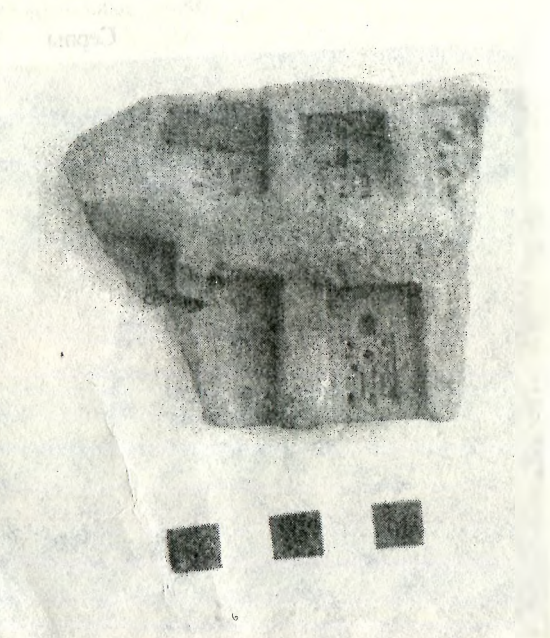
Секач

Гребень для расчесывания шерсти

Войлочный палас

Форма для литья

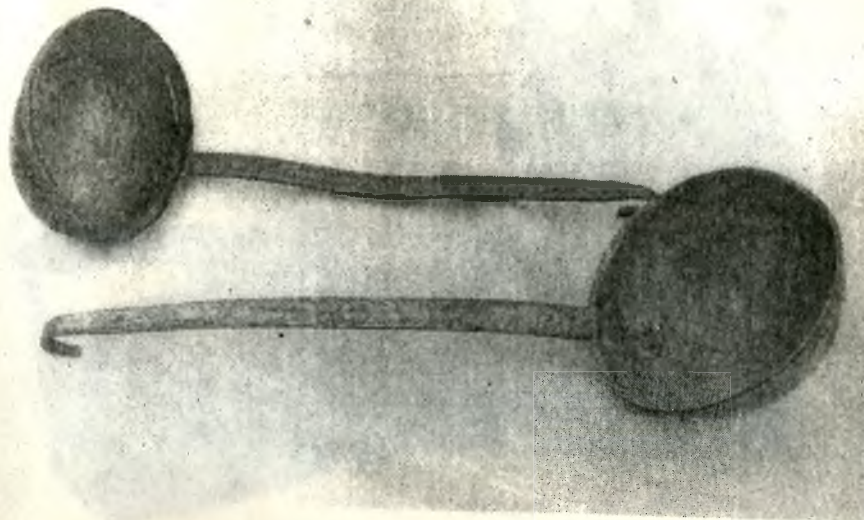
Медная утварь

Медная утварь

Котлы

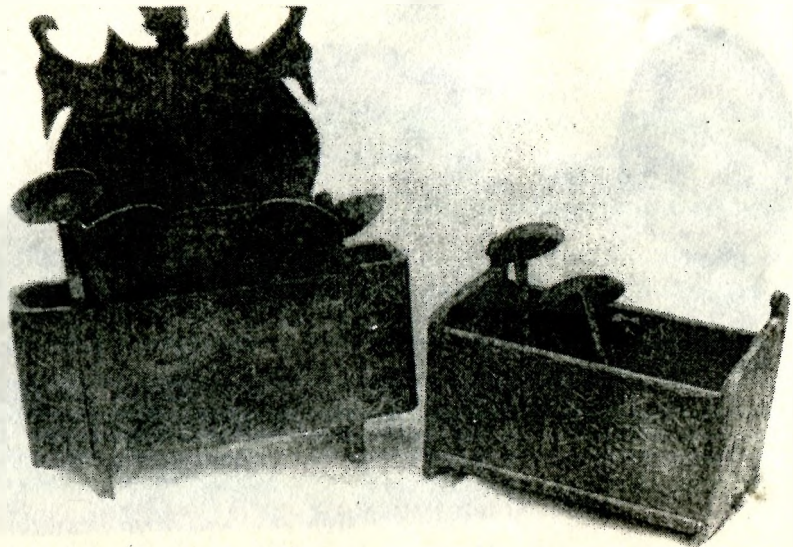
Медные половники

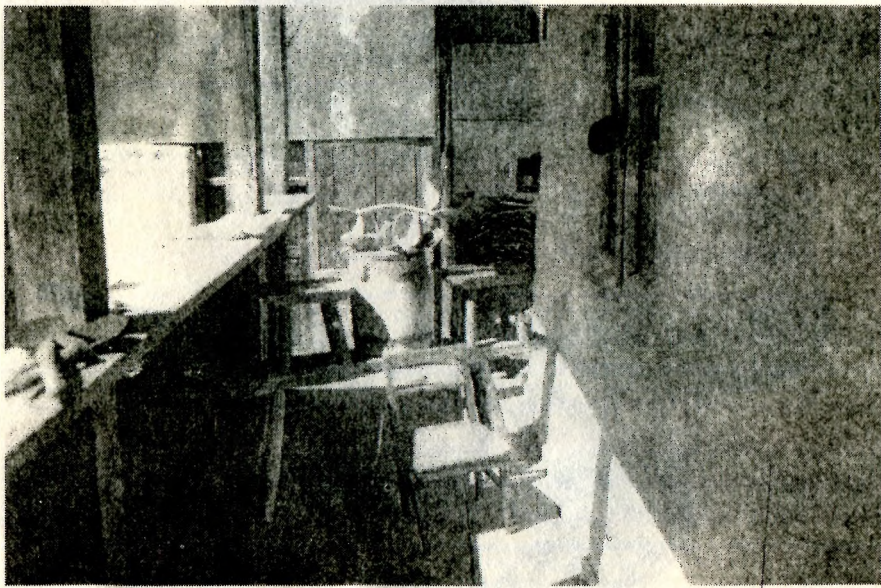
Медная утварь

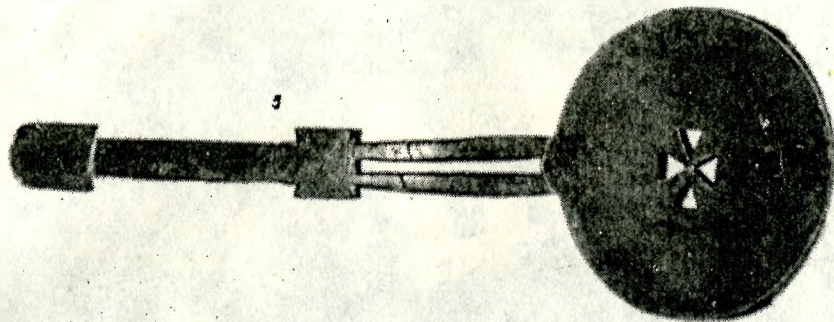
Мерки

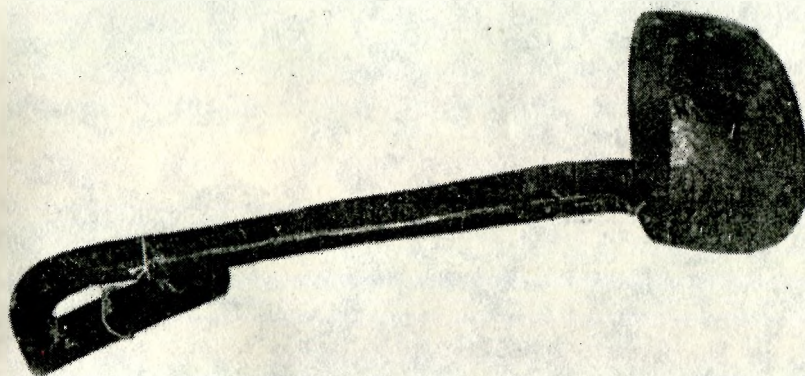
Ложечницы

Деревянные изделия

Дурилаг

Черпак

Ребенок в люльке-качалке

Детская люлька плетеная

Кандидат педагогических наук
Вакилов Шамиль

Заслуженный работник культуры РД
Джамалудинова Зухра

Мастер спорта СССР,
неоднократный призер чемпионатов
по вольной борьбе Нажмудинов Шамиль

Бывший председатель колхоза
с 20-ти летним стажем
Шейхмагомедов Магомед Махтиевич

Ученый-арабист и общественный деятель Кебед-Магомед

Мастер спорта СССР, заслуженный тренер РСФСР, чемпион мира по самбо 1994 года Алиджиев Расул

Глава администрации Бежтинского участка
Абдулмеджидов Султан Магомедович

Доктор филологических наук Халилов Маджид,
Зав. отделом Института ЯЛИ ДНЦ

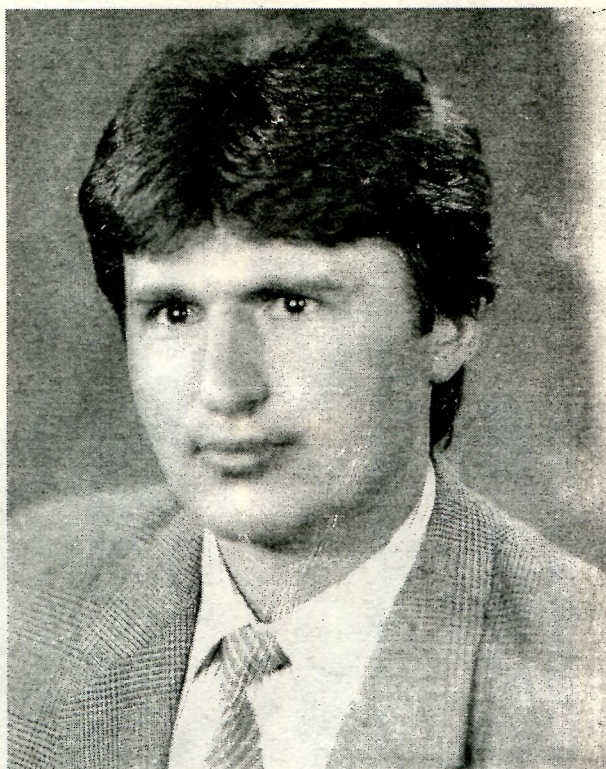
Чемпион Европы по ушу-сандза
Матиев Руслан

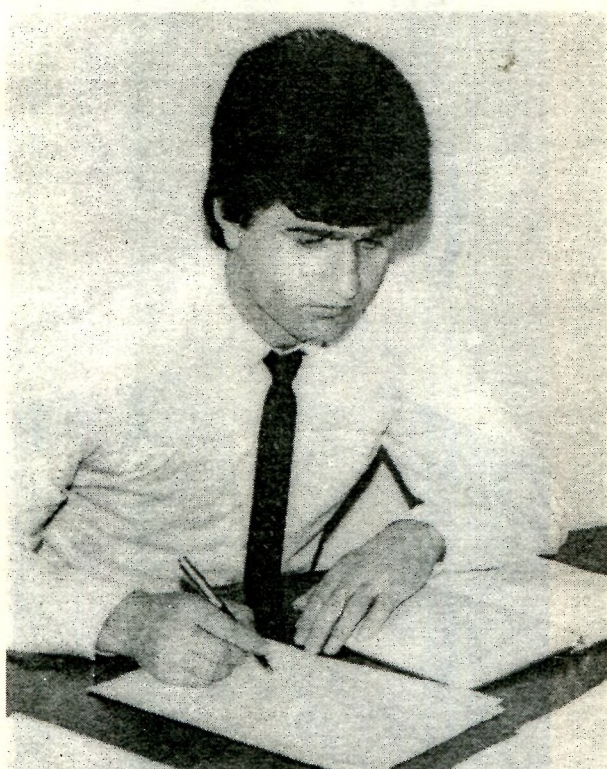
Четырехкратный чемпион мира и Европы
по самбо Хайбулаев Гусейн

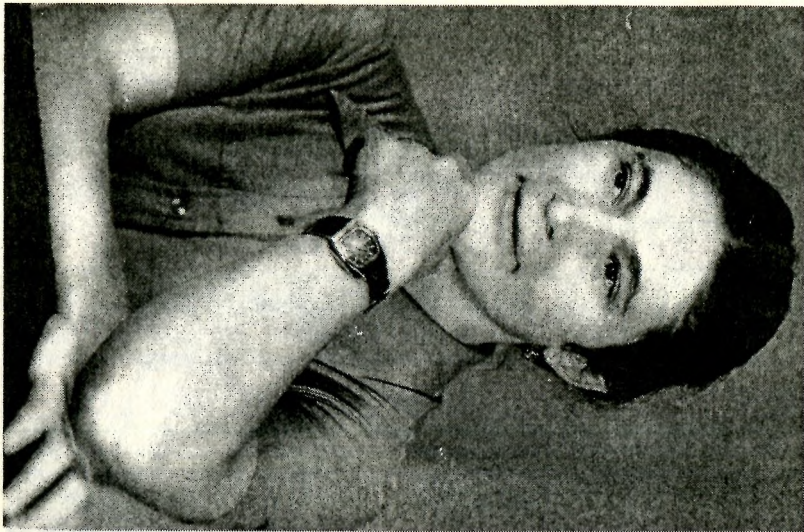

Кандидат исторических наук
Исмаилов Магомедсаид

Кандидат экономических наук
Гаджиев Тажудин

имел непосредственные генетические связи с культом предков.³³ Разжигая в первый день зимы костры, бежтинцы культивировали древний ритуал, где огонь рассматривался как сила, и изгоняющая вредное начало, и способствующая подготовке благоприятных условий для будущего урожая. «...кроме влияния на плодородие, огню предписываются... и очистительные, целебные свойства... Противодействуя мраку и холоду, он прогоняет и демонов всяких бед и болезней, в которых первобытные народы видели порождение темной нечистой силы» — писал А. А. Афанасьев³⁴.

Верования, связанные с животным миром, разными авторами классифицируются неодинаково: одни относят их к тотемистическим представлениям, другие — к анимистическим, третьи — к мифологическим и др.³⁵.

Однако думается, что сложный комплекс наделения домашних и диких животных, птиц, земноводных, пресмыкающихся, насекомых сакральными силами, влияющими якобы на хозяйственный быт, благополучие и физическое состояние человека, больше всего имеет отношение к представлениям магического.

Бык, как атрибут пашенного земледелия, увязывался непосредственно с культом плодородия. В праздновании дня первой борозды бык не столько средство, сколько один из персонажей аграрного обряда. Не случайно бежтинцы в этот день украшают быка ленточками и полотнами матери, смазывают рога ему маслом, как и пахаря забрасывают ветошью и старьем, обливают водой и др. т. е. рассматривают быка как непосредственного участника акта плодородия. Культ быка — явление, широко распространенное среди многих земледельческих народов мира.

Пережитки представлений, связанных с коровой, сказывались у бежтинцев в том, что она имела якобы свойство отпугивать джинов и другую нечисть от дома своего хозяина, зализанная коровой рана будто бы быстро заживала, коровью мочу использовали как стерильное средство для обмытия ран, коровий навоз считался наиболее благоприятным для растений, брызги коровьего молока отпугивали чертей и других злых духов и др. существовало поверье, согласно которому солгавший и мучающийся угрызением совести человек мог ночью признаться в содеянном корове на ухо: если прегрешение не прощалось, корова переставала давать молоко, в противном случае кающийся считал себя очищенным. Здесь, как и в подавляющем большинстве других случаев, магические свойства животного вытекали из его значения в хозяйственной жизни человека.

Постоянный спутник мужчины-бежтинца конь не мог не быть наделенным сакральными свойствами. Бытовали поверья, по которым считалось, что совершать неблагоприятные поступки или про-

³³ См.: Чурсин Г. Ф. Почитание огня на Кавказе // К. № 121. 1904.

³⁴ Афанасьев А. А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 13.

³⁵ См.: Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 113.

износить недостойные речи у верховного коня означало потерю уважения последнего к своему хозяину; животное переставало слушаться поводов, не давалось под седло, стремилось сбросить с себя всадника и т. д. Исправить положение можно было якобы попросив коня не сердиться и пообещав вести себя достойно.

Бараны и овцы для бежтинцев были основными жертвенными животными, мясу и костям которых приписывали целый ряд магических свойств. Особыми свойствами народ наделял барана черного цвета, служившего во многих отношениях живым оберегом для своего хозяина.

Как и у многих народов мира³⁶ козел у бежтинцев считался воплощением похоти, откуда и его логическая связь с идеей плодородия. Считалось, что козлы нужны в отарах не только как производители, но и как живые обереги, люди верили в их способность способствовать размножению овец. Вслед за другими народами мира³⁷ бежтинцы считали, что козел связан близкими отношениями с чертами, откуда и проистекает его способность содействовать благополучию человека или его разорению.

Кошку бежтинцы считали животным, имеющим, с одной стороны, отношение к демонам зла и, с другой стороны, оберегающим дом хозяина, особенно его детей, от чар и воздействий этих демонов. Широко бытует мнение, что это — одно из любимых животных Пророка и поэтому относиться к нему надо бережно.

Волк, приносящий порой немалый хозяйственный урон животноводческому хозяйству, тем не менее был у бежтинцев почитаемым хищником. Пережитки некогда распространенного культа волка в народе, как и у других дагестанцев³⁸, бытовали здесь в форме олицетворения понятий смелости и отваги именно с этим животным. Волчьи клыки, зубы, пришитые к одежде мальчика, способствовали по поверьям выработки у него смелости, бесстрашия; паленая волчья шерсть, согласно местным представлениям, отпугивала «нечистую силу»; волчья печень, волчье сердце, кровь, молоко волчицы нередко служили ингредиентами сложных по составу снадобов знахарей, применявшихся ими в различных ситуациях в сопровождении кабалистических наговоров и заклинаний. Этому хищнику, считая его в том или ином отношении священным, поклонялись многие народы мира; скифы, греки, монголы, славяне, предки хевсуров, мингрелов, осетин, чеченцев и др.³⁹

Среди преданий бежтинцев сохранились и такие, в которых говорится о происхождении тех или иных людей от медведя: хищники эти время от времени похищали женщин, сожительствовали

³⁶ См., напр.: Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984, С. 100.

³⁷ См.: Штерберг Л. Я. Первобытная религия // В свете этнографии. Л., 1936. С. 14.

³⁸ См.: Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 121, 127 и др.

³⁹ См.: Абаев В. Наргский эпос // Изв. Сев.-Осет. НИИ. Т. 10. В. 1. Дауджикау, 1945. С. 31—37; Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов в XIX — нач. XX вв. М., 1957. С. 79.

с ними и давали потомство «полумедведей» в человеческом облике. Предания подобного рода, широко распространенные у многих народов, говорят, тем не менее, о рудиментах тотемистических представлений.

Отдельные, нечетко выраженные пережитки почитания и культа животных, птиц, насекомых дошли до наших дней и в отношении зайца, лисицы, орла, кукушки, ласточки, голубя, совы, змеи, муравья и др. Так, например, считалось, что человека ждет неудача в делах, если заяц ему перебежит дорогу; лисий помет считался средством сеяния вражды между людьми; маховые перья, клюв и когти орла были излюбленными оберегами для детей бежтинцев; кукование кукушки, услышанное в момент раздумий над той или иной проблемой, считалось способным удовлетворить помыслы человека; бытовало мнение, что ласточки — это носители душ предков; убийство голубя — любимой птицы небес, сулило по поверьям страшные кары виновному; люди, не переносящие темноты, старались повсюду носить с собой перья или пух совы, филина и т. д.

Магическими свойствами, по народным представлениям, обладали не только сами животные, но и черепа отдельных их видов. Обычай подвешивать, прикреплять, закапывать в землю черепа от глаза и для приумножения скота, ульев, хлебных злаков и т. д. — широко распространенный у бежтинцев обычай — так же, как и у других народов Дагестана, Кавказа, сопредельных областей мира. При этом сакральные свойства черепа исследователи во многих случаях увязывают с жертвенным ритуалом, отмечая логическую закономерность принесения жертву главным образом особой мужского пола, т. е.; в частности, рога издревле носили символическую нагрузку мужского начала, мужского божества⁴⁰. Нередко пережитки магии сказывались у бежтинцев представлениями об обретении тех или иных качеств животного человеком, отдававшим мясо (а также кровь, мозг, тот или иной орган и проч.) этого животного⁴¹.

Сакральными свойствами пережиточно наделяли бежтинцы и деревья, кусты, что характерно для многих народов мира на ранних этапах их развития⁴², для народов Дагестана⁴³, Кавказа⁴⁴. Так, у бежтинцев лучшим средством от глаза считались обстриганные веточки барбариса, листьями дуба бежтинцы обкладывали снаружи хлевы и загоны, стараясь предохранить их от злых духов. Ветки березы с зелеными листьями, подвешенные к потолку, дава-

⁴⁰ См.: Антонова Е. В. Указ. соч. С. 94.

⁴¹ См.: Шнирельман В. Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 179.

⁴² См.: Фрэзер Д. Д. Указ. соч. С. 110—121 и др.

⁴³ См.: Материальная культура аварцев. С. 173; Материальная культура даргинцев. С. 121; Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 98 и др.

⁴⁴ См.: Броневский С. П. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М., 1823. С. 322; Чурсин Г. Ф. Почитание деревьев на Кавказе // К. № 5. 1905.

ли якобы девушкам красоту и свежесть, а сережки березы у на-
сеста способствовали размножению кур. Сосновые шишки, вло-
женные во внешние пустоты кладки помещения, служили целям
сохранности его от разрушения, в еловые наоборот, способствова-
ли недолговечности каменного строения. Плоды рябины в доме
сушили его хозяевам богатство, веточки хмеля предупреждали от
хищения, воровства, плоды лесного ореха, скрытые под супру-
жеской постелью, обеспечивали жене якобы любовь мужа и др.

Различного рода оберегам вообще бектинцы придавали боль-
шее значение. По широко распространенному поверью человека
на каждом шагу подстерегала опасность сглаза: от сглаза могло
начаться бесплодие, сглаз давал хворобу взрослым, болезни и
смерть детям, материальный ущерб в его многообразных проявлени-
ях и проч. Во многих случаях, по местным поверьям, от сглаза
помогало ношение с собой кусочка дерева, в которое ударила мол-
ния, уголек из погасшего камня, металлические предметы, глав-
ным образом, колющие и режущие, разновидности женских укра-
шений, скорлупа яйца, кожа змеи и т. д. Подобные поверья ха-
рактерны и для других народов Кавказа⁴⁵.

Отголоски домусульманских верований сохранились у бектин-
цев и в похоронно-поминальных обрядах. В их основе лежали
представления о душе человека (жан), как о начале, которое нуж-
но почитать и одновременно опасаться. Отсюда характерные для
многих народов обычаи захоронения покойного и послепохоронные
обряды не только поминального толка, но и магически-оградитель-
ного: жертвенные обряды и раздачи, дни поминовения, стереотип-
ные формулы при упоминании имени умершего, моления и мо-
литвы по вновь и давно умершему и др. Здесь смешение му-
сульманских воззрений с древнейшими домотеистическими пред-
ставлениями проступает наиболее рельефно⁴⁶.

Мир видимый и мир воображаемый бектинцы населяли демо-
ническими существами, всячески вредящими человеку или покрови-
тельствующими ему. К таковым прежде всего относились черти
(шайт'ан) и джины (зинналла). В сознании народа понятия о тех
и других зачастую смешны, бытует представление о них как о пер-
сонажах одного порядка. Подобные представления характерны и
для других народов Дагестана⁴⁷. При внимательном изучении это-
го вопроса разница, тем не менее, хоть и слабо, но прослеживается:
если черти чаще всего так или иначе вторгаются в сферу чело-

веческой духовности, джины в основном вмешиваются в повсе-
дневно-бытовую жизнь людей. Скорее всего джин — понятие мест-
ное, традиционное, шайт'ан — заимствованное, привнесенное исла-
мом⁴⁸. По народным поверьям те и другие делятся на неверных и
мусульман. Если шайт'ан или джин — неверные, норовят сбить че-
ловека с пути истинного, подтолкнуть его на бесчестный поступок,
вести в грех, поиздеваться над ним, нанести увечье или психоло-
гическую травму, то их мусульманские антиподы якобы готовы
облагодетельствовать человека, а иногда беззлобно над ним пошу-
тить. Легенд, преданий, «рассказов очевидцев» на этот счет су-
ществует множество, что характерно, разумеется, не для одних
только бектинцев⁴⁹.

В народе сохранилось поверье в злого духа «Къав». Как пра-
вило, это перевоплощение недавно умершего человека, ведшего
неправедный образ жизни и «восставшего» из могилы. Внешне это
лохматое существо, сплошь обросшее волосами, с кошачьей физио-
номией (но без кошачьих усов). Шатаясь по развалинам, забро-
шенным домам, хлевам, сеновалам и проч. «Къав» якобы пугает
людей, зачастую доводя их испугом до сумасшествия или смерти.
Здесь четко прослеживается рельефная параллель этого персона-
жа с лачским «Къуртама»⁵⁰, армянским «Горнапшии»⁵¹ и др.⁵²

В плане «народной религии» представляет интерес поверья,
связанные с духом «Рохо». Это тоже якобы злой дух, который при-
ходит к людям в предутренние часы и душит их. Чтобы «Рохо» не
нанес вреда, нужно, верили в народе, постоянно иметь при себе, в
одежде, иголку. Бектинцы верили, что этот дух может «засушить»
молоко у кормящей матери, выкрасть плод из утробы или умерт-
вить его там, подменить новорожденно и др. По народным пред-
ставлениям, приближение этого духа нередко можно обнаружить
по его покашливанию и легкому пошлепыванию ногами по полу.
При его приближении нужно было, зажав иглу в правой руке, сот-
ворить молитву и после этого при желании выпытать у духа свою
судьбу. Этот религиозно-мифический персонаж широко распро-
странен в поверьях народов Дагестана, где для него имеется на мно-
гих языках более полутора десятков наименований⁵³, отдельные
параллели связывают его со славянским «Домовым»⁵⁴. Корни про-
исхождения этих и им подобных персонажей исследователи видят

48 См.: Гаджиев Г. А. Там же.

49 См., напр.: Дидон (цезы). Этнографический очерк // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 53; Чурсин Г. Ф. Авары // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65; Шемшединов А. К. Легенды и сказания кумыков // ЭО. № 2 — 1. Т. 9 — 10. С. 150 — 151 и др.

50 См.: Булатова А. Г. Лакцы. С. 190.

51 См.: Харатян З. В. Традиционные демонологические представления армян (по мотивам семейного быта XIX — нач. XX вв.) // СЭ. № 2. 1980. С. 114.

52 См.: Токарев С. А. Указ. соч. С. 40 — 43.

53 См.: Александров А., Лобацов С. Заметка из путешествия по Дагестану // ЭО. № 1 — 2, 1910; Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 327; Булатова А. Г. Указ. соч. С. 180 — 181; Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 20 — 22.

54 См.: Токарев С. А. Указ. соч. С. 95.

45 См.: Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 63 — 65; Лиллов А. И. Очерки быта горских мусульман // СМОМПК. Вып. 5. Тифлис, 1886. С. 24 — 25; Чурсин Г. Ф. Народные обычаи и верования Кахетин // КОИРГО. Вып. 25. Тифлис, 1905. С. 29; Его же. Амулеты и талисманы у кавказских горцев // СМОМПК. Вып. 46. Тифлис, 1929. С. 224 — 225 и др.

46 См. об этом подробнее: Шихсаидов А. Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // УЗ ИИЯЛ. Т. 3. Махачкала, 1957; Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 129 — 155 и др.

47 См., напр.: Гаджиева С. Ш. Кумыки. С. 326; Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 10 — 11 и др.

в присущем человеку первобытному страхе перед ночью, тьмой⁵⁵.

У каждой бежтинской семьи, верили люди, есть свой дух-покровитель «Цин». В народном представлении он мог выступать под видом белой мыши, ужа, жабы, сверчка и др. Дух, как правило, обитал в доме, чаще всего невидимым, иногда показывался людям, но ненадолго. Он мог покинуть дом и вернуться, перевоплотившись (например, из ужа в белую мышь и др.). Обедая, завтракая и ужина, домочадцы старались не забыть о духе, раскладывая по углам и щелям комнаты кусочки пищи. Люди верили, что в наказание за несправедные поступки дух-покровитель может навсегда покинуть дом, и всех его обитателей в таком случае ожидают невзгоды и горести. Члены семьи могли обратиться с просьбой к своему духу-покровителю, но делать это нужно было незаметно для посторонних глаз, произнося слова тихо, про себя. У других народов Дагестана такой дух известен под именем «Кини» (лакск.), «Кяж» (авар.), «Кбуна» (даргин.), «Гурлиам» (лезг.) и др.⁵⁶.

Все перечисленные и многие другие верования и поверья сочетались у бежтинцев с пережитками поклонения небу, светилам, звездам, природным стихиям, горам и др. Выражалось это произнесением клятв именем неба или солнца, запретами совершать те или иные действия в полнолуние или новолуние, с появлением солнца, тех или иных созвездий (ругаться, ссориться, давать взаймы, выносить из дома огонь, соль, муку, зерно и др. — и т. д.) и наоборот, в предпочтительности «почина», «зачина» в эти же периоды (начало пахоты, сева, строительства дома, отгона скота и проч). Подавляющее большинство вершин, окружающих бежтинцев, почитались ими в том или ином отношении святыми. Народные традиции предусматривали, какие действия предпочтительны или затреты при первой прозе, первом громе, первом дожде, первом снеге. Все эти поверья слижились прежде всего и на основе хозяйственной деятельности человека в результате поступательно-го процесса овладения тайнами природы и ее закономерностями.

Позиции ислама в XIX в. были очень сильны в среде бежтинцев, пронизывая собой все сферы личной, семейной и общественной жизни человека. Сохраняя определенную склонность к домусульманским поверьям и ритуалам, бежтинец чаще всего был уверен, что поступает согласно мусульманскому вероучению и шариату.

В необычно сложных условиях социального, экономического и культурного развития бежтинцы исторически выработали у себя, в тесном контакте с другими народами, и прежде всего с народами

⁵⁵ См.: Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб, 1895. С. 479 (примеч.); Токарев С. А. Указ. соч. С. 75.

⁵⁶ См.: Булатова А. Г. Указ. соч. С. 74; Аварцы. С. 46; Амирханов А. А. Древние сюжеты в преданиях аула Мекеги // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 158; Гаджиев Г., А. Дух «Гурлиам» // Тезисы докладов..., Черновцы, 1980.

ми Дагестана, самобытную духовную культуру, соответствующую уровню развития производительных сил общества и господствующих форм производственных отношений. Как до, так и после административно-хозяйственных реформ 60-х годов XIX в. в Дагестане, основной базой для народного образования служили примечательные школы или обучение подрастающего поколения чтению и письму на дому, силами семьи. Недостатки светского образования в значительной мере пополюнились богатым устным народным творчеством, двуязычным по форме, но с «адресом» конкретного народа по содержанию. Являясь потребителями и производителями аварскоязычной культуры как аварцы, народ на протяжении веков создавал и шлифовал собственно национально-локальное, бежтинское, представленное большинством жанров фольклора. Духовность народа, его творческое начало проявилось в традиционной народной медицине, находившейся на достаточно высоком профессионально-практическом уровне. Богат и разнообразен внутренним содержанием досуг бежтинцев, дававший простор творческому и эстетическому началу в традиционно сложившихся формах его проведения. Религиозные верования, как и вся сфера духовной культуры, развивались у бежтинцев не сами по себе, а в тесном контакте с другими народами Дагестана, Кавказа, народами других регионов мира. Не подлежит сомнению теснейшая связь идеологических представлений народа со всем строем материально-экономической жизни общества. Отсюда, из хозяйственных форм и их специфики, вытекали, в частности, и особенности народного сельскохозяйственного календаря.

Духовная культура бежтинцев, во всей ее совокупности, позволяет иметь представление о творческом начале народа, о сокрытом в его среде богатом и своеобразном идеологическом и эстетическом потенциале.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: О СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ У БЕЖТИНЦЕВ

Изменения, происшедшие за последние несколько десятилетий в общественных отношениях и в быту, в хозяйстве и культуре народов России, Кавказа и Дагестана не могли не коснуться бежтинцев.

В 1928 г. в с. Бежта был образован крестком. Сюда же входили и отдельные хозяйства с. Хашархота. Первым председателем кресткома был избран Майлов Рамазан. К 1929 г. у кресткома было уже 30 га пахотных и покосных земель, 45 овец и коз, 12 коров и быков. Большая часть перечисленного имущества была образована за счет отчуждения вакуфного имущества. В эти же годы в с. Бежта, Хашархота и Тлядал стали возникать первые товарищества по совместному выпасу скота. В 1934 г. здесь созданы первые производственные объединения, просуществовавшие год-полтора, а в марте 1935 г. на базе товариществ по совместному выпасу скота и обработке земли возник колхоз им. С. М. Буденного, в который вошло 30 дворов. На 1 декабря 1936 г. таких дворов уже насчитывалось 160 с 773 членами колхоза, из числа которых трудоспособных мужчин и женщин насчитывалось 414 человек. На конец этого же года колхоз имел 9 голов крупного рогатого скота, 1391 овцу, 620 коз и 1 лошадь. Колхоз, понятно, сохранил животноводческую направленность: из общего числа выработанных в этом году трудодней — 1771 — 1478 дало животноводство¹.

В последующий период в хозяйстве бежтинцев произошли значительные изменения. Переселенческая политика, планомерно проводимая партийными и государственными органами республики поэтапно с 20-х годов², в результате которой более 20 тысяч гор-

¹ Магомедов М. М. История колхозного села Бежта. Махачкала, 1975. (Машинопись).

² См.: Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965; Баглиев З. Д. Переселение горцев на равнину — путь к изобилию и культуре. Махачкала, 1967; Он же. Руководство партийной организации Дагестана переселением горцев на равнину. Махачкала, 1975; Гаджиев А. С. К истории переселения горцев Дагестана на равнину // Вопросы истории Дагестана и Северного Кавказа, Махачкала, 1973, Ибрагимов М.-Р. А. Формирование современного этнического состава населения в равнинном Дагестане // Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988.

цев образовало на плоскости 76 новых населенных пунктов и более сотни колхозов и совхозов, коснулась непосредственно и бежтинцев, что в целом привело к негативным последствиям в хозяйственном развитии. Значительная часть их проживает на плоскости, где созданы прикутанные хозяйства, со значительными площадями, отведенными непосредственно под полеводство, садоводство и бахчеводство. Скотоводство, главным образом овцеводство, сохранило преимущественно отгонный характер. Несмотря на то, что прикутанные хозяйства дают значительную долю прибыли, колхозы бежтинцев и на сегодняшний день нерентабельны, убыточны. Наш опросный материал говорит о том, что бежтинцы возлагают надежды на новые экономические веяния последних лет. Постепенное усиление фактора экономической самостоятельности хозяйств, новый закон о земельной собственности, усиление роли сельсоветов, внедрение более прогрессивных хозяйственно-экономических форм и отношений (подряд, аренда) позволяют трудящимся видеть весьма положительные экономические перспективы.

Поселения хуторского типа у бежтинцев либо разрушаются, исчезают, либо превращаются в сезонные хозяйственные единицы для временного содержания скота. Повсеместно наблюдается стремление к застройке новых территорий, население тяготеет к современным жилищам с отдельным двором и приусадебным участком. Значительная часть старых жилищ перестроена: увеличены проемы окон и дверей, усовершенствована система отопления, часто население прибегает при подобных перестройках к увеличению кубатуры жилых помещений за счет высоты потолочных перекрытий и т. д. Подавляющее большинство современных домов бежтинцев — это двухэтажные хозяйственно-жилые комплексы. При этом из года в год увеличивается процент комплексов, где помещения нижнего этажа служат для размещения хозяйственных припасов и сельхозинвентаря. Тут же часто находится одно, иногда два отапливаемых помещения, где собирается за завтраком или ужином вся семья, зимой семья здесь же располагается и на ночлег. Верхние этажи комплекса в этих случаях носят «гостевой», «парадный» характер: здесь расставлена современная мебель, стены покрыты коврами, здесь же хранятся книги, красивая посуда и прочее.

Еще до 40 — 50-х годов у бежтинцев можно было наблюдать определенную тенденцию к отделению хозяйственного комплекса вообще от жилого, при котором хлевы и сеновалы часто переносились за пределы селения. Сейчас хозяйственные службы с жилыми помещениями чаще всего тяготеют к единому комплексу. Объясняется это в значительной мере тем, что из года в год неуклонно падает количество скота, находящегося в личной собственности хозяев.

Традиционные промыслы бежтинцев на сегодняшний день на-

ходятся в состоянии забвения и упадка. Намного снизилась выделка овчины, производство кожи, сукна, носков, вязаной обуви, мешков, паласов и др.: все это вытеснено или почти вытеснено товарами фабрично-заводского производства. Паласы изредка еще ткуются, имеет место производство шерстяных носков и вязаной обуви; производство сукна и войлока давно прекратилось, техника и технология выработки кож почти позабыта. Обработка овчины все еще имеет место: она идет на изготовление тулупов, которыми утепляются представители старшего поколения в осенне-зимний период.

Изменились коммуникативно-транспортные условия бежтинцев. Дорога, связующая с Бежта со столицей республики, намного улучшена. Исчезли труднопроходимые и опасные навесные участки дороги, которая расширена и укреплена на наиболее сложных своих участках, на участке Советское — Бежта пробиты удобные туннели. Пассажирский транспорт совсем еще недавно доходил только до с. Анцух (в 30 км от с. Бежта), дальше желающему попасть в райцентр приходилось дожидаться попутного грузового транспорта. В августе 1990 г. компетентная комиссия признала этот участок пригодным для движения пассажирского транспорта. Будут сданы в эксплуатацию новые дороги: одна из связывает Цунтинский (Цезский) участок Цунтинского района с Цумадинским районом и, таким образом, намного укоротит автотрассу Махачкала — Бежта через Буйнакск — Гергебиль — Голотль — Советское — Анцух; другая соединит с. Бежта через Кавказский хребет с грузинской трассой Кварели — Тбилиси, имеющей продолжение на Белоканы и Закаталы Азербайджанской ССР. Кроме того, население Цунтинского р-на (а, следовательно, и бежтинцы), связаны со столицей Дагестана самолетно-вертолетной трассой с регулярным движением по ней. Многие бежтинцы имеют и личный транспорт. Всего на середину 1990 г. у бежтинцев, проживающих в Цунтинском районе, находится 446 мотоциклов и легковых автомашин.

Тем не менее, значение гужевого транспорта, утратившего, понятно, свои прежние позиции, все еще ощутимо. Внутрирайонные, межрайонные передвижения и перевозки иногда осуществляются на лошадях. В этом же плане сохранили свое значение перевозки на ослах. Бытование подобных перевозок особенно значительное в осуществлении торгово-экономических связей бежтинцев с Грузией, все еще сохранившихся и в наши дни. На лошадях и ослах в Грузию вывозится для реализации топленое масло, шерсть, шкуры и, чаще всего и главным образом высококачественный бежтинский коровий и овечий сыры. Из Грузии бежтинцы возвращаются с изделиями фабрично-заводского производства республики, главным образом товарами бытового назначения, закупаются там также фрукты и кондитерские изделия.

Значительно изменились поселения бежтинцев. В каждом селении выделяется его старая, наиболее скученная часть с жили-

щами и хозяйственными постройками традиционной планировки и техники строительства. Эта часть селения как правило основательно разрушена, наименее заселена, многие помещения здесь используются под хозяйственные службы (склады, сеновалы, хлевы). Основная часть населения располагается ниже, на территориях бывших джамаатских угодий; построены одноэтажные, часто — двухэтажные хозяйственно-жилые комплексы с отдельными дворами-усадебными участками. Часть бежтинцев проживает в прикутаных хозяйствах, поселившись смешанно с другими народами Дагестана. Особенности их расселения на новых местах и культурно-этническая специфика других этнографических аспектов, связанных с изменением поселенческой структуры, хорошо освещены для всех горцев-переселенцев в коллективном исследовании группы дагестанских этнографов¹. Поэтому, касаться этих проблем мы не будем.

Часть бежтинцев проживает в городах и других районах Дагестана: до 200 семей в Махачкале, от 30-ти до 50-ти — в Буйнакске, более 250 — в Хасавюрте, до 30-ти — 40-ка — в Кизилюрте и др. 350 — 400 семей проживает на новых местах в плоскостной части Дагестана, на Кумыкской плоскости.

Резко изменился внешний облик жилищ. Совершенно исчезло перекрытие крыш колотыми дощечками, исчезли также и плоские крыши. Сейчас большинство домов крыто оцинкованным железом, жестью, шифером. По сравнению с традиционными значительно увеличились проемы окон и дверей, подавляющее большинство домов имеет застекленную галерею, при строительстве домов повсеместно используются современные материалы: цемент, алебастр, олифа, краска, фабричные скобяные изделия и др. Значительно изменилась кубатура жилых помещений за счет увеличения высоты потолков. Увеличивается из года в год количество домов, построенных полностью или частично из привозного кирпича или тилевого камня. Заметен рост тенденции к увеличению количества комнат жилого помещения: под гостиную, столовую, детскую, для старшего сына, старшей дочери и др. Нередко у бежтинцев, как и повсеместно у горцев Дагестана, площадь жилых помещений увеличивается за счет переоборудования хозяйственных помещений. Под жилые комнаты перестраиваются хлевы и склады в нижнем этаже комплекса: необходимость держать прежние количество мясного, молочного и рабочего скота, запасов продуктов, продовольствия, комплекта рабочего, сельскохозяйственного и хозяйственно-бытового инвентаря из года в год сокращается. Дома отапливаются иногда ставшими традиционными пристенными каминными, часто более современными встроенными печами с плитой и духовкой и кривым дымоходом. Нередко помещение отапливается железной переносной печью, устанавливаемой в одной из комнат в осенне-зимний период и выносимой во двор в весенне-летний сезон. Дрова для отопления с разрешения местных властей заготов-

¹ Традиционное и новое в современном быте и культуре...

ливаются в лесу, жителям предоставляется возможность приобретения привозного каменного угля. Для приготовления пищи большинство хозяйств пользуется газовыми плитами, работающими на привозном газе. Обычно в холодное время года семья на завтрак, обед и ужин собирается в отапливаемом помещении, где на днючо остаются на ночь пожилые члены семьи или матери с детьми.

Изменилось внутреннее убранство домов бежтинцев. Стены чаще всего украшены (и утеплены) коврами, чаще промышленного производства, реже ручной работы. Последние — преимущественно южнодагестанские. Полы застелены дорожками, паласами (нередко — кустарной выработки) и выделанной овчиной. Комнаты заставлены мебелью, причем современные ее образцы могут соседствовать с традиционными: полностью занимающая одну из стен «стенка», например, может соседствовать со скамьей со спинкой, еще недавно служившей хозяевам или их родителям кроватью, а новейшего образца стулья и мягкое кресло сочетаться с низеньким горским стульчиком и др. Подобное сочетание нового и традиционного наиболее резко бросается в глаза в комплексе кухонной утвари, где современная фаянсовая, стеклянная, фарфоровая, хрустальная, эмалированная посуда стоит вперемишку с традиционными для местного населения керамическими и медночеканными изделиями. Последние, кстати, выполняют более декоративные, а не утилитарные функции.

Эта приверженность бежтинцев к традиции, вытекающая из особенностей этнопсихологического склада народа, специфики культурно-бытовой адаптации к современным этническим процессам (в широком значении понятия), из категорий и составных этнического самосознания и других объективных условий социальной, экономической, политической и культурной жизни народа, относится и к современной его одежде. В основных своих видах и типах она сходна с городской одеждой граждан многих регионов России: это отечественные и импортные фабричные костюмы, рубашки и брюки, пальто и полупальто, куртки и плащи, кепки, ушанки и шляпы, туфли, сапоги для мужчин, платья, платки, пальто, шубы и плащи для женщин, одежда почеркнута — спортивного вида для юношей и девушек, современный ассортимент женских украшений — и т. д. Однако небольшая часть мужского населения, особенно пастухи и чабаны, и сейчас носят лохматые конусообразные папахи из овчины и андийские бурки. Каждый взрослый мужчина — бежтинец как правило обзаводится овчиной шубой — накидкой, преимущественно без рукавов. Такие шубы одеваются мужчинами в холодное время года при сборах на тодэкане и особенно при традиционных собраниях соборствующих у дома родственников покойного. Приверженность к традиционному костюму всадника (свободного покроя брюки, черкеска или бешмет, не связывающие движений верхового или пешего воина и др.) наложившая отпечаток на вкусы мужчин более позднего поколения. Часть мужчин среднего и старшего возраста до наших дней является

приверженцем костюма военного покроя, вошедшего в моду в предвоенные и послевоенные годы: тип кителя или гимнастерки, подпоясанной широким офицерским или узким наборным кавказским ремнем, брюки-галифе, сапоги. Часть женщин носит чухту; чаще всего это зрелые и пожилые женщины; подавляющее их большинство с детских лет носят косынки и платки, стараясь без головного убора на людях не показываться. Та же, первая категория женщин, постоянно носит штаны традиционного покроя из темного материала, со штанинами, доходящими до щиколоток. Девочки, девушки и молодые женщины в подавляющем большинстве носят тамаши (девочки — чаще колготки). Платье-рубашку традиционного покроя, перехваченную поясом — повязкой, тоже носит часть женщин среднего и старшего возраста. Необычайно возрос интерес бежтинок к традиционным народным украшениям. Если раньше кольца, перстни, браслеты, нагрудные и нащечные украшения носились редко, два-три раза в год, то теперь те, кто умудрился хоть что-то из этого сохранить, надевают украшения повседневно, даже на работу.

Традиционные черты сохранила и кухня бежтинцев. Широко вошедшие в быт наших народов разнообразные блюда русских, украинцев, народов Закавказья и др. (супы, борщи, соусы, пловы, гуляши, шашлык — во всем их разнообразии и др.) не вытеснили месные пироги-чуду с разнообразной начинкой, разновидности хинкала, сушеное мясо, домашние колбасы, курдюки, домашние сыры и брынзу.

У современных бежтинцев господствует малая простая семья. Тенденция к выделению молодой семьи сразу же после свадьбы у бежтинцев хорошо прослеживается.

Старшие из сыновей при престарелых родителях берут на себя заботы не только о родителях, но и о младших сестрах и братьях. Совершенно новым явлением для бежтинцев стало примачество, т. е. проживание мужа у родителей или родственников жены. Такое положение вещей в народе осуждается и в наши дни; о чем говорит и низкий процент этих семей. Само их бытование как правило временное, продиктованное необходимостью для молодых обосноваться где-то на первое время, пока дом строится или покупается, подбирается. В основном это молодые семьи, где жена — коренной житель, а муж выходец из другого селения. Несмотря на то, что количество разводов у бежтинцев медленно, но, к сожалению, неуклонно растет (хотя, что отрадно, гораздо медленнее, чем по городам Дагестана и по республике в целом — см. таблицу), можно отметить, что на повторный брак женщины решаются намного реже, чем мужчины. Отрадно отметить также, что число мужчин и женщин-одиночек здесь незначительно. Из 30 отмеченных нами случаев лишь 9 (5 женщин и 4 мужчин) — это люди старшего возраста, живущие в одиночестве по собственному желанию. Все они обществом без внимания и заботы не оставлены; их постоянно навещают, следят, чтобы они не

Нуждались в топливе, продовольствии, в бытовых услугах и т. д.

Традиционно большинство бежтинских семей своей главой считает мужчину, главным образом отца семейства, даже в тех случаях, если с ним проживают его же родители. Не утрачена традиция, уходящая своими корнями в более ранние этапы развития общества, а именно, тенденция относится к отцу-деду как к главе семьи. Не случаен относительно высокий процент (10,2%) лиц, относящихся к категории главы семьи женщину, жену и мать, в руках которой сосредотачиваются доходы семьи: это уже реальный отход от традиций, продиктованный условиями хозяйственно-экономического быта. То же можно сказать и о тех случаях, когда главой семьи выступает тот, кто вносит большую долю в общесемейный бюджет (15,5%). Такой же процент опрошенных высказывается за равноправные, демократические отношения в семье или, точнее, констатируют эти отношения. Это вполне закономерное явление, продиктованное условиями жизни современного общества, в котором много и, главным образом, рационально, пересмотрено и вошло в жизнь в смысле усиления роли женщины в семье и в обществе, в росте статуса авторитета и прав совершеннолетнего гражданина.

Браки у современных бежтинцев заключаются преимущественно по любви. Это основополагающее обстоятельство вовсе не означает, что в выборе партнера брачующиеся и их родители не отталкиваются от каких-то критериев и принципов. Вопросы степени материального благосостояния семьи жениха или невесты, образования и специальности, социального статуса, благовоспитанности, трудолюбия, внешних данных в том или ином плане и в различных сочетаниях непременно учитываются. Все еще играют какую-то роль вопросы происхождения. Если в сс. Бежта и Хашархота сословная неполноценность предков жениха или невесты давно утратила свое значение, то в с. Тлядал подобные соображения хоть и весьма редко, но во внимание принимаются. Имеют место у бежтинцев и случаи настоячивых рекомендаций и откровенного давления родителей в вопросах выбора брачного партнера для своих детей. По-прежнему предпочтительными в глазах общественного мнения остаются внутритухумные (особенно в с. Тлядал) и внутрисельские, внутриджамаатские браки. Немалый процент браков падает на межсельские внутриэтнические союзы. В количественном отношении за ними следуют браки с представителями народа, близкими по территории, языку и культуре, т. е. межэтнические браки с представителями народов аварской группы или аварцами как таковыми. Межнациональных браков с представителями других народов Дагестана меньше, еще меньше союзов с представителями других народов Закавказья и Северного Кавказа.

Предсвадебные, свадебные и послесвадебные обряды и обычаи бежтинцев заметно упростились. Оставаясь по сути национально-традиционными, они утратили большинство своих элементов и составляющих, в основном сохранив скелетную основу, каркас не-

когда красочного и по ритуалам сложного общеджамаатского торжества.

Бежтинская семья многодетна. По нашим сводным данным на 1988 г. в 410 бежтинских семьях по одному ребенку имеют 24 семьи (из которых 20 намерены увеличить овою семью) 76 семей имеет по 2 детей, 207 — по 3; 71 — по 4 и 32 семьи — 5 и более детей. В этом случае традиция берет вверх над трудностями проблем экономического плана.

Вырос образовательный уровень бежтинцев. По нашим подсчетам, полученным на основании данных, предоставленных сельсоветами, на 1988 г. в сс. Бежта, Хашархота и Тлядал, 2,7% населения не умеет ни читать, ни писать по-русски или по-аварски. Однако, из этого числа жителей около 70% их умеет и писать на аджамае, и читать написанное. 4,8% населения читает и пишет только по-аварски (или на родном языке) — на основе русской графики. Таким образом, 92,5% бежтинцев грамотны в том смысле, в каком это фиксируется официальной статистикой. Из этого числа начальное образование имеет 7,8% населения, семи-восьмилетнее — 26,4%, среднее — 28,7%, среднетехническое (техникумы и училища на базе 10-летки) — 20,3%, высшее — 9,3%.

Как и все трудящиеся СНГ, бежтинцы в подавляющем большинстве читают русскую классическую и зарубежную литературу, а также художественные произведения и периодическую печать на аварском языке. К их услугам районная, сельские и школьные библиотеки, которыми бежтинцы активно пользуются. Во всех семьях имеются приемники и телевизоры, давно уже не новинка для них кассетная видеоаппаратура.

Бежтинцы многоязычны. Все население поголовно знает, кроме родного аварский и русский языки, среднее и старшее поколение говорит по-грузински, могут объясниться на кумыкском или азербайджанском языке, зачастую владеют языками соседних народов — цезов, тинухцев, гунзибцев.

Как и другие народы аварской группы, бежтинцы исторически консолидируются с аварцами, с которыми их сближают генетическое родство, общность исторических этапов социально-экономического и культурного развития, схожесть, а порой и идентичность элементов традиционного хозяйства, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта. Они не только потребители, но и производители авароязычной культуры: местная интеллигенция и представители других социальных слоев пишут на аварском языке стихи, повести, очерки, слагают песни и т. д.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	— Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ЗКОИРГО	— Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис.
ИГЭД	— История, география и этнография Дагестана: Сб. архивных материалов под ред. М. О. Косвена и Х. О. Хашаева. М., 1958.
К	— газ. «Кавказ». Тифлис.
КК	— Кавказский календарь. Тифлис.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва.
КЭС	— Кавказский этнографический сборник. Москва, Тбилиси.
МАД	— Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
РФ ИИАЭ	— Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.
СМОМПК	— Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа. Тифлис.
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
СЭ	— журн. «Советская этнография». Москва.
УЗ ИИЯЛ	— Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.
ЦГА ДАССР	— Центральный государственный архив Дагестанской АССР.
ЦГИА	— Центральный государственный архив Грузинской ССР.
ЭО	— Этнографическое обозрение.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

стр.	строка	напечатано	должно быть	стр.	строка	напечатано	должно быть
1	2	3	4	1	2	3	4
8	8 св.	Къадал	Къадал	164	4 св.	лъовас	лъовас
8	7 св.	хъванал	хъванал	164	6 св.	ахъийотъ	ахъийотъ
9	14 св.	хъванал	хъванал	164	7, 13 св.	«Ургъеллихта...»	«Ургъеллихта...»
9	15 св.	хъвани	хъвани	164	8 св.	ахагъа	ахагъа
164	18 св.	«Гъен...»	«Гъен...»	238	3 св.	сложных	сложных
164	21 св.	геъ	геъ	238	13 св.	прозе	прозе
164	3 св.	геъ	геъ	244	16 св.	образа	образа

Исправления внес ответственный редактор
М. Ш. Халлов.
14/VI—1996 г.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

стр.	строка	напечатано	должно быть	стр.	строка	напечатано	должно быть
1	2	3	4	1	2	3	4
8	8 св.	Кьадал	Кьадал	164	4 св.	лъос	лъовас
8	7 св.	хъванал	хъванал	164	6 св.	ахъиелън	ахъийолън
9	14 св.	хъванал	хъванал	164	7, 13 св.	«Ургъеллихъа...»	«Ургъеллихъа...»
9	15 св.	хъвани	хъвани	164	8 св.	ахагъа	охагъа
9	7 св.	Бакралъ, Гъабуракъа, Бурдолакъи	Бакралъ, Гъабуракъа, Бурдолакъа	165	3 св.	ухолъда	уьхолъда
9	2 св.	Шагъар-Гулуч	Шагъар-Гулуч	165	11 св.	отхъо	оьхъа
10	16 св.	Нигъалъ	Нигъалъа	165	15 св.	адлолакъа	адлолакъа
35	5 св.	хъо, юкъо	хъоьн, юкъо	165	18 св.	йохъца	йахъца
36	13 св.	лъель	лъель	165	19 св.	«Онсилъ...»	«Онсилъ...»
36	14 св.	цодологъоло	цодоло гъоло	165	22 св.	Йейакъ-еясна	Йейакъеясна
38	22 св.	кешито	кашитито	165	23 св.	лъиёда	лйийёда
38	23 св.	бохтито тшош	тшотито бох	165	24 св.	«...онс багъиъ ла-къа»	«...онс багъиъла-къа»
39, 98	6 св., 18 св.	Йодо	ойдо	165	1 св.	шшугошовас	шугошовас
40	16 св.	битлеш	битлеш	165	2 св.	онс	онс
40	18 св.	чикле	чикле	165	7 св.	лъиццагъас	лъиццагъас
47	4 св.	бъл	бъл	165	8 св.	гатга	гагъаь
47	1 св.	къем	къейа	166	4 св.	икъе шгъос	икъеш гъос
48	17 св.	Цялъ	Цял	166	13 св.	«Духъацакъа...»	«Духъацакъа»
49	4 св.	барги	барти	166	16 св.	кеч	кеч
52	2—3 св.	юкъоехош,	хетито йохос,	166	19 св.	энхе ягъос	энхе ягъос
52		гвакля	гвакля	166	9 св.	бештинцев	бештинцев
53	13 св.	сизкинегъаше, къай	сизкийо гъаше, къай	166	16 св.	гъилъгъагъас	гъилъхагъас
54	7 св.	юкъа, мой//мир	юкъо, мой//мур	167	14, 23 св.	угъослас, угъос	угъослас, угъос
59	13 св.	къушен	къушен	167	15 св.	ди	до
66	14 св.	жоничекас маъче	жо йиничекас маъче	167	18 св.	ако	ахо
70	9 св.	Цябилъ	Цябил	167	19 св.	дукля	дукъа
74	12 св.	«Йколь»	«Йколь»	167	2 св.	зогъакала	зогъакъала
79	14, 16 св.	Къогъокъагъа-лас(а)	Къогъокъагъас(а)	167	7 св.	цликена	чиклена
91	1 св.	карабакъ	харабакъ	169	7 св.	дибала	дибола
92	1 св.	бакъ	бакъ	170	20 св.	оцлас-саъа	оцлассаъа
95	1 св.	«коба»	«кобо»	171	7, 8, 9 св.	Мица, гъабакъа	Мица, гъабакъа
96	1 св.	гъаьналъча	гъаьналъча	172	12 св.	гаъанна, Хурши	гаъанна, Хурши
96	3 св.	агъалалъча	агъалалъча	173	11 св.	ох ябеё лъи	ох ябейолъи
98	19 св.	уддо, гъацо, чемук	цуддо гъацо, чемух	173	16 св.	кюкюлълъи	кюкюлълъи
98	22 св.	гъад	гъад	173	23—24 св.	си силлолълъи	си силлолълъи
98	25 св.	гъукю	гъукю	174	6 св.	бетле	betle
98	9 св.	аккъея	аьккъея	175	15 св.	«къай-къапо»	«къай-къоно»
100	2 св.	къодосягъо-йель	къодос ягъойо	175	10 св.	гъада	гъаде
101	19 св.	балло	балла	176	11 св.	болкъа	боллокъа
101	4 св.	магъа	магъа	177	19 св.	килагъас	калагъас
106	6 св.	абойо	абойо	178	22 св.	Нахъотбизе»	«Нахъотбизо»
111	9 св.	гъиъгъас ис (иси)	гъиъгъас ис (иси)	178	1 св.	«къикъийо...»	«къокъийо»
129	3 св.	«Йлос гълу»	«Йлос агълу»	178	23 св.	«пикюл»	«пикюл»
129	16 св.	«агълучи»	«агълучи»	178	12, 13 св.	марчюкюлълъ, ялс	марчюкюлълъ, ялс
129	13 св.	«магъун»	«магъун»	180	оховадда	ялдохъовадда	
129	7 св.	«азлу-низам»	«адлу-низам»	181	ялдохей	ялдохей	
143	8 св.	икъал	икъал	181	14 св.	«хъибос яхъо»	«хъибас яанкъо»
144	5 св.	продлжается	продлжается	184	19 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
156	6—7 св.	нагъиляъ	нагъиляъ	184	3 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
163	17 св.	ехал	йохал	189	17 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
163	9 св.	гъажатаб	гъажатаб	189	1 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
163	5 св.	«Онкъова...»	«Онкъова...»	189	1 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
164	8 св.	гачел	гачел	189	7 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
164	11 св.	нисалакъа	нисалакъа	189	13 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
164	14—15 св.	Бетлергъан биллос	Бетлергъан — биллос	190	10, 12 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
164	18 св.	абобкъа	абобкъа	190	20 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
164	21 св.	«Гъен...»	«Гъен...»	191	16 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
164	3 св.	гей	гей	238	3 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
				238	13 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо
				244	16 св.	«Боллогъас багъо-лъи», «Боллогъас	«Боллогъос багъойо

Исправления внес ответственный редактор
М. Ш. Халилов.
14/VI—1995 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	8
ГЛАВА I. Краткий исторический очерк о бежтинцах (капучинцах)	31
ГЛАВА II. Социально-экономическое развитие капучинцев	31
§ 1. Хозяйство	65
§ 2. Социальные отношения	78
ГЛАВА III. Материальная культура бежтинцев	78
§ 1. Поселения	82
§ 2. Жилище	91
§ 3. Одежда	97
§ 4. Пища	103
ГЛАВА IV. Семья и семейный быт	126
ГЛАВА V. Общественный быт	126
§ 1. Управление	133
§ 2. Судостроительство и судопроизводство	143
§ 3. Обычай кровной мести	148
§ 4. Гостеприимство и куначество	152
§ 5. Обычай взаимопомощи	160
ГЛАВА VI. Духовная культура	160
§ 1. Народное образование	162
§ 2. Устное народное творчество	171
§ 3. Народная медицина	174
§ 4. Народный календарь и счет времени	179
§ 5. Народные увеселительные собрания, праздники, игры	187
§ 6. Домонотеистические верования и обряды	200
Вместо заключения: о современных этнических процессах у бежтинцев	200

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

instituteofhistory.ru

ЛУГУЕВ Сергей Абдулхаликович
МАГОМЕДОВ Даниял Муртазалиевич

БЕЖТИНЦЫ (капучинцы)

Историко-этнографическое исследование
XIX — нач. XX вв.

Редактор Магомедов Дж. К.
Художник Гитиналов М.-А.
Тех. редактор Абдуллаев А. К.

Н/К

Сдано в набор 3.10.94. Подписано в печать 16.12.94.

Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Литературная». Печать высокая.

Усл. п. л. 15,6. Уч.-изд. л. 17,4.

Тираж 2000 экз. Заказ 526. Цена договорная.

Институт истории, этнографии и археологии
г. Махачкала, ул. 26 Бак. комиссаров, 45

Типография Дагестанского научного центра РАН
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

30p.